

семья и школа

1/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*Сегодняшний
школьник —
человек
сложного
умственного
труда.
Можно ли
в заботах
о духовном
росте
ребенка
забывать
о законах
его физического
развития?*

школа
начинается
с вешалки...

Зима, зима,
веселье, кутерьма...
Когда вы получите
этот номер
журнала,
зимние каникулы
будут позади
и начнется
самая длинная,
самая трудная
школьная
четверть.
Но пусть
не будут позади
ребячьи
зимние забавы.
О здоровье
школьников
думают
педагоги и врачи.
Румянец на щеках
своих детей
хотят видеть
родители.
Мы рассказываем
в этом номере
о сессии
двух Академий,
педагогической
и медицинской,
обсуждавшей
вопрос —
„Школа и
здоровье“.

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщее среднее и ПТУ. (На вопросы отвечает начальник Учебно-методического управления Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию Е. П. Морозов)	2	Природа А. Онегов. Как дела в живом уголке?	35
И. Краснополская. Учиться на здоровье!	4	Б. Рассел. Мысли и наблюдения	38
Ю. Соколовский. Простота сложности	8	А. Бухвальд. Три фельетона: В воскресенье после обеда; Трудно быть безупречным мужем; Визит к бабушке	42
Из педагогического наследия Н. К. Крупская. Интернациональное воспитание	12	Книги И. Линкова. Увлекательный поход пионерский	44
Университет для семьи	14	В. Петров. Тропой прекрасного	45
Истории из жизни И. Гамаюнов. Шаг за черту	16	С. Соловейчик. В товарищи нашим сыновьям	46
Почта Ну и сказали бы откровенно. (Ответ на письмо читательницы В. Стражевой)	19	В. Рыбаков. Судьба учителя	47
И. Браславская. Всё постепенно	19	Т. Грум-Гржимайло. Ключи от царства музыки	49
Специальная школьная. (Ответ на письмо читательницы Валентины С.)	20	Э. Кузьмина. Самые лучшие чудеса	51
Зачем такая выставка? (Ответ на письмо читательницы Н. Королевой)	20	Недавно выпущено...	51
Разве только уроки? (Ответ на письмо читательницы М. Тарасовой)	21	Кино А. Коллегаева. Ролан Быков ставит «Телеграмму»	52
Если вторая смена. (Ответ на письмо читателей Е. Мащенко, О. Астафьевой, Н. Вериной)	21	Подросток на экране и перед экраном: С. Богуславский. Счастье — это когда тебя понимают; Л. Очаковская. Прогнозировать будущее	55
Н. Кондрашов. Расскажите сказку	22	Старинные наставления	57
Психологический семинар: учебная работа школьника К. Бардин. Трудные предметы	23	Уроки хороших манер	58
Про Мурашку	26	С. Глязер. Игры фигуристов	60
События семейного значения Г. Терехова. День рождения	29	Листая журналы	62
Консультации «Семьи и школы»	30	На 64 клетках	63
Школа дошкольника М. и Н. Волович. Чтение: домашние уроки	32	Картины нравов Л. Осипова. Свет улыбки	64
		На 1-й странице обложки фото А. Лидова. На 2-й странице вкладки фото Ю. Алтайского. На 4-й странице обложки фото Б. Раскина	

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Январь 1972 года
№ 1 27-й год издания

На XXIV съезде КПСС было подчеркнуто, что один из наиболее перспективных путей осуществления всеобщего среднего образования — средние профессионально-технические училища. Работа этих училищ интересует многих наших читателей. Итак:

Почему они возникли?

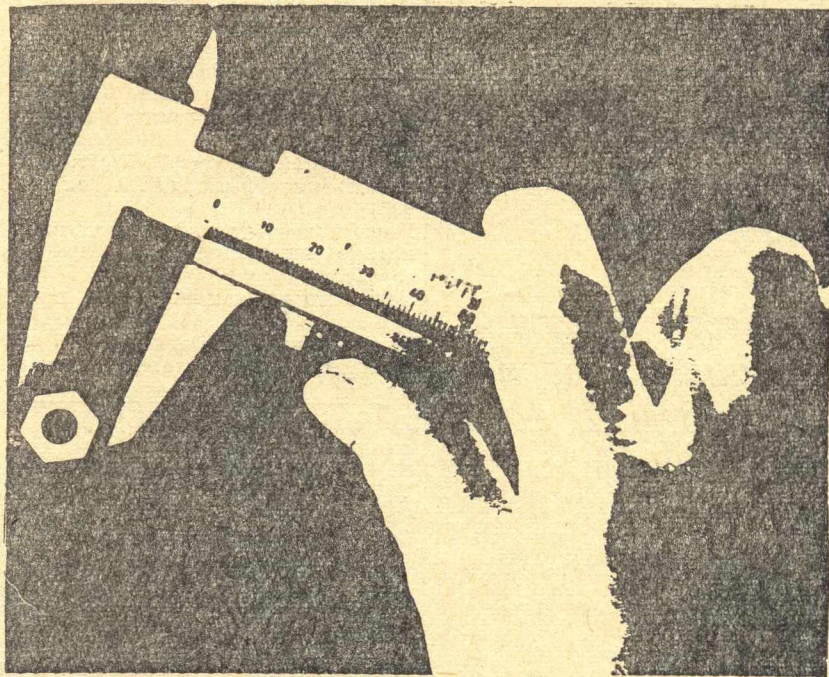
— Вы только послушайте, как звучат названия некоторых профессий, по которым профтехучилища стали готовить специалистов: оптик элементов квантовых приборов, монтажник элементов памяти на ферритах, наладчик технологического оборудования производства радиодеталей, мастер по технической диагностике сельскохозяйственной техники...

Современному производству все более нужен рабочий широкообразованный, творчески относящийся к труду. Известно, что рабочие таких специальностей, как наладчики и монтажники автоматических линий и станков с программным управлением, аппаратчики химического производства, радио- и электромеханики, сталевары, более половины своего времени затрачивают на операции, требующие умственного труда, а не физического.

Но это лишь наиболее яркое, бросающееся в глаза. Пусть не столь видны, но столь же существенны изменения в характере труда рабочих самых массовых, привычных профессий — и здесь все больше ценится рабочий не просто расторопный, но и смекалистый.

За пятилетку системой профтехобразования должно быть подготовлено не менее 9 миллионов квалифицированных рабочих (замечу кстати, что особенно возрастет подготовка кадров для сельского хозяйства, строительства, легкой и пищевой промышленности, предприятий бытового обслуживания). Конечно, общеобразовательная подготовка каждого из этих 9 миллионов будет выше, чем у прежних наших выпускников. Но особенно ясно выражается эта тенденция как раз в создании средних профтехучилищ. Общее образование помогает повысить уровень профессионального образования, уровень квалификации рабочего — вот как можно оценить значение средних ПТУ.

Отвечают они и интересам самого подростка, юноши, желающего вместе со средним образованием получить рабочую специальность и по быстрее встать в жизни на ноги.

Всеобщее среднее и пту

*На вопросы отвечает
начальник Учебно-методического управления
Государственного комитета Совета Министров СССР
по профессионально-техническому образованию
Евгений Петрович МОРОЗОВ*

Сколько? Где? Какие?

В настоящее время действует более 900 средних профтехучилищ. Директивами XXIV съезда КПСС прием в средние ПТУ намечено довести к 1975 году до 300—400 тысяч человек. Это значит, что в конце пятилетки каждый третий учащийся системы профтехобразования будет получать вместе с профессиональным средним образованием.

Средние ПТУ есть во всех крупных городах, да и не только в крупных. Те училища, которые готовят специалистов для села, естественно, к селу и приближены. Практически дело обстоит таким образом, что желающим учиться не придется уезжать далеко от дома.

В средних ПТУ готовятся рабочие по наиболее сложным профессиям. В перечне таких профессий и специальностей около 300 наименований. Лишь для того, чтобы показать, насколько широк их спектр, назову несколько: модельщик по деревянным моделям (в литейном деле), наладчик зуборезных и резьбофрезерных станков, сборщик часов, слесарь-сборщик летательных аппаратов, резчик по дереву, осмотрщик-ремонтник вагонов, радиооператор (гидрометслужба), прядильщица, печатник глубокой печати, портной (женских и детских пальто), цветовод-декоратор, младший ветфельдшер, тракторист-машинист широкого профиля, мастер-винодел... Действительно — выбирай на вкус.

Требования к поступающим? Ограничения?

В среднее ПТУ может быть принят любой подросток, окончивший 8 классов общеобразовательной школы. Никаких экзаменов или испытаний не производится.

Естественно, поскольку речь идет о профессиональной подготовке, при поступлении должны учитываться ограничения (установленные законодательством) по полу, возрасту и состоянию здоровья.

Так, минимальный возраст для поступления — 15 лет. Но в случаях, когда для работы по какой-то специальности запрещается применение труда тех, кто не достиг 18 лет, минимальный приемный возраст подростков увеличивается на полгода, чтобы к моменту окончания училища они обязательно достигли возраста, требуемого законом. (Это относится, например, к сварщикам, ко многим, кто будет трудиться на транспорте, на металлургическом производстве, в нефтяной и газовой промышленности).

Девушки не могут приниматься для обучения специальностям, требующим повышенной физической нагрузки (скажем, кузнечно-прессовым и термическим) или связанным с работой с вредными веществами.

Как видите, ограничения продиктованы только одним — заботой о здоровье молодежи.

Льготы и возможности учащихся? Обязанности?

В профтехучилищах учат бесплатно. Питание также бесплатное. Бесплатно общежитие, если учащийся в нем нуждается. Бесплатно выдается обмундирование и спецодежда. Только учись, и учись хорошо!

Те, кто выполнял все требования учебного плана и программ, после сдачи экзаменов — по общеобразовательным предметам и квалификационным — получают аттестат о присвоении разряда по профессии и получении среднего образования. Два аттестата в одном...

Окончившие училища в соответствии с планом распределения направляются для работы на производстве. Если для этого надо уехать с места постоянного жительства, то расходы, связанные с переездом, оплачиваются, а также предоставляются установленные законом иные льготы. Для того, чтобы выпускник имел возможность поработать после окончания училища, предоставляется отсрочка от призыва в Советскую Армию.

Получившие аттестат с отличием принимаются в вузы на льготных основаниях.

Итак, льгот, облегчающих учение и начало работы по специальности, — немало. Обязанность, собственно, одна — добросовестно учиться.

Материальная база? Оснащение? Кадры?

— Когда мы начали создавать сеть средних ПТУ, мы приняли за правило: этим училищам — лучшие помещения, лучшее оборудование, лучших преподавателей. Именно потому что мы ориентируемся на действительно высокий уровень образования и обучения, мы не можем спешить и создавать средние ПТУ «для количества».

Все наши профтехучилища, как известно, прикреплены к базовым предприятиям и организациям. Поскольку те заинтересованы в подготовке кадров, помогают нам хорошо. Если говорить о профессиональной подготовке, мы рассчитываем, что для обучения ребят будет выделяться самая новая техника,

что знакомиться они будут с самой передовой технологией. (Кстати, многого добились здесь сельскохозяйственные ПТУ — вся техника поступает из новых партий; так, трактор К-700 уже отлично знаком нашим ребятам, хотя широкое применение его в хозяйствах еще впереди). Если говорить об общеобразовательных предметах, то у ПТУ во многих отношениях большие возможности, чем у школы, — скажем, в оборудовании кабинетов, во внедрении технических средств обучения, программирования...

Сегодня в средних ПТУ работает около 10 тысяч преподавателей общеобразовательных дисциплин. Это квалифицированные, знающие люди, и тот, кто получает наш аттестат, может быть уверен — его знания не уступают знаниям выпускника обычной средней школы.

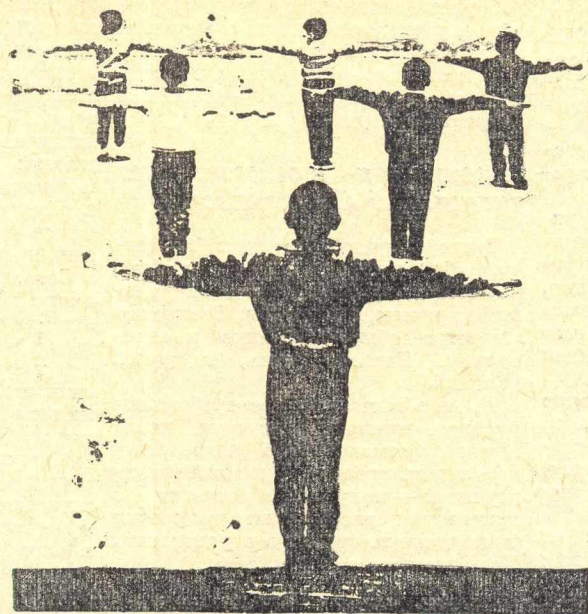
Что касается мастеров производственного обучения, то к работе мы привлекаем лучших специалистов, имеющих высшее и среднее специальное образование. Специалисты готовятся в 63 индустриально-педагогических техникумах. Подготовку инженеров-педагогов для системы профтехобразования начали вузы.

Охотно ли учатся ребята?

— Любопытный факт: примерно через год после прихода в училище успеваемость ребят резко повышается. То, что к нам пока идут не одни отличники, видимо, ясно. И вот тот, кто в школе (да в первые месяцы и у нас) учился на тройки, вдруг обнаруживает и рвение, и способность.

Вероятно, психологи и педагоги исследуют еще этот факт. Мне же кажется, что возникновение (вернее — возрождение) интереса к учению не случайно. Однажды попав в колею «троек», школьник выбирается из нее с трудом или чаще не выбирается вовсе — и прежде всего потому, что на него товарищи, учителя, родители смотрят (пусть невольно) как на неспособного, как на «серенького». Попав в ПТУ, получив значительно большую самостоятельность, ощутив свою ценность, подросток совершенно перестраивается внутренне, чувствует себя уверенней. Отсюда — успехи.

Возможно, играет роль и то, что значение образования демонстрируется у нас очень наглядно. «Теория» и «практика» помогают друг другу — общеобразовательная подготовка становится хорошим средством улучшить профессиональную подготовку, а та, в свою очередь, доказывает пользу наук, да и позволяет многие отвлеченные, «книжные» знания проверить живым опытом...

учиться

на здоровье!

$$2 \times 2 = x$$

Так называется документальный фильм, показанный на сессии. Фильм рассказывает, как в одной из школ Украины ведется преподавание по новым программам. (Кстати, авторы этих программ участвовали в работе сессии). За кадром голос учителя спрашивает: «Два умножить на два, получится...» Класс хором отвечает: «Четыре!» Этот вопрос и этот ответ повторяются несколько раз. А в это время на экране меняются эпохи. Вот одинокий пахарь идет за сохой. Вот «ликбез» первых лет Советской власти, индустриальные стройки пятилеток. Вот и полет человека в космос. А за кадром все тот же вопрос и все тот же ответ. Пока, наконец, на классной доске вместо $2 \times 2 = 4$ не появляется $2 \times 2 = x$. Усложняется время — усложняется учение.

Учение — труд сложный и долгий. Посильна ли для человека предлагаемая ему современной школой умственная нагрузка? Не возникает ли в детской жизни выбор: либо пятерки в дневниках, либо румянец на щеках? Глубокие разносторонние знания, бесспорно, нужны человеку, но необходимо ему и крепкое здоровье. А они совпадают, годы самого плодотворного учения и годы самого интенсивного роста...

Вопросов множество — и у учителей, и у родителей, да и у всех, потому что всем нам дороги дети — наша радость, наша надежда, наши сменщики на коммунистической стройке. Вот почему про сессию двух Академий, которая состоялась в Риге с 13 по 15 октября 1971 года, хочется сказать — долгожданная.

Невозможно разделять заботу о душе и теле ребенка. Участники сессии обсуждали пути объединения усилий двух наук, вырабатывали рекомендации, адресованные практическим работникам просвещения и здравоохранения.

корни перегрузки

Педагогическая наука считает доказанным, что для правильного воспитания и развития ребенка, подростка, юноши необходимо ве-

Состоялась объединенная сессия двух Академий — педагогических наук и медицинских наук. Тема ее — «Школа и здоровье».

сти обучение на доступном, но достаточно высоком уровне трудности.

Член-корреспондент АПН СССР Д. В. Эльконин говорил на сессии: «Несмотря на насыщенность новых программ, значительно превышающих по объему знаний содержание обычных, перегрузка отсутствует. Почти весь материал усваивается на уроках».

Перегрузка отсутствует? Но сам же докладчик уточнил: отсутствует в школах, где учебно-воспитательный процесс ведется на должном методическом и теоретическом уровне. Именно там в течение уже 12 лет не обнаружено никаких отклонений в здоровье ребят.

Увы, гораздо больше школ, где по новым программам учат старыми методами, вынуждая учеников запоминать то, что нельзя запомнить, если прежде хорошо не понять.

И все же, по мнению некоторых докладчиков, значение перегрузки несколько преувеличено. Может показаться парадоксальным, но на сессии немало говорилось и об опасности... недогрузки. Недогрузить мозг — значит не только замедлить его развитие. Чаше всего это приучает ребенка мыслить шаблонно, отказываться от всего творческого.

Ныне мир интересных явлений стал общедоступен через радио, телевидение, кино. И это прекрасно. Но возникает вопрос: не ведет ли это к пассивности восприятия действительности? Не обязательно идти в театр или читать, достаточно включить телевизор. Вместо того

чтобы погонять мяч во дворе, можно посмотреть игру классных команд. Причем все это доступно чуть ли не с пеленок. И не случайно некоторые ученые считают, что поступающие в школу дети по развитию значительно выше своих сверстников, положим, тридцатых годов. Но при этом, видимо, нельзя забывать, что чрезмерное обилие впечатлений мешает ребенку их осмыслить, ведет к пресыщенности, к поверхностности чувств. Потому программы и новые методы обучения ориентируются на активное формирование у детей еще более высоких интеллектуальных и познавательных возможностей.

Однажды провели простой эксперимент. Ученикам 3-го класса, работающим по новым программам, восьмиклассникам, которые учатся по старым, и студентам литературного факультета пединститута предложили задание: подчеркнуть соединительные гласные в тексте. С результатом эксперимента познакомили участников сессии. Вот он. В третьем классе с заданием справилось 96 процентов, в восьмом — 44 процента, в институте — 98 процентов. Комментарии, видимо, излишни.

Объединенная сессия поручила Президиуму Академии педагогических наук СССР усилить исследования в области совершенствования методов преподавания, повысить контроль за содержанием и объемом учебников, разработать примерный объем домашних заданий для всех классов.

Медики тоже считают, что работа — это норма жизни, ее главный стимул. Но здесь одно непременно: хорошие гигиенические условия жизни и работы.

Привычное слово «режим» очень часто звучало в зале заседаний. Было повторено известное: хорошая работоспособность зависит от правильно выбранного и строго соблюдаемого режима. И. П. Павлов писал: «Нет ничего более властного в жизни человеческого организма, чем режим». Но что же такое правильный режим? И для всех ли он одинаков?

Сколько должен заниматься ребенок в школе, дома? Сколько он должен отдыхать? Сколько спать? Сколько гулять? Один справится с домашним заданием за час, другой просидит все три. Могут сказать: один прилежнее, другой непоседа, у одного хорошие способности, у другого похуже. Все правильно. Поэтому и к выработке режима надо подходить не шаблонно.

Участники сессии записали в резолюции, что следует создать обобщенные рекомендации режима

труда и отдыха для школьников разных возрастов, принять меры к внедрению их в жизнь семьи и школы. Эти рекомендации должны быть рассчитаны на все 24 часа, на 365 дней в году, а не на 200—225 учебных дней. Создать такой режим можно лишь общими усилиями педагогов и медиков. В нем обязательно должны учитываться соображения физиологов, психологов, специалистов в области полового воспитания, гигиенистов.

наблюдения врачей

Современные дети стали умнее, сообразительнее, развитее. А как с их физическими возможностями?

Оказывается, кое-что изменилось в последние годы. Например, средняя длина тела в разных возрастно-половых группах увеличилась на 4,6—11,6 сантиметра, вес на 3,4—10,8 килограмма, окружность грудной клетки — на 2,5—8,1 сантиметра. Сейчас на 1—2 года раньше сменяются зубы, на 2—3 года раньше наступает половое созревание и так далее. И что особенно важно, большинство детей и подростков развиты гармонично и в соответствии с возрастом.

Эти данные привели в своем докладе «Состояние здоровья школьников» профессор С. М. Громбах и доктор медицинских наук Г. П. Сальникова. Но это данные обобщенные. Они не должны заслонять внимания к индивидуальным колебаниям в развитии ребенка. Именно эти индивидуальные колебания определяют возможности центральной нервной системы управлять процессами возбуждения и торможения, а это выражается в умении концентрировать внимание, накладывает отпечаток на многое другое, столь важное при обучении.

На сессии шла речь об актуальных проблемах возрастной физиологии (доклад академика АПН СССР А. А. Маркосяна), о гигиене детей школьного возраста (доклад академика АМН СССР А. А. Минха и доктора медицинских наук Г. Н. Сердюковской), о физиолого-гигиеническом аспекте трудового обучения и профориентации (докладчики профессора И. Д. Карцев и С. А. Косилов), о половом воспитании школьников (доклад академика АПН СССР А. Г. Хрипковой), о детском травматизме, об организации специальных школ-интернатов (докладчики

академик АМН СССР М. В. Волков, член-корреспондент АМН СССР В. К. Калыберз).

Состояние здоровья школьников определяет эффективность их обучения, определяет уровень успеваемости. Известно, что он куда ниже у детей,отягощенных тем или иным недугом. Так, 20—25 процентов из числа неуспевающих остаются на второй год по состоянию здоровья.

В последние годы школьники почти не болеют туберкулезом, малярией. С 1959 по 1969 год в 93 раза уменьшилась заболеваемость полиомиелитом, в 58 раз дифтерией, в 16 раз коклюшем. Но по-прежнему распространен сколиоз, близорукость, хронический тонзиллит, ревматизм, кариес зубов, невроты. Часты эндокринные болезни, растут аллергические недуги.

Болезни надо лечить, но важнее предупреждать их. И во всяком случае совершенно необходимы совместные усилия педагога и врача. Только объединившись, только хорошо зная состояние школьника, они могут решить вопрос о его нагрузке, о требованиях к нему.

Порой ребяташки в момент поступления в школу не готовы к выполнению тех требований, которые предъявляет к их организму обучение, — не достигли, как говорят, «школьной зрелости». И речь тут вовсе не об умственном отставании, а, например, о неспособности тормозить двигательную активность — не может малыш неподвижно сидеть весь урок. У другого ребенка недостаточно тренированы пальцы... Пустяки?

Либо такие ребяташки с первого класса попадают в разряд неуспевающих — и это беспокоит педагогов. Либо, преодолевая свое отставание, стараются из последних сил — тогда это тревожит врачей, ибо достигается, как правило, ценой переутомления и в конечном счете приводит к неврозу.

Очень важно до начала обучения определить «школьную зрелость» каждого малыша. Известен опыт эстонских педагогов, которые создали у себя так называемые «классы выравнивания». В них режим занятий и методика обучения направлены на тренировку отстающих функций организма. Сессия от имени обеих Академий — медицинской и педагогической — обратилась к Министерству просвещения СССР с просьбой рассмотреть возможность организации в школах подобных временных «классов выравнивания».

Множество причин влияет на здоровье школьников. Например, чаще болеют учащиеся математических школ, с преподаванием ряда пред-

метов на иностранном языке, те, кто совмещает занятия общеобразовательные с музыкальными, и так далее.

климат семьи

Но все это весьма мизерно в сравнении с тем влиянием, которое оказывают на молодой организм домашние условия.

Пожалуй, пришлось бы перечислить всех докладчиков, всех принявших участие в прениях, потому что каждый, кто поднимался на трибуну сессии, обязательно говорил о «климате семьи».

Отмечали возросший материальный уровень семей, улучшение жилищных условий. Все дети у нас одеты, обуты, накормлены. Установили, что благотворно сказывается на школьниках ясельное и детсадовское воспитание. Но наряду с этим говорилось, что недостаточно убедительно разъясняются родителям вопросы охраны здоровья детей, тот же режим, те же возрастные особенности. Было и тревожное. Посмотрите статистику: «трудные дети» — это обычно дети из семьи, где есть алкоголик или где не ладят родители. Академик АМН СССР А. И. Серебров сказал: почти у всех детей, которые курят, курящие родители...

Нет, сессия не приняла специального постановления об улучшении «климата семьи». Какое тут может быть постановление! Однако сам собой встает вопрос о более строгой ответственности за семейное воспитание детей. О более строгом медицинском и педагогическом контроле.

школьный дом

Какой должна быть парта? Как планировать школы? Вокруг этих вопросов уже не раз скрещивали шпаги педагоги, гигиенисты, строители, архитекторы... О них говорили на сессии министр просвещения СССР М. А. Прокофьев, доктор медицинских наук Е. И. Корневская и многие другие.

Состояние здоровья школьника, продуктивность занятий зависят от материальной базы школы. От того, как и где она построена, как освещены классы, в какой цвет покрашены парты и стены, где повешена

классная доска, как работает вентиляция.

Рижские эндокринологи обратили внимание на увеличение щитовидной железы у значительного числа младших школьников. Еще чаще так называемый «школьный зоб» встречается у старшеклассников. Ученые связывают это с пребыванием ребят в течение всего школьного дня в плохо проветриваемых помещениях. Вот чем оборачивается невнимательность к обыкновенной форточке!

За годы прошедшей пятилетки в стране построено школьных зданий на 7900 тысяч мест. В нынешней к ним прибавится еще восемь миллионов.

Но до сих пор учебные кабинеты, кинофикация, оснащение программированного обучения, лингфонные кабинеты вписываются в обычную трафаретную схему школьного здания. Здесь же располагаются и группы продленного дня, которые из-за отсутствия элементарных удобств превращаются в группы продленного утомления. Пока еще лишь идут работы, поиски лучшего решения: нового вида школы построены в Черноголовке под Москвой, Люберцах и некоторых других местах.

Участники сессии справедливо считают, что пора создать типовые проекты современного школьного здания и обоснованно предостерегают против создания сверхкрупных школ.

В новой школе должно быть место и для уроков физкультуры, и для внешкольных занятий, и для буфета.

молоко, яблоко, морковь

Сессия заслушала специальный доклад академика АМН СССР А. А. Покровского и доктора медицинских наук Е. М. Фатеевой «Актуальные вопросы питания детей школьного возраста».

В яслях, в детском саду очень внимательно следят за тем, что ест ребенок. Но вот он стал школьником и тут же превратился в потребителя пирожков и коржиков из школьного буфета. Не везде есть горячие завтраки, не везде налажен контроль за питанием учащихся. Что, как, когда они едят?

В резолюции сессии записано: «Считать целесообразным расширение исследований по созданию специализированных продуктов питания повышенной биологической ценности для готовых дозированных завтраков школьников».

Но есть вещи издавна известные, в полезности которых никто не сомневается: обязательный стакан молока, обязательное яблоко, обязательная морковь. Дать это каждому школьнику — «проблема» вполне разрешимая.

не спускать глаз

Врачебные рекомендации должны стать законом для школы. И должен быть человек, который, что называется, не спуская глаз, обеспечивал бы медицинский надзор за всем, что там делается. Школьный врач.

Специального доклада о нем не было. А тревога была. Начальник главного управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям Минздрава СССР М. Н. Никитина, член-корреспондент АПН СССР В. Н. Мясичев и другие обеспокоены тем положением, которое занимает в школе врач. Ведь он всего один на две — две с половиной тысячи ребят. Такова существующая норма. Разве под силу ему вести наблюдения за каждым учеником, разве он может всех обследовать? А раз возможности его малы, то и отношение к нему со стороны школьной администрации нередко прохладное.

В мае 1967 года Минздрав СССР издал приказ «О мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья школьников». В нем, в частности, отмечалось, что в некоторых городах и населенных пунктах упразднены должности школьных врачей и их функции переданы участковым педиатрам. Отмечалось, что это привело «к нарушениям в организации профилактической работы и наблюдения за здоровыми детьми». К сожалению, и теперь ничего не изменилось, о чем и записано в резолюции, принятой на сессии.

Надо надеяться, что этот вопрос будет решен в пользу школьников, так же как и другой, выдвинутый на сессии: изучать школьную гигиену в педагогических вузах на современном уровне.

детство — это движение

«Повышение двигательной активности школьников как фактор укрепления здоровья». С таким докладом выступил на сессии профессор Р. В. Силла. Об этом же говорил и

академик АМН СССР А. А. Минх. Физическое воспитание не чисто спортивная проблема, а проблема общего развития человека и его здоровья.

Трехлетний ребенок протопыкает в день почти 20 километров. Но чем старше он становится, тем больше времени проводит за книгой, у телевизора, тем меньше двигается. Увы, приходится признавать: детям, как и взрослым, угрожает гипокинезия — нехватка движения. Что делать? Как бороться с ней? Очевидно, одними призывами «Занимайтесь физкультурой!» не обойтись. Физкультура должна с малых лет входить в быт человека. В школах, как правило, она поставлена плохо. Предусмотрено всего два часа в неделю обязательных занятий физкультурой. Не используются возможности внеклассных и внешкольных занятий.

Физическая культура — это не только специальные учреждения, не только коньки, лыжи, игры на воздухе. Это и труд, правильно дозированный, увлекательный, доставляющий радость мышцам и душе. И тут педагоги и врачи ждут подкрепления от всей общественности. Нельзя сказать, чтобы эти нужды школы совсем забыты, но работы все равно едва початый край!

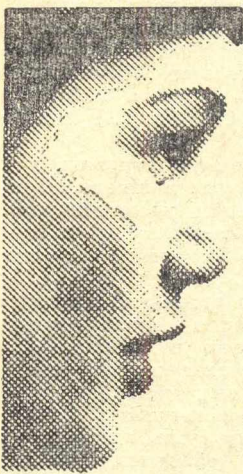
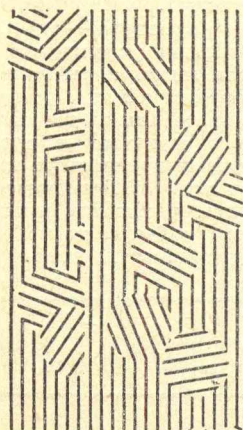
начало

Не кокетства ради называю я так последний раздел своего рассказа о сессии двух Академий в Риге. Открывая этот форум ученых, председатель Совета Министров Латвийской ССР Ю. Я. Рубэн говорил:

«Девочкам и мальчикам, поступившим сегодня в школу, в недалеком будущем предстоит дальше развивать экономику и культуру страны. Это поколение строителей коммунизма. И естественно, оно должно быть здоровым, грамотным, жизнеспособным, гармонически развитым. Именно в школьные годы человек обретает тот основной запас прочности, который должен служить ему всю жизнь».

Вот почему столь важным событием стала объединенная сессия двух Академий в Риге. Она — начало большой работы. Она несомненно повлечет за собой множество конкретных дел, которые благотворно скажутся на здоровье и учении наших детей.

И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»

простота сложности

Ю. СОКОЛОВСКИЙ,
кандидат педагогических наук,
заведующий
кафедрой педагогики
Новосибирского
государственного
университета

Трудновато родителям при нынешних темпах научно-технического прогресса! Мало, оказывается, хорошо научить ребенка всему тому, что сам знал в его возрасте, да и этому-то учить его надо совсем по-новому! Хочешь не хочешь, а приходится принаравливаться к меняющемуся духу времени и новым требованиям, что сложившемуся человеку не так-то просто.

Не лучше ли было бы без затей сперва как следует научить детей всему тому, с чего начинали и их родители? А уж потом, если понадобится, понемножку добавлять и современные премудрости: про кибернетику, космос, полупроводники, атомную энергию, молекулярную биологию... Родителям и учителям было бы гораздо легче, да и школьники не страдали бы так от перегрузки!

Постараемся все же совместными усилиями разобраться, каким должно быть образование в теперешнюю эпоху грандиозных масштабов научно-технического прогресса и какую позицию разумно занять по отношению к происходящей сейчас перестройке школы.

прогресс и школа

Объем научных и технических знаний, накопленных человечеством, стремительно растет. Меняется и самый характер знаний: они становятся гораздо надежнее, глубже, но вместе с тем «тоньше», абстрактнее, «теоретичнее». Если раньше биологи разыскивали новые виды животных или растений и тщательно их описывали, то теперь они стремятся проникнуть в наисокровеннейшие тайны явлений жизни, разгадывают механизмы работы мельчайших частей клетки, подчас состоящих всего лишь из нескольких молекул! При этом биологи широко используют математические доказательства и смело рассуждают о том, чего не видят. Но несмотря на всю эту свою теоретичность и отвлеченность, современные знания исключительно полезны с практической точки зрения. Недаром ведь говорится, что нет ничего практичнее хорошей теории!

В отличие от прежних времен, научные открытия не залеживаются

ся теперь подолгу в пыли «академических полок», а сразу же находят себе практические применения. Наука стала уже *непосредственной производительной силой общества*; от уровня развития науки и масштабов внедрения ее достижений в жизнь — а вместе с тем и от степени овладения наукой массами — существенно зависит сейчас экономический и оборонный потенциал страны. А это значит, что уровень образования не должен отставать от уровня науки.

Действительно, хитрую головоломку задал научно-технический прогресс учителям и школьникам! Возможно ли с ней справиться? Ведь увеличивать длительность обучения практически уже некуда.

резервы дидактики

Пессимисты опасаются, что в скором будущем человек не сможет уже овладеть даже самым необходимым для жизни минимумом научных сведений. А ведь неумелое управление возросшим техническим могуществом, принятие неразумных решений или неспособность предвидеть и рассчитать последствия своих действий могут иметь самые печальные последствия.

К счастью, пессимистический прогноз не соответствует действительности. Правда на стороне *оптимистов*, которые убеждены, что проблема полноценного образования может успешно решаться сейчас и в будущем, несмотря на неограниченный рост знаний. Необходимо только уметь использовать имеющиеся резервы.

Какие же это резервы?

Быть может, *специализация* — учить одних одному, других другому? Какой-то резон в таком предположении, конечно, есть: чтобы хорошо овладеть одной узкой профессией, надо усвоить гораздо меньше, чем при общем разностороннем образовании. Да и склонности и способности у людей различны. В соответствии с этим мы уже и сейчас отказались в какой-то мере от нашего прежнего стремления учить в средней школе всех совершенно одинаково. В старших классах введена уже некоторая *дифференциация* обучения: ученики могут, например, выбирать факультативные курсы по своему вкусу и даже поступать в математические, физические, химические, биологические, гуманитарные, технические и другие специализированные классы. Это позволяет эффективнее развивать способности детей и высвобождает время.

Однако идти в этом направлении далеко, все суживая специализацию, нельзя. Ведь многие из зарождающихся сейчас узких специальностей очень быстро достигают своего наивысшего расцвета и *вскоре затем устаревают*, уступая место другим, еще более прогрессивным профессиям. Так, например, по мере развития полупроводниковой техники слишком узкий специалист по вакуумным электронным лампам остался бы не у дел.

Кроме того, для науки и техники наших дней характерна глубокая и подчас неожиданная взаимосвязь между самими на первый взгляд отдаленными друг от друга областями знания. Математическая лингвистика, кибернетическая экономика, инженерная психология, техническая эстетика, молекулярная биология, биофизическая химия — разве сами эти названия новых и бурно развивающихся наук не свидетельствуют о невозможности полноценной работы замкнувшегося в своем кругу чересчур узкого специалиста? Важнейшие новые открытия и их практические применения зарождаются в наш век преимущественно на стыках наук, то есть как бы на «ничейной земле» между разобщенными ранее областями знания. Для успешной работы в любой специальной области очень важное значение имеет сейчас *широкая осведомленность* во многих других науках и *общая культура* (мы не говорим уже о первостепенном значении этого фактора с точки зрения формирования полноценной и гармонической развитой личности).

Итак, путь специализации хотя и заслуживает внимания, но все же не сулит радикального решения волнующей нас проблемы. Приходится искать иных резервов.

Дидакты возлагают большие надежды на дальнейшее совершенствование *методов обучения*. Оно, конечно, может дать значительный выигрыш в скорости и качестве усвоения учебного материала. Но вряд ли в такое огромное число раз, как этого требует прогресс науки. Не обеспечит такого гигантского скачка и применение *кибернетических обучающих машин*, так как быстрота обучения лимитируется не только искусством преподавателя, но и способностью ученика воспринимать и усваивать преподносимый материал.

Назовем же два резерва, которые представляют сейчас наиболее перспективными. Они таковы, во-первых, в недостаточно используемых пока возможностях *раннего возраста*, во-вторых же — в самом *научно-техническом прогрессе*.

Возможности раннего возраста прекрасно иллюстрируются той легкостью и быстротой, с которой каждый здоровый ребенок в совершенстве овладевает родной речью (иногда даже сразу двумя языками, если, скажем, отец казах, а мать русская). Сравните это с теми усилиями, какие приходится затрачивать в более позднем возрасте, чтобы хоть кое-как приобщиться к иностранному языку! К сожалению, применительно к другим областям знания (например, к математике или физике) возможности раннего детства используются слишком робко, хотя имеются примеры успеха на этом поприще, например: многолетние эксперименты московского методиста С. И. Иванова и его учеников или опыт многодетной семьи Б. П. и Л. А. Никитиных. Но эта серьезная проблема заслуживает специального разговора, и здесь мы на ней останавливаться не будем. Тем более что и она тесно связана с использованием того самого главного резерва, к обсуждению которого мы переходим. Резерв этот скрывается в самом научно-техническом прогрессе.

дары прогресса

Неправильно было бы сводить прогресс науки к простому накоплению все новых и новых фактов, открываемых учеными. Исключительно важно иметь в виду, что по мере своего развития науки не только обогащаются множеством новых сведений, но и становятся *стройнее*, а значит, и *проще для усвоения*.

Не каждому это очевидно. Многие, наоборот, кажется, что современная наука куда хитроумнее прежней, так что усваивать ее очень трудно. Но это всего лишь поверхностное и ошибочное впечатление людей, которые далеки от науки нашего времени и судят о ней «со стороны» — с позиций своего, когда-то, может быть, и достаточно, но теперь уже устаревшего образования.

Тут можно помочь примером. Когда легче было изучать химию: до открытия Д. И. Менделеевым периодической системы или же после этого? Конечно же, в наши дни! Ведь прежде разнообразие химических элементов и их свойств представлялось каким-то бесформенным хаосом; разобраться в нем, а тем более удержать его в памяти было трудно. А существовали ведь и еще более давние времена, когда вообще отсутствовали какие-либо четкие представления об элементах, атомах и молекулах! И хотя химических знаний было тогда у челове-

ства очень мало, овладеть ими могли лишь единицы, посвятившие всю жизнь механическому заучиванию разрозненных и не согласованных друг с другом фактических сведений. Как видим, прогресс химии уже в конце прошлого века сделал ее значительно стройнее и проще для усвоения. Открытия же нашего времени позволяют продвигаться в этом направлении еще дальше.

Каждый помнит, что школьные предметы по характеру своему неодинаковы. По алгебре важнее всего *понять*, как следует обращаться с формулами (раскрывать скобки, сокращать дроби и т. д.); все остальное можно тогда при некоторой сообразительности вывести самому. По географии же — хочешь не хочешь, а надо *запоминать* и сохранять в памяти множество названий.

Попытка вызубрить алгебру заканчивается провалом: заранее ведь всего многообразия примеров заведомо не перебрать! Да в этом и нет надобности: достаточно лишь активно усвоить немногие основные принципы (но в них-то уже не должно оставаться ни малейшей неясности и никакой путаницы). В свою очередь, любая попытка «теоретически предугадать» названия городов и рек без предварительного заучивания бессмысленна и комична — тут надо надеяться на память.

Имеются, стало быть, два рода знаний: одни из них основаны прежде всего на *понимании* и *сообразительности*, другие же — на *механической памяти*. Между этими двумя полюсами располагаются школьные предметы: например, физика — поближе к первому, а география — ко второму; такие же предметы, как химия, находятся где-то посередине.

Встречается немало людей, которым предметы второго рода — с упором на память — представляются более простыми. Для них много легче заучить заданное, чем каждый раз напрягать свой ум, чтобы самостоятельно прийти к искомому выводу.

Этой точки зрения придерживаются, конечно, лишь те, кому с детства не сумели привить умения понимать трудное, выделять главное и активно мыслить. Но даже и для них «учеба посредством памяти» полезна лишь до тех пор, пока подлежащий запоминанию материал не чересчур громоздок. Запомнить же механически все то, что нужно знать в наши дни, не в силах никакой мозг.

Единственный реальный выход — переходить к учебе, основанной не на запоминании частных фактов, а на глубоком понимании основных идей

с последующим самостоятельным применением их к конкретным случаям. А это предполагает хотя бы частичное превращение предметов «на запоминание» в предметы «на понимание и соображение», что вполне соответствует логике развития науки в наш век.

Поясним эту очень важную мысль.

Китайцы пишут не буквами, а иероглифами. Грубо говоря, в китайском языке для каждого слова имеется свой значок. Поэтому, чтобы овладеть грамотой, китайцу нужно *механически заучить* много тысяч значков-иероглифов, тогда как нашему первокласснику достаточно запомнить всего 32 буквы и один раз навсегда *понять*, как из них складываются слова. Не удивительно, что на овладение чтением и письмом в Китае затрачиваются не месяцы, как у нас, а долгие годы.

Изучение иероглифов — нагрузка одной лишь памяти. Овладение же буквенным письмом требует выработки совершенно нового для ребенка навыка — разлагать слова на слоги и буквы (и, конечно, наоборот, путем слияния букв получать слова). Навык этот дается не так легко (можно знать уже все буквы, но не уметь читать!), зато, хорошо овладев им, ребенок может уже прочитать *любое* слово (тогда как китаец останавливается перед каждым повстречавшимся ему в книге неизвестным иероглифом). Как видим, понимание принципа составления слов из букв извлекает от необходимости запоминать тысячи значков-иероглифов для отдельных слов. Так понимание разгружает память.

Наступит, вероятно, день, когда и китайцы перейдут на буквенное письмо. Нам-то очень легко представить себе, каким облегчением будет это для их школьников! Но ведь найдутся, пожалуй, в Китае и такие родители, которые станут возражать против такого новшества. Они будут ворчать: «И без того дети перегружены сверх меры зазубриванием тысяч иероглифов, а теперь их еще собираются заставить изучать буквы и овладевать даже и для нас, взрослых, непостижимым навыком — как складывать из них слова! К чему это?»

А весь секрет в том, что изучать буквы и овладевать новым навыком придется не в дополнение к заучиванию иероглифов, а вместо этого! Да и навык этот непостижим вовсе не для детей с их острым и восприимчивым умом, а лишь для взрослых, «испорченных» уже многолетней привычкой читать не иначе, как целыми словами,

Уйма времени затрачивалась раньше на то, чтобы научить детей решать по *вопросам* арифметические задачи. Для каждого типа задач заучивался свой способ, а типов такое множество! Приходится ли удивляться, что арифметика изрядно портила нервы и школьникам и родителям?

А ведь математика знает единый для всех таких задач способ решения: надо составить по условию задачи *уравнение* и найти из него неизвестное (скажем, «икс»). Составление уравнений намного легче, чем придумывание вопросов, а определение неизвестного — вообще механический (и довольно простой) процесс. Ведь именно для того и были придуманы уравнения, чтобы заменить громоздкое и «заумное» *арифметическое* решение задач простым и изящным *алгебраическим* решением!

К тому же алгебраический способ решения и более эффективен: годится он также и в тех случаях, когда арифметический «буксует». Поэтому в старших классах его обязательно изучают, а арифметический забывают.

Зачем же, спрашивается, попусту тратить время в начальной школе на изучение гораздо более трудного для усвоения арифметического метода, от которого потом все равно отказываются?

Вполне естественно, что сейчас в нашей школе взят курс на «*алгебраизацию*» даже начальной математики. Вот почему уже и первоклассники имеют теперь дело с «иксом». При правильной постановке преподавания это сулит им значительное *облегчение* и *разгрузку*.

Но многие родители ошибочно воспринимают это как чрезмерное повышение требований и перегрузку. «Как же так, — рассуждают они, — ведь мы-то начинали с таких понятных иероглифов (то бишь с арифметического способа), а наших детей мучают сразу таинственными буквами (то есть алгеброй)?» Но в том-то и дело, что в действительности алгебраический способ решения куда проще арифметического, как буквенный способ письма проще иероглифического.

И если кто-нибудь думает иначе, пусть прислушается к мнению выдающегося советского математика А. Я. Хинчина, много лет посвятившего проблемам преподавания в средней школе:

«Как-то мне пришлось спросить нескольких опытных учителей пятих классов о том, какой примерно

процент учащихся действительно научается решать арифметические задачи... Только один утверждал, что этому искусству удастся научить до 15 процентов учащихся; все другие говорили, что лишь отдельные учащиеся овладевают этим искусством, а некоторые даже заявляли, что «этому вообще научить невозможно»... Добиться, чтобы ученик самостоятельно нашел решение задачи нового, хотя бы и очень простого типа, — это, по единодушному мнению учителей, есть дело, удающееся только в самых исключительных случаях...

Сопоставим с этим другой факт: хорошо известно, что большая часть наших ученых-математиков, как правило, становятся в тупик перед задачами элементарной арифметики. Я лично охотно признаюсь, что всякий раз, когда ученик пятого класса... просил меня помочь решить арифметическую задачу, дело это для меня оказывалось весьма тяжелым, а подчас я терпел и полную неудачу. Я... легко решал, конечно, предложенную задачу естественным алгебраическим путем (то есть составлением уравнения...), но ведь надо было во что бы то ни стало обойтись без алгебраического анализа!

...Ни оканчивающие школу, ни студенты педвузов, ни начинающие учителя (ни, прибавим от себя, научные работники) не умеют решать арифметических задач, да и вряд ли на всем свете кто-нибудь умеет решать их, кроме учителей пятых классов.

Таково мнение крупнейшего специалиста — математика и педагога. Оно подтверждает, что алгебраизация начальной математики — это единственный путь к облегчению учебы в школе. И если где-нибудь вместо ожидаемого облегчения наблюдается все-таки усложнение, то только из-за того, что эта алгебраизация осуществляется *не в полной мере*, что кое-где невольно сворачивают иногда на старый путь. Составят, например, уравнение по условиям задачи, но вместо того, чтобы находить «икс», решают после этого задачу арифметически, по вопросам, оставляя составленное уравнение без внимания. Это все равно, как, соорудив при постройке дома подъемный кран, носить потом вверх кирпичи вручную! При таком «хозяйствовании» оставалось бы только жалеть о том времени и тех средствах, которые были затрачены на возведение крана. Точно так же, когда заставляют по-прежнему решать задачи трудным арифметическим способом и *сверх того* неизвестно зачем составлять уравнения, получается не облегчение, а бес-

смысленное усложнение учебы. Любая непоследовательность или нерешительность при переходе на новое преподавание математики в начальной школе обесценивает этот важный и прогрессивный шаг. В узанном виде многие новшества не дают, к сожалению, ожидаемого эффекта.

УЧИТЕ МЫСЛИТЬ

Если уж говорить откровенно, научно-технический прогресс требует гораздо более резких перемен в программах и стиле преподавания, чем те, что сейчас проводятся. Но большего сделать пока нельзя, так как переподготовка учителей — процесс длительный. Однако передовые педагоги имеют возможность *и в рамках существующих программ* вносить в свое преподавание значительно больше нового.

Поясним это на примере такого предмета, как общая биология. Подавляющее большинство читателей отнесет биологию к предметам «на запоминание». Но это не соответствует современному состоянию этой науки. Биология наших дней — наука не только описательная, но и теоретическая, она использует математические методы и в ряде своих разделов позволяет безошибочно предсказывать результаты путем логических рассуждений. Такой раздел общей биологии, как генетика, по характеру своему во многих отношениях близок и алгебре. Значит, и изучать его лучше всего соответствующими методами.

Если ваш сын или дочь плохо усваивает генетику и считает ее очень трудной, то это скорее всего свидетельствует о том, что учитель биологии не практикует на уроках генетики *решение задач*. Едва ли кто будет отрицать, что при изучении алгебры задачник важнее учебника; но не все знают, что это «правило» в равной мере относится и к генетике! Для некоторых это звучит парадоксально, но «генетика с задачами» усваивается гораздо легче «генетики без задач»! Разумеется, при условии, что работа с задачами органически вплетается в изложение каждого раздела, а не дается в виде дополнительной темы после того, как весь теоретический материал по генетике уже пройден. Глубоко и быстро поняв на задачах самую суть дела, ученик избавляется от необходимости заучивать большой по объему и сложный для усвоения учебный материал.

К сожалению, задачи по генетике сегодня еще нельзя объявить обязательными для всех школ, так как

многие учителя к этому не подготовлены (до 1966 года генетика в педагогических вузах вообще не преподавалась). Однако передовые учителя уже и сейчас с успехом используют генетические задачи в своей работе, причем количество таких педагогов-энтузиастов растет. Очень важно, чтобы подобного рода учительский энтузиазм всегда встречал сочувствие и поддержку родительской общественности.

С течением времени влияние научно-технического прогресса на учебный процесс в школе будет усиливаться, и роль активного мышления учащихся возрастет.

Заботливые мамы и бабушки неплохо приучают детей к усидчивости и аккуратности. Но этого теперь мало. Необходимо еще и развивать у детей *сообразительность, изобретательность, умение и стремление самостоятельно рассуждать*. Надо больше верить в возможности детского ума и огорчаться не только тогда, когда ребенок что-либо забыл или не выполнил, но и когда у него при встрече с удивительным не возник вопрос или когда он не прилагает усилий, чтобы додуматься, дойти до решения своим умом. Привитие детям навыков пытливого и активного мышления — настоящее искусство, которым родители должны теперь постепенно овладеть. Они вправе рассчитывать здесь на помощь со стороны педагогической науки, на добрые советы и дельные наставления. Такая помощь будет, несомненно, оказываться в различных формах. Нема- ло может сделать в этом направлении педагогическая печать, радио и телевидение.

Скоро появится, например, на телевизионных экранах серия трехминутных фильмов «Физика в забавах». Их главная цель — побудить дошкольников и младших школьников задумываться над явлениями природы, ставить пытливые вопросы и активно искать ответы. Очень желательно, чтобы вместе с детьми смотрели эти передачи и взрослые. С одной стороны, они помогут малышам разобраться в увиденном и своими руками повторить показанные на экране незамысловатые опыты, похожие на игру. С другой же стороны, и сами родители получат наглядный урок искусства доходчиво говорить о серьезных вещах с маленькими детьми, приучая их подмечать интересное и становиться исследователями.

Нет сомнения, что такие «занятия» — они же и развлечения — не только обогатят малышей полезными сведениями, но и помогут развить их мыслительных способностей.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Н. К. КРУПСКАЯ

Вопрос об интернациональном воспитании детей в начальной школе имеет серьезное значение. Надо сказать, что впечатления детства глубоко влияют на все дальнейшее формирование человека, на организацию его поведения.

Было бы большой ошибкой думать, что интернациональное воспитание может заключаться лишь в усвоении ребятами общих лозунгов и положений. Вся политика Советской власти по отношению к национальностям, населяющим СССР, воспитывает чувство интернационализма; наша страна представляет собой среду, наиболее благоприятствующую развитию интернационализма. Однако мы ни на минуту не можем забывать о прошлом нашей страны. «Дело веков поправлять нелегко». Вся политика царского правительства воспитывала самый безудержный великодержавный шовинизм среди русских, с одной стороны, с другой — озлобленный национализм, национальную замкнутость среди угнетаемых национальностей, которых спланивал гнет господствующей нации, и было бы наивно думать, что в быту во взглядах широких масс нет пережитков великодержавного шовинизма, что изжито до конца недоверие к русским, нет националистических настроений, что классовый враг не использует этих настроений, этого наследия прошлого.

На самотек надеяться не приходится. Школа должна не только обучать, она должна быть центром коммунистического воспитания. Интернациональное воспитание яв-

ляется одной из составных частей коммунистического воспитания.

Интернациональное воспитание должно быть повседневным делом, а не сводиться лишь к интернациональным митингам и празднествам. Им должна быть пропитана вся воспитательная работа.

В начальной школе у нас преподавание ведется на родном языке каждой национальности, причем во внимание берется не происхождение, а тот язык, на котором ребенок говорит. Это необходимо, иначе ребята не понимали бы ничего из того, что преподается, дети национальностей отставали бы в своем развитии от детей господствующей национальности, на языке которой велось бы преподавание.

Однако при обучении детей разных национальностей в различных школах может создаваться иногда отчужденность между детьми разных национальностей. Тут нужна бдительность. Надо, чтобы дети школы одной национальности побольше знали о жизни других национальностей. Надо, чтобы учитель рассказывал ребятам не только о том, как угнеталась данная национальность при царизме, — это само собой необходимо, но надо говорить не только об этом, а также показывать положительные стороны в чертах характера этой национальности, красочно рассказывать о таких моментах в прошлом данной национальности, которые покажут ценность данной национальности. Мне писали как-то русские ребята одного детдома в Средней Азии (к сожалению, я забыла

республику, где это дело происходило, — это было несколько лет назад), что учитель им рассказывал, какая отсталая национальность местные жители, как их угнетал царизм, и они обещали, когда вырастут, помогать этой национальности стать культурной. На первый взгляд как будто бы все хорошо, но не годится, чтобы ребята свысока смотрели на отсталую в культурном отношении национальность; и в своем ответном письме ребятам я написала о том, что некультурности у нас еще очень много, стала им приводить примеры некультурности среди русских, а потом спросила, играют ли они с ребятами окружающей национальности, знают ли они, какие это смелые, ловкие ребята, рассказала им несколько примеров.

Надо обращать внимание ребят на положительные особенности в характере тех или иных национальностей, показывать их смелость, героизм в революционной борьбе и т. д. и т. п. Много можно найти ведь таких моментов...

Очень важно использовать в этих целях художественную литературу (как русскую, так и национальную). При выборе художественной литературы нужна, однако, большая осторожность. Мы иногда очень беспечны в этом отношении. Возьму такой пример. Есть такой рассказ Л. Толстого — «Кавказский пленник», его обычно дают читать детям. Произведение чрезвычайно художественное. Но если давать его без всяких объяснений, то оно может породить ненависть к татарам, делающим из пленников предмет торговли. Тот же самый рассказ можно снабдить предисловием, в котором сравнить отношение к русскому пленнику богатых татар и противопоставить отношение девчурки-татарки. Надо рядом дать другой какой-нибудь рассказ, где показать, как русский предприниматель или кулак эксплуатировал нацменьшинства. Очень важно использовать национальную художественную литературу, знакомить с ней ребят всех национальностей.

Но нужно не только знакомить ребят теоретически с жизнью других соседних национальностей, важно заботиться о фактическом сближении ребят различных школ, где учатся дети различных национальностей. Тут нужно, чтобы на помощь педагогам, на помощь школе пришла пионерская организация и советская общественность. Надо организовать постоянные встречи ребят школ для детей различных национальностей. Тут искусство может сыграть особую роль. Надо широко практиковать совместное посещение кино, совместное участие в советских праздниках, в прогулках, в экскурсиях. Очень важно отобрать лучшие песни разных народностей, близкие по содержанию ребятам, перевести их, осветить их содержание, организовать совместное хоровое пение этих песен. Это очень сближает.

В жизни ребят особое значение имеет игра. Очень важно изучить игры ребят различных национальностей, анализировать их, взять из них наиболее интересные формы и влить в них современное содержание, в некоторых изменить целевые установки. Тут можно найти очень интересный материал. Игре в начальной школе вообще надо уделять больше внимания, чем это часто делается. Надо не забывать, что игра для ребят — это самая настоящая учеба.

Сближает также совместный труд. Детские технические станции, где совместно будут работать дети различных национальностей, имеют очень большое воспитательное значение. Когда ребята вместе работают над постройкой какой-нибудь модели или над изготовлением каких-нибудь вещей — это сближает.

В старших классах надо уже организовать некоторые формы общественной работы — организовать, например, совместные детские субботники помощи яслям, детплощадке, по украшению клуба, помощи библиотеке и т. д. По-особенному должны быть организованы эти детские субботники — они должны быть организованы так, чтобы дети

не уставали, чтобы работа была интересная, неумтомительная. Важна постановка цели. Можно практиковать субботники взаимообслуживания школ. Например, школа, где учатся русские ребята, мастерит что-либо для школы, где учатся дети татар, и наоборот.

Совместные игры, прогулки, совместная работа пробуждают и стремление изучить язык той национальности, с которой имеешь дело. Одна из форм великодержавного шовинизма сказывалась уже в том, что русские не хотели — считали ниже своего достоинства — изучать язык угнетенной национальности. Угнетения уже нет, а знанию языка освободившейся национальности еще часто не придается должного значения.

В III и IV классах начальной школы надо вводить кружки по изучению языка той национальности, с которой приходится постоянно иметь дело. Эти кружки могут получить широкое развитие и сыграть большую роль в деле сближения национальностей. ...Такие кружки очень полезны будут для пробуждения интереса к данному языку, изучение которого глубже надо будет ставить в старших классах.

Наряду с этим важно на уроках географии рассказывать о том, где какая национальность расселена; на уроках истории и обществоведения надо рассказать о политике царского самодержавия и о политике Советской власти, о роли Ленина в проведении политики равноправия отдельных национальностей. В национальных областях и республиках этому вопросу должно быть уделено больше внимания, чем это указано в общей программе. Конечно, в истории для ребят надо избегать разных сложных формулировок, лозунгов и т. д. Рассказы должны быть конкретны, особенно понятны ребятам, особенно красочны. Надо рассказать, как политика царской власти создавала тяжелые условия жизни национальностей, развивала фанатическую религиозность, дер-

жала пацменьшинства в темноте, усиливала классовое расслоение и гнет внутри каждой национальности, закрепощала женщину.

Вопрос интернационального воспитания должен начинаться с вопросов, касающихся различных национальностей внутри СССР, потому что тут все вопросы для детворы можно сделать более наглядными и близкими. Но, конечно, на этих вопросах нельзя останавливаться. От них надо перекинуть мост к интернациональному воспитанию в мировом масштабе. Надо рассказать, как более сильные империалистические государства грабят более слабые... Затем надо рассказать, как упорно борются большевики за мир, против новой грабительской войны, которую хотят затеять империалисты. Надо рассказать о том, что рабочие всех стран должны объединяться, чтобы дать отпор капиталистам, не допустить войны. Рассказать о дне Первого мая, и не только рассказать, а организовать в школах с особой заботой этот день.

В школьных и детских библиотеках можно и нужно подобрать соответствующую художественную литературу...

Надо, чтобы в пионерских газетах больше писалось о загранице, чтобы ребята приучались читать газеты с картой в руках, чтобы делали себе выписки из газет, перечерчивали себе карты, читали побольше о загранице. Конечно, более основательные сведения о загранице ребята получают в средней школе, но и в начальной школе они должны уже получить известную зарядку — уже в начальной школе должен быть пробужден интерес к вопросам международного положения.

Надо употребить все усилия, чтобы лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» сделать им родным и близким.

*Из статьи
«Интернациональное воспитание
детей в начальной школе»,
1935 год)*

университет для семьи

«Лучший народный университет России» — это почетное звание присвоено наряду с другими народному университету педагогических знаний города Сочи (Краснодарский край). Он завоевал его во Всесоюзном общественном смотре народных университетов, проведенном в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина. Вот что рассказывают о нем его организаторы и слушатели.

И. А. ЧУПРИН,
секретарь

Сочинского горкома КПСС:

— Культура самих сочинцев (в том числе педагогическая) накладывает свою печать на жизнь нашего города-курорта, на качество и организацию всей многосторонней «индустрии здоровья».

Детей в Сочи не так уж мало — более 35 тысяч одних школьников, обучающихся в 86 школах. Правильно воспитывать их в условиях курорта — задача далеко не простая. Постоянно перед глазами ребят тысячи свободных, нарядно одетых людей. Они только и знают, что купаются, загорают, лечатся, ездят на экскурсии, развлекаются. Дети забывают, что за месяцем такого отдыха стоят одиннадцать месяцев напряженного труда, — и нередко в ребячьем представлении жизнь выступает как сплошной праздник и ничегонеделание. Недочеты семейного воспитания оборачиваются последствиями, особенно опасными в атмосфере курорта с его соблазнами.

Вот почему мы высоко ценим наш городской университет педагогических знаний. Благодаря творческой энергии совета университета и его ректората во главе с Евгенией Давыдовной Любимовой популярность университета растет с каждым годом. На мой взгляд, его опыт выдвигает важную общую проблему педагогической пропаганды, на ней я и хочу остановиться.

Школы города до последнего времени не могли похвалиться заметными успехами в работе с семьями учащихся. Беда не только в недостаточном ее размахе. Хуже то, что она плелась в «хвосте» учебно-воспитательного процесса. Разговор с родителями, как правило, шел по итогам четверти и сводился к сообщению об отметках. Лишь когда класс или отдельные ученики заметно начинали отставать в учении, педагоги спохватывались: ведь есть семья, надо как-то привлечь ее на помощь. Точно так же требовалось серьезное происшествие, чтобы вспомнить: и родители несут ответственность за поведение детей. В такой обстановке сама связь школы с семьей приобретала «нервный» характер, сводилась к требованиям «принять меры». При таких отношениях ни школа, ни родители, ни сами дети не становились сильнее.

Через университет педагогических знаний удалось показать, что нужен, возможен и гораздо более полезен иной подход к работе с семьей. Эта работа должна носить опережающий по отношению к школе характер и тем самым предупреждать возникновение многих отрицательных явлений в учении и поведении школьника. Своевременное педагогическое знание — вот что более всего нужно отцам и матерям, чтобы сделать их союз с учителями действенным и творчески радостным.

А. П. ИВАНОВА,
художница-вышивальщица:

— Сама я из большой рабочей семьи, образование у меня семилетнее. Трое у нас детей. Пошел сын в 1-й класс, и я вошла в классный родительский комитет. Но вскоре почувствовала, как мало знаю, чтобы хорошо воспитывать детей. Пока малыши были, еще справлялась, стали постарше — сколько всяких трудностей начало возни-

кать! Вот и поступила в родительский университет. Давно уже окончила его, а все хожу — не могу расстаться. Много он мне дал и продолжает давать.

Вспоминаю себя прежней, и самой смешно становится... Все думала, как растить детей, а не понимала: мое собственное поведение в семье и есть главное в их воспитании. Каждая лекция — точно открытие какое! Раньше ужасно стеснялась учителей, не знала, о чем и как говорить с ними. А теперь свободно говорю с каждым педагогом и с директором. Раньше, скажем, мне казалось стыдным и просто невозможным беседовать с детьми на темы, связанные с половым воспитанием. А теперь между мной и старшей дочкой нет никаких «запретных тем». На родительском комитете 1-й школы, председателем которого я являюсь, нам приходится порой разбирать сложные вопросы, искать подходы и к ребенку и к родителям. Это трудно, но интересно. И радостно, когда добиваешься чего-нибудь.

Е. Б. НЕСМЕЯНОВА,

заведующая медотделением

6-й курортной поликлиники:

— Сын и дочь мои уже выросли, сейчас они студенты. Но, оглядываясь, вижу, как помог мне в их воспитании наш университет педагогических знаний. Многим, что узнавала на лекциях, я делилась с детьми, и это создавало в семье атмосферу совместных раздумий над непростыми проблемами человеческой жизни. Трудно было с дочкой в переходном возрасте, но знания, полученные в университете, удержали меня от многих ошибок. Сама дочь ныне удивляется: какое у тебя было терпение со мной! Немало заботилась о детском чтении, привила ребятам любовь к книге. И я вижу, как это важно для дальнейшего образования и всего развития человека.

Университет помог мне и в пропагандистской работе. Четвертый год я руковожу кружком политических знаний в нашей поликлинике. Слушая лекторов университета, сама учусь беседовать с людьми. Не одна я в коллективе связана с университетом педагогических знаний. Пятеро наших работников окончили его, трое новичков посещают сейчас.

Медицина тесно переплетается с педагогикой. И в этом смысле я за многое благодарна университету — и как мать, и как врач, и как общественница.

В. П. НУЖНЫЙ,
электрогазосварщик РСУ
сочинского отделения «Интурист»:

— Об университете педагогических знаний я давно слышал, однако не мог посещать его: работаю, занимаюсь в политехникуме, руковожу цеховой парторганизацией. Но все же побывал на двух лекциях, очень понравилось. И твердо решил — буду учиться. У нас двое детей — 8 и 11 лет. Жена тоже работает. Живем пока в одной комнате — все на виду. Приходится размышлять: как вести себя на глазах у детей? Как приучать их к самостоятельности?

Моя загруженность, считаю, не во вред семейному воспитанию. Наоборот, пример отца учит детей не бояться труда, быть таким же настойчивым в школьном учении. Основное — всегда быть душевно связанным с ними. Из недавней лекции мне особенно запомнилась мысль: какая это сила — умное и бодрое слово воспитателя! И не только в семье. Бывает, на работе неопытный парнишка допустит ошибку, а мастер вместо того, чтобы объяснить и подбодрить, обругает грубо. Так делу не научишь. И охоту к труду не привьешь. Помните из фильма «Доживем до понедельника» сочинение одного ученика на тему о счастье: «Счастье — это когда тебя понимают». Я и пришел в родительский университет, чтобы учиться понимать своих детей. И чтобы научить их понимать меня...

Е. Д. ЛЮБИМОВА,
ректор народного университета
педагогических знаний:

— Как часто кто-нибудь после очередной лекции с сожалением скажет: «Если б я это знал раньше!» Вот и задумываешься: как строить программу занятий? Охватывая разнообразные стороны жизни семьи и воспитания детей, наша программа объединяет их по трем разделам: «Все начинается с детства», «Растет в семье подросток», «О любви, браке и семье». Мы настойчиво внушаем слушателям: «Не запаздывайте с воспитанием. С первых шагов стройте его на основе педагогического знания». В то же время постоянно сосредоточиваем их внимание на переломных ступенях развития подрастающего человека.

Университет состоит из двух факультетов — школьного и дошкольного, но курс (двухгодичный) читается один, общий. В чем тут смысл? Во многих семьях есть и школьники и дошкольники. Далее,

родителям дошкольников полезно иметь перспективу в воспитании, видеть, как сегодняшние их усилия подготавливают почву для завтрашнего развития ребенка, — это и есть опережающее педагогическое знание. Наконец, родителям подростков даже «запоздалые» сведения о младшем возрасте не бесполезны: они позволяют увидеть корни тех трудностей, которые возникают в воспитании сегодня, и тем самым успешнее их преодолевать.

Конечно, интерес к занятиям зависит от лекторов. Это наиболее трудная проблема для университета, потому что хороших лекторов мало, и приходится тратить массу усилий, чтобы заполучить их. Частично нам помогают работники Академии педагогических наук и другие товарищи, приезжающие в Сочи. Но основную ставку мы делаем на «своих» педагогов, врачей, юристов, деятелей культуры. Большим успехом у слушателей пользуются лекции наших товарищей Р. Хосидман, Р. Сушанской, Г. Кузьминской, А. Прониной, В. Шаралова, В. Шалимовой, Г. Максимов, Л. Дмитриенко, Л. Протасовой, Л. Мазиной и других.

В лекторах мы ценим дар общения со слушателями, умение вызывать вопросы и высказывания родителей, привлечь их к участию в решении «педагогических задач», в обмене семейным опытом. Серьезное значение мы придаем «эстетическому подкреплению» педагогической пропаганды — после каждой лекции даем созвучный по теме художественный фильм. Стараемся, чтобы была «на высоте» и сама обстановка занятий. Университет работает в здании горисполкома. Слушатели раздеваются в гардеробе и идут в просторный и красивый зал. На столе президиума уже стоит ваза с букетом — в конце занятия его вручают лектору. На некоторые лекции, особенно по разделу «Любовь, брак и семья», вместе с родителями мы приглашаем и старших детей. Мы знаем, что каждое такое занятие потом оживленно обсуждается в семьях, школах, среди соседей.

Практикуем и занятия-экскурсии (например, в музей краеведения). Ежегодно 9 мая в День Победы все идем к Дереву дружбы и мира. Это участок Научно-исследовательского института горного садоводства и цветоводства, где растут цитрусовые деревья, на которых сделано уже более 500 прививок известными общественными деятелями и делегациями из 137 стран мира. Замечательное зрелище представляют эти деревья: ветви сги-

баются под тяжестью созревающих лимонов, апельсинов, мандаринов, грейпфрутов, и на каждой ветви — ярлычок с указанием, кто и когда сделал прививку. Наши слушатели вместе с детьми слушают рассказ о трудах и подвигах людей, сделавших прививки, рассматривают памятные подарки из разных стран. Экскурсия всегда оставляет незабываемое впечатление.

Университет хотя и общественное, но настоящее учебное заведение. Мы заботимся, чтобы каждый слушатель ответственно относился к обязанности, которую взял на себя. Поступающий в университет заполняет бланк заявления-анкеты. Строго ведется учет посещаемости. По школам города рассылаются письма и плакаты с расписанием занятий на очередной учебный год. Слушателям вручается блокнот, в котором напечатаны Положение об университете, календарный план занятий, тексты 32 вопросов по семейной педагогике. Ответы на них и составляют заключительную контрольную работу. Окончившим университет выдается диплом.

Уже многие родители обладают таким дипломом. Но самое замечательное то, что немалая часть их продолжает посещать университет.

Официально мы объявляем, что университет — «для актива родителей». Некоторые товарищи возражают: почему только для актива, он должен быть открыт для всех. Практически так оно и есть, поскольку никому не отказывают в приеме. Кроме того, у нас есть еще и кинофакультет, он открыт для широких масс родителей и для молодежи. Однако подчеркивание того, что основные факультеты «для актива», имеет свой смысл. Университет не подменяет той повседневной работы со всеми родителями, какую обязана вести любая школа. Вместе с тем он возлагает на каждого слушателя благородную миссию — не только для себя использовать полученные педагогические знания, но и нести их другим, помогать школе крепить связь с семьей.

Среди выпускников университета уже немало таких родителей. Прекрасно воспитывая своих детей, они одновременно являются активистами общественного воспитания.

Конечно, без направляющей поддержки и помощи Сочинского городского комитета КПСС мы вряд ли пришли бы к тому, чем заслуженно гордимся. Мы благодарны также секретарю Центрального райкома КПСС Юлию Борисовичу Игнатьеву, который с первых шагов университета и по сей день остается его добрым, заботливым другом.

ШАГ ЗА ЧЕРТУ

Герою этого очерка тринадцать лет. Познакомился я с ним в командировке. Некоторые подробности его жизни, представленные здесь, таковы, что я не решился назвать его и тех, кто живет рядом с ним, их подлинными именами.

Вначале он был шагах в десяти от меня. Кепчонка надвинута на нос, руки в карманах, удочка воткнута в берег. Стоит, сплевывает сквозь зубы... Клева нет, уходит вроде рано, поговорить не с кем. Потом шага на два двинулся и снова закинул удочку. Потом еще на три шага. Искося приглядывался, какая у меня насть.

Увидел на траве у моих ног пластмассовую коробочку для крючков — забеспокоился. Коробка красивая, круглая, с прозрачной вращающейся крышкой, а в отделениях бронзово мерцают крючки и мормышки. Он томился целую минуту, наконец спросил:

— Не клюет, дядь, а?

Мы поговорили с ним насчет того, что бы это могло с рыбой случиться: в самый раз бы клевать, а она не клюет. Я поинтересовался, как его зовут. «Генчик», — представился он. Потом сел на траву возле коробки с крючками.

— А на муху не пробовали?

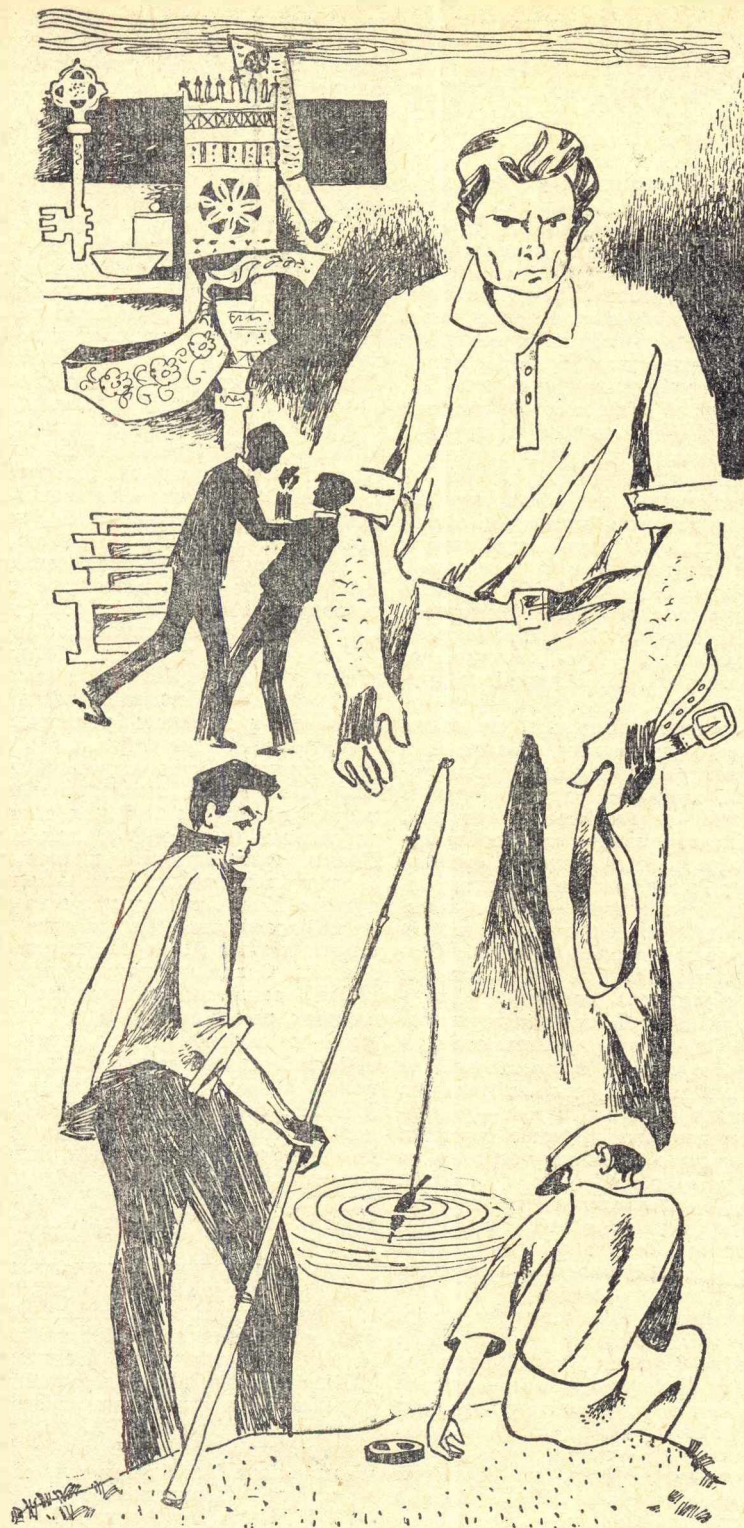
Я сказал, что не пробовал, и вдруг краем глаза заметил, как рука Генчика, перебирая траву, приближается к коробке. Смотрел же он на мой поплавок с таким усердием, словно ждал поклевки.

Вот будто невзначай его пальцы наткнулись на коробку, вот она поползла по траве к его карману.

Мне стало так неловко, что я не выдержал и сказал:

— Хочешь, подарю тебе эту коробку?

Генчик вздрогнул всем своим щуплым телом, как от удара, и так же внимательно стал теперь разглядывать коробку. Он вертел ее прозрачную крышку и, не поднимая глаз, говорил:

Художник В. Востриков

— Какая красивая... Где это вы такую достали?

Через минуту весь этот эпизод с ползущей по траве рукой мог показаться наваждением. Генчик как ни в чем не бывало рассматривал мормышки, пробовал на ногте остроту крючков, цокал языком, чмокал, сиял. Потом спросил:

— А вы не передумали?

Я не передумал. Сказал, что другого случая пойти здесь на рыбалку мне не представится — командировка через несколько дней кончается, а дома у меня есть такая же.

Он успокоился и совсем повеселел. Клева не было, мы пошли вдоль берега к поселку. Генчик, забегая вперед и заглядывая мне в глаза, рассказывал, какой видел вчера по телевизору фильм.

Чем дальше мы шли, тем настойчивее я думал: показалось... Спросил его, в каком он учится классе.

— В шестом, — охотно ответил Генчик и махнул рукой. — Вон наша школа, видите? Выше всех!

У гостиницы, когда расходились, он сказал:

— Приходите завтра... У нас в школе краеведческий музей есть.

Случилось это в воскресный сентябрьский день. А в понедельник я зашел по своим командировочным делам в детскую комнату милиции.

Алла Михайловна, инспектор, грузная женщина с добрым лицом, рылась в папках и рассказывала:

— Вот, к примеру, Ершов. Из хорошей как будто семьи. Отец — передовик на мебельной фабрике, не пьет и даже не курит. Мать — нянечка в детском саду. Дочь у них — десятиклассница, отличница, на медаль идет. А сын, шестиклассник, от рук отбился.

Она стала рассказывать, как юный Ершов с еще одним мальчишкой помладше унес из павильона «Холодок» ящик с пустыми бутылками и как сдал их в этот же павильон, получив за них деньги... В это время в коридоре послышался топот. Дверь без стука распахнулась, и молодой улыбчивый милиционер осторожно подтолкнул через порог мальчишку.

— Принимайте, Алла Михайловна, старого знакомого. Газетную витрину разбил. Говорит, нечаянно.

Мальчишка переминался с ноги на ногу, часто моргал и виновато улыбался... Это был Генчик.

— Легко на помине, — пробормотала Алла Михайловна и строго спросила: — Ершов, ты почему не на уроках?

— Я тетрадку забыл, меня домой послали, — зачастил Генчик. — Я нечаянно разбил, честное слово, в

ворону целил, камешек небольшой, и не попал.

— То есть попал, да не туда. Ну вот что. Отправляйся сейчас в школу, а после уроков зайдешь.

— Зайду, Алла Михайловна, — сияя улыбкой, зачастил Генчик и добавил. — Вам папа просил привет передать...

Он еще потоптался у дверей, с любопытством глядя в мою сторону, вдруг подмигнул украдкой, как старому знакомому, и ускорил своей прыгающей, воробыной походкой.

— Он всегда вежливый, — заметила между прочим Алла Михайловна. — На улице издали «Здравствуйте!» кричит, привет передает. И потом, конечно, оказывается, что никаких приветов его отец передавать не просил... Артист.

В этот же день я зашел в школу. Шли уроки, но у Виктора Григорьевича, учителя истории, час был свободен, и он согласился показать музей. Мы ходили вдоль стендов. Учитель с удовольствием рассказывал, где была найдена вот эта прялка или вот этот черпак с замысловатой резьбой. На мой вопрос — кем найдены? — Виктор Григорьевич широко развел руками, улыбаясь:

— Да больше половины из этого всего нашел ученик шестого класса Ершов.

— Генчик? — вырвалось у меня, и учитель тут же спросил:

— Что-нибудь о нем слышали?

— Случайно познакомился.

— Он, знаете, трудный мальчик... Учится средне и поведение неважное. Но краеведением очень увлекся. Сам ходил летом по окрестным деревням, у старушек экспонаты выпрашивал. И даже дневник вел.

Виктор Григорьевич достал с полки потрепанную толстую тетрадь, показал. Страницы пронумерованы, на каждой стоит число и кривоватыми, подпрыгивающими буквами записано, в какой деревне, у какой бабки был в гостях, о чем говорили, когда пили чай.

— Смотрите, и чай с ними пил?!

Виктор Григорьевич, улыбаясь, покрутил головой:

— Бойкий мальчишка! Где поможет воды принести, где по хозяйству убраться. У одной бабки картошку окучивал... Он ведь грамоту получил за свои экспонаты — на областном слете краеведов. И в районной газете о нем в заметке упоминали.

— А с его семьей вы знакомы?

— Знаком, конечно, — кивнул Виктор Григорьевич, — я ведь его классный руководитель. Семья, как бы вам сказать, внешне благополучная...

Нас прервал звонок. Учитель заторопился.

Мы шли с ним по шумному коридору, захлестнутому гомоном перемены. Из ребячьего потока вдруг вынырнул Генчик:

— Ну как, смотрели? Понравилось? У меня и дома экспонаты есть — целый сарай. Приходите, покажу!

На одной из окраинных улиц женщина с набитой покупками плетеной кошелкой показала мне дом Ершовых и почему-то, вздохнув, осуждающе покачала головой. Она пошла дальше, а я взялся за металлическое кольцо калитки, окрашенной в голубой цвет.

В сарае слышались крики. Кто-то охал, стонал и пронзительно взвизгивал. Когда щеколда калитки звякнула, во дворе в ответ зазвенела цепь, и у конуры, лениво гавкнув, встал на ноги рыжий пес. Крики тут же прекратились, и в дверях показался коренастый мужчина с ремнем в руке.

— Ладно, вставай, — сказал он кому-то в темноту сарая. Из дверей, заправляя в штаны рубашу, выскочил растрепанный Генчик. Он осмотрелся, злобно пнул ботинком взвизгнувшего пса и, всхлипывая, умчался в дом.

— Это же не ребенок, а кто его знает что, — тяжело дыша, сказал Афанасий Петрович. — У соседа на заборе сетка сушилась — стащил! Говорит, рыбу половить хотел. Воровство самое настоящее!

Мы вошли с ним в дом. Афанасий Петрович продолжал негодовать.

— Опозорил на всю улицу! Ну что бы не подойти, не попросить у соседа... Нет, надо стащить!

— Он бы не дал! — крикнул Генчик из другой комнаты.

— Ну можно было мне сказать... Ну купил бы уж, если так...

— Не купил бы ты... Сказал бы, что баловство.

— И то верно, если подумать. Баловство и есть.

На это Генчик ничего не ответил. Слышались только его редкие всхлипывания.

— Горе с ним, горе, — причитала мать Генчика Любовь Игнатьевна. Она ходила по комнате, смахивала невидимую пыль с серванта, с телевизора, с подоконников, где топорщились в горшках кактусы. Проворные руки ее сновали с удивительной быстротой. — И в кого такой растет? У нас же в семье все своим трудом заработано...

— Думаете, мы его не воспитываем? — обратилась она ко мне. — Ведь чуть что, всегда наказываем, отец у нас строгий. Двойку принес — получай за двойку. Раз ок-

но в школе расколотил. Так потом дня два сидеть не мог. И поделом. Только вот он, чем больше, шкодливый становится, как кот. Вы же подумайте, два дневника завел! Один учителю подает, когда двойка, второй — когда хорошие отметки.

Она стала вспоминать проделки Генчика, все больше распаляясь:

— Зинке, сестре своей, в портфель мыша кинул... С ней чуть не обморок, а ему смех.

— А что она ябедничает, — отозвался из другой комнаты Генчик.

Зина, сидевшая здесь же на диване с обиженно поджатыми губами, метнула в сторону соседней комнаты недобрый взгляд и еще сильнее поджала губы. Вся она, причесанная гладко, до блеска, волосок к волоску, с тугим округлым узлом на затылке, с застывшим выражением обиды и легкого презрения на овальном лице, словно говорила всем своим обтекаемо-неприступным видом о непричастности к жизни какого-то Генчика.

— А с кошкой что сделал? — продолжала мать. — То за хвост ее, то пинка, то усы ей снег. Так и сгинула куда-то, сердешная. Кошку-то зачем терзал?

— А что она мяучила, когда я уроки делал.

— Ишь, помешала. Не больно-то ты за уроками и сидишь... На родительские собрания отду ходить как на пытку... Отца весь поселок знает, в газете портрет печатали как передовика. А в школе ему в глаза сыном тычут: то привод в милицию, то в классе что ни то натворит.

— Гену, говорят, тоже в газете хвалили, — напомнил я.

— За экспонаты-то? Он эти деревянные собирать шустер. Вон полон сарай баловства этого. Учился бы лучше. А то я их вот возьму когда-нибудь да сожгу в печи.

— Сожги, сожги, — слышался голос Генчика. — Я вам тогда весь дом сожгу.

— Что, что? — вскинулся Афанасий Петрович. — А ну повтори, что сказал?!

В соседней комнате было тихо.

«Деревяшек» в сарае оказалось несколько полок. Генчик, шмыгая носом, скорбно вздыхая, вытаскивал из груды то ковшик, то веретено, то челнок от прялки. Оживившись, полез в темный угол, вытащил черную от ржавчины железку.

— Лучинодержатель называется, — торжественно объявил он и пояснил: — В школьном музее уже места нет, а то бы я отнес.

Потом он пошел проводить меня. И все рассказывал, как ходил по

дворам, знакомился с бабками, выпрашивал «старину».

— Говорю им, мол, для истории, — смеялся Генчик, — а они удивляются... Не верили.

Он шел своей обычной подпрыгивающей походкой, улыбался, вертел головой, будто и не было час назад дела с ремнем. Я спросил его:

— Частенько тебя... наказывают?

Он кривовато усмехнулся. Потом беспечно передернул плечами.

— А когда как.

— И всегда ремнем?

— Не-е. Не всегда. Ну в кино не пустят. Ну денег на мороженое не дадут. Раз в сарай заперли, чтоб телевизор не смотрел...

— А что делаешь, когда денег нет на мороженое? Бутылки сдаешь?

— Раз было... А так у папки беру.

— Как берешь?

— Ну как, как... Обычно. Из кармана.

— Не боишься?

— А чего бояться, если он не видит.

Тут я его и спросил про коробку с крючками:

— Скажи честно, хотел увести?

Генчик помаялся, потом посмотрел мне в глаза и улыбнулся:

— Вообще-то, хотел.

— И не стыдно было бы?

— А никто бы не узнал.

— Но ведь ты-то знал бы, что украл ее. Неужели совесть не мучила бы?

Генчик помолчал, потом недоуменно пожал плечами.

— А что ж зря мучиться. Я ведь никому б не сказал. И никто бы не узнал бы.

...Он не понимал, что такое совесть. Он привык к одному контролю своего поведения — извне. Чем мелочнее контроль, тем изощреннее нарушения. «Лишь бы не узнали!»

Свои правила жизни родители вколачивают в него ремнем. Упорно не хотят признать его таким же, как и они, человеком, способным глубоко переживать. Постоянными наказаниями унижают его, старательно затаптывают в нем чувство собственного достоинства. А вместе с ним — и способность контролировать себя «изнутри», способность стыдиться своих поступков. У гостиницы Генчик попросил, заглядывая мне в глаза:

— Только не рассказывайте Виктору Григорьевичу про сетку, если в школу еще придет. Ладно?

И помахал ладошкой на прощанье.

В школу я, конечно, зашел. Подождать конца урока. Виктор Гри-

горьевич пружинисто вошел в учительскую с журналом, с короткой указкой в руках и, увидев меня, сосредоточенно прищурился.

— Да, мы ведь не договорили, — сразу начал он. — Я хотел поподробнее остановиться на семье Ершовых. Это на первый взгляд она благополучная. А вот возьмите их дочь, десятиклассницу. Очень аккуратная, исполнительная, честной усидчивостью зарабатывает свои пятерки. Но чтобы помочь кому-то...

Он сидел за столом и задумчиво вертел в руках свою указку.

— Мне кажется, это все идет от того, что родители Ершовых крайне грубы со своими детьми. Ведь отец по любому поводу за ремень хватается! На родительских собраниях Ершову-старшему мы пытались внушить, что он коверкает своих детей. Он же уперся на своем: их, мол, нужно сечь, пока еще поперец лавки лежат. И все тут.

Звонок опять прервал нас. Мы вышли в коридор. Он был похож на быстро мелеющую реку — потоки ребят стремительно растекались по классам, завихряясь у дверей маленькими водоворотами. Учитель приостановился, продолжая.

— Хочу попробовать убедить мать, мне кажется, она быстрее поймет... А не получится, придется просить помощи по месту работы отца. Ведь нельзя так оставлять...

— Виктор Григорьевич! — к нам подбежала, запыхавшись, девочка. — Там в классе Ершов Русаева бьет!

— Ни дня без чепе, — нахмурился учитель. — Ну что ж, пойдемте расследуем.

Когда мы вошли в класс, взъерошенный Генчик, не поднимая головы, старательно рылся в портфеле. Русаев — он был пошуплее Генчика и пониже ростом — стоял у окна. Девочка с кружевным воротничком и такими же манжетами осторожно прикладывала платок к ссадине на его лице.

— Ершов, объясни, пожалуйста, что произошло? — спросил Виктор Григорьевич.

— Да ничего не было, — зачастил Генчик, вдруг оживившись, — ничего я ему не делал, просто чуть толкнул, и он поцарапался. А так ничего не было.

И повернувшись к Русаеву, спросил напористо:

— Ну, скажи, что я, бил тебя, да? Скажи, бил? Ну?

Русаев, тихо всхлипывая, молчал.

И. ГАМАЮНОВ
Калининская область

ну и сказали бы откровенно

Дочка учится в третьем классе. В этом году у нее новая учительница. На родительском собрании я узнала, что ученики приходят в школу, открывают тетради и показывают соседу по парте свою домашнюю работу. Если задание не выполнено, проверяющий поднимает руку и сообщает об этом учительнице. Винованный несет соответствующее наказание.

На собрании учительница пожаловалась, что некоторые ребята прячут свои тетради. В таких случаях наказывают сразу двоих, чтобы тот, кто нарушает порядок, понял, что подводит товарища.

Может быть, это и облегчает учителю проверку домашних тетрадей, но как это влияет на учащихся? Во-первых, донос никогда не считался хорошим поступком. Во-вторых, дети поставлены в зависимость друг от друга. В-третьих, ребята надеются на соседа, который «не подведет», не скажет учительнице. Почему нельзя просто потребовать честного признания от того, кто не выполнил задания?

Но это еще не все. Дети уже привыкли закрывать диктанты, контрольные рукой, бумагой, книгой. Почему обязательно нужно в чем-то подозревать товарищей?

Когда было у нас родительское собрание, все об этом промолчали. То ли родители привыкли к тому, что учитель всегда прав, то ли не хотят портить отношения со школой.

В. СТРАЖЕВА
г. Запорожье

Мы попросили учительницу начальных классов Раису Евсеевну ТАЛБЯНСКУЮ высказать свое мнение о том, что изложено в письме.

— Я не знаю обстановку в классе, о котором идет речь. Не знаю, почему так остро стоит проблема домашних заданий, но, очевидно, новую учительницу беспокоило, что ученики уклоняются от выполнения домашних уроков или плохо справляются с ними.

Во всяком случае, я убеждена: дело вовсе не в том, что учителю некогда проверить домашние тетради. Очевидно, учительница, о которой идет речь в письме, думала о воспитании честности и добро-

совестности, но, конечно, зря выбрала такой метод.

Вспоминаю, как поступает одна хорошо знакомая мне учительница. На столе у нее на подставочках стоят маленькие треугольники флажков. На первых порах она быстро обходила ряды и ставила флажок на парту тому, у кого работа была чистой и аккуратной. Потом предложила каждому брать себе флажок, если он считает свою работу удачной. Я знаю, что никто из учеников никогда не покривил душой. Доверие учителя исключило нечестные поступки.

Так что тревогу матери я разделяю. Но настораживало вот еще что: молчание родителей на собрании. Бывают учительские неудачи. Их легче предотвратить и исправить, если отношения родителей и учителя будут откровенными и открытыми. Так нам легче работать.

Я всегда испытываю на родительском собрании неловкость, неудовлетворенность от того, что родители молчат. Значит, им безразлично или просто тебя не понимают. Всегда ждешь ответной реакции, ждешь вопросов, предложений и даже возражений. Потому что всегда есть над чем подумать, есть о чем поспорить.

Вот как быть, если я добилась от ребят, что они честно признаются в своих грехах? Не выучил уроки сегодня — смотрит на меня сконфуженно, но честными глазами. И завтра не выучил. И послезавтра занимался через пень-колоду. Честно и прямо сознается в этом. А что толку в такой прямоте? Меня уж другое начинает волновать — выходит, мальчик вовсе трудиться не умеет, вот о чем мы с матерью и отцом его побеспокоиться должны.

И как быть, если на смену детскому «собственному» (я, кстати, убеждена, что загораживают они свое творчество вовсе не из зависти, злорадства или злобы, а именно по наивной детской привычке) приходит такое дружное списывание, что невольно подума-

ешь: уж лучше бы загораживались?..

И опять размышляешь о том, как важно научить ребят честно и хорошо трудиться. Добиться честного выполнения всей и всякой работы — важнее цели для школы и семьи я не знаю. Как это сделать лучше, они должны думать вместе.

всё постепенно

Многих родителей волнует, что дети их растут «растяпами» — терпят или бестолку раздвигают свои игрушки, не знают цены деньгам...

Наш маленький сын раздавал свои вещи и игрушки с необыкновенной готовностью. Вышел как-то во двор с роскошным автоматом, начиненным электрическими батарейками, ребята его окружили — смотрят. Но минут через пятнадцать автомат уже валялся на скамейке, а Дима, подхватив палку, отстреливался от наседавшего противника. Так и пришел домой без автомата. Нас это настораживало, потому что дело тут было не в «щедрости» Димы, а просто в том, что он не умел беречь вещи, дорожить ими. Конечно, мы не внушили ему, что каждая вещь денег стоит — такие разговоры только развивают корыстолюбие. Старались действовать по-другому.

Разорительные наклонности Димы питались тем, что иметь для него было привычнее, чем не иметь. Многочисленные родственники и знакомые задаривали сына сверх меры. Сын так никогда и не узнает, сколько шоколадок, сколько игрушек прошло через наши руки, не попал по назначению. Чаще всего я относилась к их в детский сад.

Мы не запретили Диме дарить, но поставили определенные условия: не делать этого без нашего ведома и согласия (чаще всего формального), не дарить негодные, никому не нужные игрушки, а также не претендовать тут же на получение новой взамен потерянной.

С четырех лет стали обращать его внимание на то, что окружающие нас предметы не появились сами по себе, а сделаны руками людей. При случае давали возможность посмотреть, как работает кран на строительстве, как пилят доски, что делают всевозможные машины и механизмы на улице возле дома. Рассказывали ему, как

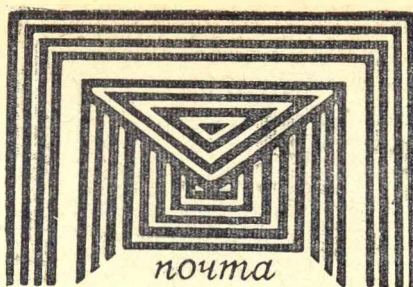
пекут хлеб, как шьют одежду, чтобы уважал каждую самую обычную вещь, ценил приносимую ею пользу.

Мы не наказывали сына за то, что он нечаянно испортил вещь, но давали возможность испытать неприятные последствия своей небрежности. Когда же он стал постарше и понял значение денег, при случае указывали, сколько времени нам придется работать, чтобы возместить причиненный им ущерб.

С шести лет поручали Диме несложные покупки, скорее для его развития, чем ради практической пользы семье. Интересно складывалось у него отношение к деньгам. Первый «зарботок» он принес домой в пять лет: дяденька во дворе покупал банки, сын нашел какую-то выброшенную посудину. Прибежал домой, зажав в кулаке три копейки, которые мы сохраним до его совершеннолетия. Как-то я дала сыну — он уже учился в школе — немного мелочи, решив посмотреть, что он станет делать. Несколько недель Дима таскал монетки в кошельке, а потом отдал приятелю, рассудив так: «Мне они ни к чему, а ему пригодятся». Точно, пригодились — парень купил на них конфет в буфете. Это заставило сына призадуматься. Получив в другой раз пятнадцать копеек, долго мучился сомнениями: Костя советовал купить коржик, но коржик казался слишком маленьким, а три пяточка — большими деньгами. Только к третьему классу Дима научился тратить с толком и пользой выделенные ему на личные нужды деньги. Всю зиму собирал медяки на подарок сестренке. В магазине сразу облюбовал крошечные белые ботиночки, «сам» покупал, не заметив при этом, что его сбережений хватило лишь на один башмачок, остальное я незаметно добавила. Потом снова пустился в накопительство, заявив: «Деньги будут, конечно, мои, но если у вас возникнут финансовые затруднения, можете их потратить, я разрешаю».

Решили подарить Диме новый велосипед — за зиму он здорово подрос. Приготовили деньги, но накануне дня, на который наметили покупку, маленькая Танюшка по вине брата сильно ушиблась, да так, что девочку понесли к врачу. Дима в отчаянии бил себя кулаками по голове, а вечером дрожащим от слез голосом сказал, что не надо покупать велосипед, потому что недостойн такого подарка.

Велосипед мы все-таки купили. И повлиять на наше решение то, что Дима близко к сердцу принял

беду сестренки, и то, что не хотел он, чтобы ему одному было хорошо, когда другим плохо.

И. БРАСЛАВСКАЯ,
инженер
Москва

специальная школьная

Дорогая редакция!

На страницах вашего журнала объясняли, почему удобна шариковая ручка. А вот что получается в нашей школе.

Перешли дети во второй класс. Учителя рекомендуют пользоваться авторучкой с пером. Да еще не дешевой, а за 2 рубля 40 копеек. Несмотря на наставление ее беречь, верх берет любознательность. Дети остаются детьми: откручивают части, без конца набирают чернила. И ручки как не бывало, подавай новую. Неужели нет специальных ученических ручек?

ВАЛЕНТИНА С.
г. Мурманск

С просьбой ответить читательнице редакция обратилась к начальнику Программно-методического управления Министерства просвещения РСФСР Владимиру Павловичу СТРЕЗИКОЗИНУ.

— Школьные авторучки — и шариковые и перьевые, — конечно, есть. Они просты по конструкции, тонкие, легкие, их удобно держать и при письме рука не устает. Стоят школьные ручки недорого — от 35 до 55 копеек. Какой авторучкой будут пользоваться ученики в классе — шариковой или перьевой, решает сам учитель. Но обязательно он должен рекомендовать школьную ручку. Тем более в младших классах, где почерк только вырабатывается. Тяжелая, толстая ручка, которую даже держать

трудно маленькими пальцами, здесь просто не годится.

Повторю: выбор — перьевая или шариковая — принадлежит учителю. Хотя специалисты склоняются сейчас в пользу шариковой ручки. И не только потому, что ее не надо заправлять чернилами, а значит, можно не опасаться клякс в тетрадях... Важно, что при письме шариковой ручкой легче выполнять все требования новой каллиграфии. Поэтому тем школам, где уже обучают письму по новым упрощенным прописям, мы рекомендуем шариковую авторучку модели РШ-49. Эта ручка отличается наибольшей прочностью: стержень, заправленный пастой, вставляется в специальную полиэтиленовую заглушку. Меньше вероятность, что ручка сломается, быстро выйдет из строя.

«Достаточно ли выпускается школьных авторучек?» — с таким вопросом редакция обратилась в Министерство торговли РСФСР.

— Спрос школьников мы полностью удовлетворяем, — сообщила начальник отдела канцелярских и бумажно-беловых товаров Роскульта Лариса Михайловна АНТОЛОВА. В 1971 году было выпущено более 108 миллионов школьных авторучек. Это больше четырех ручек на каждого ученика в год. Мы учитываем также рекомендации педагогов, изменения в школьной программе. Поэтому в нашем ассортименте шариковых ручек больше, чем перьевых, в три с половиной раза. В 1972 году производство школьных ручек еще более возрастет.

Что касается Мурманска, то город получает такие ручки в большом количестве. Его снабжает Ленинградская база Роскульта. А в Ленинграде находится одна из крупнейших фабрик по производству авторучек.

Итак, причин, которые бы оправдывали использование взрослой дорогой авторучки в школе, нет.

зачем такая выставка?

В школе, где учится мой сын, при подготовке к урокам иностранного языка ученикам шестого класса предлагается вырезать картинки из книг и наклеивать их в тетрадь-словарь.

Нужно ли это? Поиски картинки занимают уйм времени. Ради

подходящего рисунка — фуфайки, лампы, носового платка — портятся журналы и книги. Лучшая по оформлению тетрадь попадает на выставку. А что тут выставят?

Но, может быть, все это облегчает запоминание слов?

Н. КОРОЛЕВА
Ленинград

Редакция попросила прокомментировать письмо старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР, методиста по иностранным языкам Льва Давидовича ЦЕСАРСКОГО.

— Портить книги — всегда плохо, и никакой благой целью оправдывать это не стоит. Тем более что «картинный словарь» — это далеко не лучший способ изучить язык. Здесь закрепляется только связь слова с определенным зрительным образом. И не больше. А освоить язык по отдельным словам нельзя.

Поэтому по меньшей мере странной выглядит затея с выставкой словарей-картинок. Для чего она? Ведь такой словарик, даже самый образцовый, не может отразить знаний ученика.

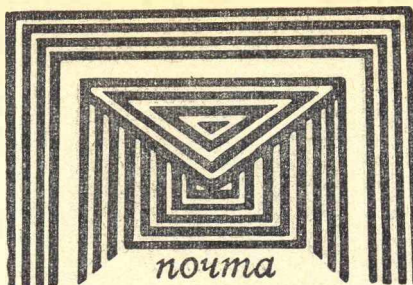
В словаре достаточно записать новое слово, его перевод и транскрипцию. Время же, которое тратится на поиски и подклейку картинок, лучше использовать на то, чтобы как можно больше работать с новым словом, сочетая его с другими словами, учась правильно употреблять его.

Современная методика требует, чтобы новое слово тут же закреплялось в живом общении. Например, если на уроке ученики знакомятся со словом «книга», то они должны составить предложения, используя уже известные слова и употребив новое: «Мама принесла интересную книгу» или «Я люблю читать книги о космонавтах». Мы за то, чтобы больше учить самому языку.

разве только уроки?

Наша школа с этого года считается школой продленного дня. Прошу разъяснить: обязательно ли на продленном дне должны находиться все дети без исключения? Можно ли успевающим ученикам готовить уроки дома?

М. ТАРАСОВА
Белогорский район
Крымской области

Мы показали это письмо инспектору школ Министерства просвещения СССР Клавдии Владимировне ЯРЦЕВОЙ. Она разъяснила:

— В школу с продленным днем принимаются дети по желанию родителей. Еще до начала учебного года каждая семья должна определенно решить, нуждается ли ребенок в продленном дне. Мать задает вопрос: «Можно ли успевающим ученикам готовить уроки дома?» Возможно, она предполагает, что дети просто-напросто остаются в школе и вместе с учителем или воспитателем выполняют домашние задания. Это не так. Уроки занимают только часть времени — у младших час, у старших два — два с половиной (в школе продленного дня находятся ученики до восьмого класса включительно).

В такой школе по-иному строится весь режим. Учебная работа обязательно сочетается с отдыхом и внеклассными занятиями.

Ребят ждут прогулки и экскурсии, они могут посещать кружки, спортивные секции, проводить пионерские сборы.

Если ученик будет присутствовать только на уроках, а остальное время проводить дома, то он фактически окажется вне коллектива, в стороне от товарищей, от жизни школы. Все эти обстоятельства нужно учитывать. И если родители склоняются в пользу домашнего режима, то лучше перевести ребенка, если есть возможность, в другую школу.

В данном случае мы не знаем, почему мама против продленного дня. Может быть, он плохо организован? Нет условий для отдыха детей? Но тогда мало сказать: «Мой ученик хорошо, может готовить уроки дома». Один может, другой не может. Надо и самой помочь педагогам, родительскому комитету, шефам сделать все возможное, чтобы школа продленного дня оправдала надежды, которые возлагают на нее работающие семьи.

если вторая смена

Мой сын — второклассник. Учится в этом году во вторую смену. Полдня восьми-девятилетние ребята предоставлены сами себе. Уроки вместе делаем вечером. Вы скажете, что лучше уроки оставлять на утро. Но согласитесь, что надо не только доверять, но и проверять. Почему нельзя взвесить все «за» и «против» и отдать первую смену малышам?

Е. МАЩЕНКО
г. Северодонецк

Сын учится в третьем классе с 15 часов. Я не могу проверить, как он готовит домашние уроки. О том, чтобы позаниматься вместе, и речи не может быть. Разве нельзя перевести в эту смену старшеклассников, ведь они намного самостоятельнее?

О. АСТАФЬЕВА
г. Шахты Ростовской области

Третий год подряд (второй, третий, четвертый классы) наши дети посещают школу во вторую смену. Мы уходим на работу, когда дети еще спят. Как они поели, как приготовили уроки, в каком виде пошли в школу — все это проверить лишены возможности.

Н. ВЕРИНА
г. Мончегорск

Редакция послала эти письма начальнику Главного управления школ Министерства просвещения СССР Виктору Михайловичу КОРОТОВУ и попросила ответить родителям.

— Прежде всего хочу сказать, что переход на односменные занятия — насущная задача школы, и для решения ее делается все возможное.

Полностью отказаться от второй смены мы пока еще не можем. Некоторые трудности создаются в связи с переходом к всеобщему среднему образованию: теперь вместо одного девятого класса набирается, как правило, три-четыре.

Это трудности понятны. Но есть трудности другого рода. К сожалению, в районах массовой застройки в городах школы возводятся строителями с опозданием, что вызывает перегрузку действующих школ. Разумеется, все, что связано со

школьным строительством, должно быть постоянно в поле зрения общественности — нужен контроль, нужна помощь.

Итак, вторая смена нежелательна. Но пока она существует, школа должна делать все возможное, чтобы облегчить занятия детям в этих условиях.

Сложилась традиция (вполне оправданная) — первые классы, восьмые и десятые занимаются в первую смену. Для остальных обязательно должна быть установлена очередность. Плохо, если один и тот же класс несколько лет подряд занимается во вторую смену.

Если нет у школы возможностей все вторые и все третьи классы поставить в первую смену, то можно хотя бы чередовать параллели по полугодиям.

Перевести, как хотелось бы, все младшие классы в первую смену не всегда удастся — ведь старшеклассники не могут сидеть за этими же партами во вторую смену. Вот и приходится, чтобы использовать одну классную комнату дважды, определять во вторую смену и ребят из второго или третьего класса.

Но занятия у них, кстати, могут начаться раньше: у первоклассников, как правило, больше четырех уроков не бывает.

Родителей справедливо беспокоит то, что дети остаются без присмотра, некому помочь им приготовить уроки. Выход — в организации групп продленного дня. Где, как не в группе продленного дня, могут проследить за тем, как ребята готовят уроки, позаботиться о том, чтобы ребята вовремя поели, с толком отдохнули!

Если даже в школе нет свободного помещения, решение проблемы можно найти. В Москве, в Свердловске, в Ярославле, на Украине есть уже опыт организации групп продленного дня по месту жительства — при домоуправлениях, ЖЭКах, клубах, домах пионеров...

Конечно, не должны стоять в стороне и сами родители. Помочь найти помещение, организовать питание, помочь во всей внеклассной работе с детьми — все это под силу родительскому комитету.

расскажите сказку

Есть два магических средства развития детского воображения, которые по своему значению не

сравнимы ни с чем, — это игры и сказки.

Значение сказки далеко не все понимают. Нередко даже иронически относятся. Сказка! Это, мол, дело далекого прошлого, их рассказывали дедушки и бабушки в старину. А теперь условия иные. Такие рассуждения глубоко ошибочны. Ребенок, лишенный сказки, столько теряет, что потом бывает трудно восполнить пробел...

Чем хороша сказка? Она соответствует складу ума ребенка. Когда ребенок растет, он познает мир, слышит, видит, пробует предметы на ощупь. Но у малыша нет еще опыта, подлинных знаний, и обилие новых сведений порождает фантастические, неправдоподобные представления. Не надо торопиться освободиться от них. Придет время, малыш узнает, откуда дождь, почему после жаркого лета наступает золотая осень, а потом морозная зима. Но пока для него запущенные инеем окна или снежная метель — это проделки Деда Мороза, а новогодняя елка — это подарок от него. Как нельзя деревцо тянуть за ветки вверх в надежде, что оно будет расти быстрее, так и нельзя торопить развитие малыша. Он переживает период фантастического видения мира. Все его существо расположено к необыкновенному. Как раз этому и отвечает сказка.

В сказке не одна только фантазия, в ней народная мудрость, желания и мечты людей. Сказка учит жить. Как правило, зло в сказке наказывается, а добро торжествует. Сказка воспитывает желание добра.

«Но ведь сказки показывают по телевидению и в кино, — возражают некоторые. — Разве мало того, что ребенок их смотрит?» Верно, показывают. И смотреть полезно. Но все-таки сказка, рассказанная кем-то — мамой, бабушкой, папой, — воспринимается совершенно иначе. Ребенок фантазирует, сам представляет то, что слышит. Все это так волнует его, что он просит еще

и еще повторить уже знакомую сказку. Для детей важно само переживание событий. В кино же и по телевизору образы преподносят режиссер, актеры, операторы уже в готовом виде. Может быть, фантазия ребенка не так развита, как у тех, кто снимает фильм, может быть, сам он не представил бы себе все так ярко? Но при чтении он активный участник, воображает сам, а не кто-нибудь за него. И в этом отношении преимущества рассказанной сказки несомненны. К тому же ребенок может прервать рассказчика, о чем-то спросить. И эти сопутствующие беседы тоже очень важны. Немаловажно и то, что, слушая сказки, ребенок вообще приучается слушать. У него вырабатывается внимание.

Вот почему, когда родители спрашивают, как подготовить ребенка к школе, я отвечаю: «Чаще читайте ему сказки».

Н. КОНДРАШОВ,
учитель
г. Рязск

ТРУДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

психологический
семинар:
учебная работа
школьника

К. БАРДИН,
кандидат
психологических наук

Трудные предметы. Для одних ребят — это одни, для других — другие... Иногда лишь более трудоемкие, а порой — безнадежно непонятные («сколько ни сиди, все равно больше, чем на тройку, не вытянешь...»).

Но почему предмет трудный? Обычное мнение: нет к нему способностей. А раз так — что ж тут поделаешь?

Между тем эта распространенная точка зрения не имеет под собой серьезных научных оснований.

Попытаемся понять, почему некоторые предметы становятся для школьников трудными и как можно помочь в этих случаях.

Но прежде о способностях. Конечно, между людьми существуют большие индивидуальные различия как в специальных способностях (например, математических или музыкальных), так и в общих (например, устойчивость внимания или прочная память). Но хотя индивидуальные различия в способностях, безусловно, существуют и действительно одним из ребят учеба дается легче, чем другим, успешное усвоение школьной программы в целом посылно любому нормальному ребенку. Да, возможно, в классе окажутся более способные, чем он, товарищи. Возможно, какие-то предметы потребуют от него особых усилий. Но невозможно себе представить нормально развитого ребенка с таким уродливым сочетанием способностей, что они позволяют ему вполне успешно усваивать одни пред-

меты и оказываются совершенно недостаточными, чтобы взять непреодолимый барьер других.

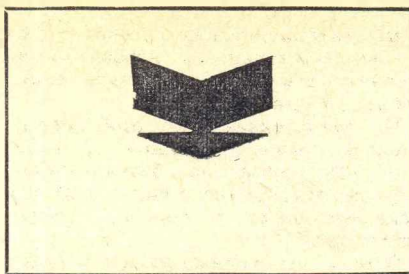
Трудность предмета чаще всего связана вовсе не со способностями, а с совсем с другими вещами. В первую очередь с какими-то упущениями в учебной деятельности, или, что то же, с неумением учиться. Мы рассказывали о неумении выделять в материале предмет усвоения (№ 9 «Семьи и школы» за 1966 год). И говорили, что обычно оно наблюдается не поголовно на всех уроках, а лишь в занятиях по какому-то одному предмету или даже по одной теме.

К сожалению, не только сами ребята и родители, но зачастую и педагоги не улавливают, что причина неудач в этом случае — именно неумение выделить предмет усвоения. И поэтому даже индивидуальные занятия с такими школьниками строятся неправильно. Вместо того чтобы помочь школьнику овладеть способом, позволяющим выделить в материале предмет усвоения, добиваются, чтобы он «выучил материал», то есть попросту оказался в состоянии пересказать его достаточно подробно и правильно.

Конечно, школьник в конце концов запоминает, про что надо говорить, рассказывая о «лишних людях» или о химических свойствах азота. И после подобных занятий без труда излагает ту же тему в классе. Как будто бы все хорошо. Но научиться выделять в материале предмет усвоения таким путем невозможно. Потому что в каждом случае вместо школьника это делает взрослый, а школьник видит только результат работы, проделанной взрослым в уме. И запоминает этот результат, вместо того чтобы научиться проделывать в уме такую же работу. Естественно, как только он берется за новый материал, опять возникают те же трудности. И тут уже не только сам школьник, но и ведущий с ним индивидуальные занятия педагог готов охотно поверить, что литература или химия «не даются» его ученику, что нет у него нужных способностей.

Сходная картина наблюдается, если нет умения выделить учебную задачу (№ 9 «Семьи и школы» за 1970 год).

Вот, например, случай, который нередко наблюдается при изучении иностранного языка. Хорошо известно, что владение разговорной речью и умение читать печатный текст с помощью словаря — это два существенно разных навыка. И каждый из них нужно специально отрабатывать. Учитель в школе так

и поступает. Сначала задает «читать, переводить, выучить слова» и только потом «подготовить рассказ». В первом случае отрабатывается навык чтения и перевода, расширяется запас слов. Во втором случае тренируется навык устной речи. Это две разные учебные задачи. Между тем даже сильные ученики очень часто не понимают этого. И вместо того чтобы, готовя устный рассказ, изложить его содержание с помощью минимума твердо усвоенных слов и речевых оборотов, они стараются максимально насытить его новыми, только что изученными словами и выражениями. К сожалению, законы нашей памяти таковы, что мы готовы воспроизвести только часть недавно выученного материала, другая часть материала требует значительных усилий для припоминания, а еще какую-то часть мы не в состоянии воспроизвести, а можем ее лишь опознать, — скажем, при повторном чтении текста.

Построив рассказ на использовании максимального числа только что изученных слов и оборотов, ученик почти наверняка обнаружит, что при ответе в классе некоторые из них выпали из памяти, хотя накануне он помнил их. А теперь они или вовсе забыты, или припоминаются с усилием — отсюда паузы посреди начатой фразы. На учителя это производит впечатление плохо приготовленного урока, а сам ученик, раз за разом убеждаясь, что рассказ на иностранном языке ему не удастся, легко приходит к выводу: все дело в отсутствии лингвистических способностей...

Какие еще причины, помимо дефектов в учебной деятельности, могут порождать иллюзию отсутствия способностей?

В начальных классах это особенности домашней подготовки, с которой ребенок пришел в школу. Представьте себе, что еще до школы ребенок научился читать и пришел в первый класс, имея за душой «Детей капитана Гранта». И в то же время едва-едва считает до десяти. Понятно, что русский язык,

а позднее история и природоведение будут даваться ему легче, чем математика. И последняя легко попадет в разряд трудных предметов.

Особенно усложняется дело, если к неравномерности подготовки добавляется отсутствие готовности ребенка к волевому усилию. Без этой готовности учеба в школе превращается для него в муку. И те предметы, которые требуют от ребенка мало-мальского напряжения и усилий, оказываются в числе трудных.

К появлению трудных предметов приводит и такое обстоятельство, как неравномерность занятий. Не секрет, что некоторые школьники стараются готовить уроки выборочно: тщательно те, по которым они ожидают опроса или контрольной, остальные же кое-как, а то и совсем не готовят. Почему же такая манера заниматься приводит к делению предметов на трудные и нетрудные? А вот почему. В одних предметах единожды усвоенные сведения все время нужны для овладения последующим материалом. В других новый материал может быть усвоен (по крайней мере средне) и без знания предыдущего.

Пример предметов первого типа — математика или иностранный язык. В самом начале курса алгебры школьник усваивает, что $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$ и затем пользуется этим преобразованием все время, пока изучает математику. Где-то в начале изучения немецкого языка проходит склонение артиклей, без которого потом нельзя усвоить склонение существительных, прилагательных, местоимений.

К предметам второго типа можно отнести историю или географию. Можно пропустить восстание Степана Разина, но хорошо подготовиться к уроку о реформах Петра I. Конечно, такие знания не будут глубокими: чтобы как следует понять петровские реформы, надо знать, что представляла собой допетровская Русь. Но в общем-то школьники часто довольно ловко ухищряются обойти в своем ответе все то, что связано со вчерашним, невыученным материалом, и стараются произвести хорошее впечатление на учителя знанием урока сегодняшнего.

Но для ученика, перешедшего на несистематическую работу, предметы первого типа, без сомнения, очень быстро станут трудными. А так как он будет скорее всего «накан» только по некоторым из изучаемых дисциплин, то, конечно, ему гораздо проще будет ссылаться на свою неспособность к ним, чем признаться в собственной недобросовестности.

К появлению трудных предметов могут привести также некоторые особенности развития ребенка. Установлено, что существует наиболее благоприятное время для становления той или иной психической функции. Если упустить это время, развитие будет идти медленнее и труднее.

Известно, например, что запас слов повседневной речи образуется у человека в основном до 12 лет. Каков он будет — целиком зависит от того речевого окружения, в котором растет ребенок. Если в семье, в школе, среди товарищей ребенок слышит правильную речь, насыщенную и выразительную, то он и сам будет так говорить в дальнейшем. Если ребенок слышит вокруг себя бедную, невыразительную речь, то он усвоит ее обедненную лексику. Сжатый язык формул, коротких определений и стандартных формулировок (то, что нужно в «точных науках») будет даваться ему легче, чем развернутый рассказ, требующий передачи тонких нюансов мысли. А что касается таких предметов, как литература, география, история, то они скорее всего будут вызывать у него трудности.

Нечто сходное наблюдается и в отношении некоторых собственно мыслительных способностей, например способности действовать в уме. Сначала ребенок не умеет действовать в уме. Предложенную ему, скажем, математическую задачу он может решить, только действуя с реальными вещами. Не обязательно, конечно, чтобы это была та самая вещь, о которой идет речь в задаче. Любую из них можно заменить коробкой, пуговкой, монеткой — словом, тем, что попадет под руку. Постепенно внешняя опора становится все менее обязательной, но высоких ступеней развития достигают не все дети. Оказывается, возможность перехода детей со ступеньки на ступеньку связана с возрастом. И для развития способности действовать в уме существует свое благоприятное время. У кого-то из детей это время было использовано, у кого-то упущено. Естественно, что школьники, оказавшиеся на более низкой ступеньке, начинают испытывать трудности в учебе. И трудности эти касаются прежде всего тех предметов, где требуется в уме выполнять те или иные операции, решать те или иные задачи, и в значительно меньшей степени предметов, где можно дать удовлетворительный ответ, прибегнув к простому пересказу изложенного в учебнике материала.

Значит, и здесь дело не в отсутствии каких-то специальных, ска-

жем, математических способностей, а исключительно в неразвитости умения совершать действия «про себя», «в уме».

Из всего сказанного приходится сделать вывод: трудные предметы — это вовсе не безнадежный случай; мы вполне в силах помочь изнемогающему в борьбе с ними школьнику.

Что же необходимо делать в каждом из рассмотренных случаев?

О трудностях, связанных с нарушением учебной деятельности, мы не будем сегодня говорить — читатели найдут необходимые советы в уже опубликованных материалах нашей рубрики.

Вероятно, не требует подробных объяснений и случай, когда появление трудных предметов связано с неравномерностью домашней подготовки. Родители, как правило, сами в состоянии решить, что здесь нужно предпринять, необходимо только, чтобы они осознали характер упущения.

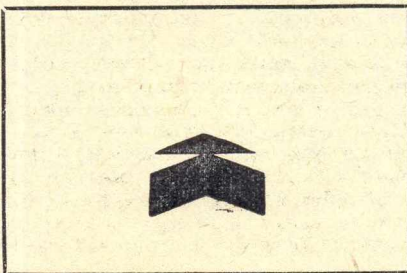
Несколько сложнее обстоит дело, если появление трудных предметов связано с отсутствием систематичности в работе школьника. Сложнее не потому, что требуются какие-то особые меры. Напротив, эти меры предельно просты — нужна лишь внимательная работа на уроке и неукоснительное приговление домашних заданий. Но провести в жизнь эти простые меры бывает нелегко. Прежде всего потому, что родители обычно начинают тревожиться с большим опозданием, когда несистематическая работа уже вошла у школьников в привычку, да и пробелы в знаниях велики. Первая мера — ликвидация этих пробелов. Сделает ли это школьник сам, с помощью товарищей, помогут ли ему родители и учителя — зависит от конкретных обстоятельств, и дать общий совет тут невозможно. Ну а вместе с тем нужно приниматься за переделку привычки. Способы здесь самые обычные — начиная от проверки, приготовлены ли домашние задания, и установления четкого режима и кончая неуклонным применением разумной системы поощрений и

наказаний. Необходимо только помнить, что переделка укоренившейся привычки — дело долгое и нелегкое. Всевозможные срывы и возвращения назад, к старому не только могут быть, они будут обязательно. Не следует ожидать, что в какой-то момент после душевного разговора ребенок переменится. Это было бы равносильно чуду.

Случай, когда было упущено благоприятное время для развития какой-то психической функции, также требуют достаточно длительной работы. И то, что упущено время, не означает еще, что теперь вообще уже ничего нельзя сделать; терпение и труд все перетрут! Возьмем хотя бы то же речевое развитие. Да, в основном лексика повседневной речи у человека формируется до 12 лет. Но это, так сказать, естественный ход событий. Но если недостаток установлен, специальная работа — требующая, конечно, значительных усилий — вознаграждается успехом.

То же самое можно сказать и о развитии умения соотносить в уме. Ждать, что оно разовьется само собой, без каких бы то ни было усилий, конечно, не стоит. А сделать можно многое — только опять-таки требуется настойчивость и постоянство. Надо почаще ставить перед ребенком задачи, требующие не практического, а теоретического — в уме! — решения. Можно использовать всем известные игры вроде шашек, домино, не говоря уже о шахматах, требующих мысленных расчетов на несколько ходов вперед. Это могут быть и чисто житейские задачи, когда, скажем, надо рассчитать, в какой последовательности лучше посетить булочную, молочную и овощной магазин, чтобы затратить меньше времени. Важно только, чтобы эти задачи учили школьника действовать в уме, про себя. Ну а если вы видите, что сразу решить про себя он их не может, пусть сначала решает, действуя с реальными предметами, «взаправду» и учится повторять в уме найденные таким путем решения.

Даже те немногочисленные случаи, когда за появлением трудных предметов действительно лежат невысокие способности, отнюдь не являются безнадежными. Все способности поддаются развитию, тем более в детском и подростковом возрасте. Конечно, от разных людей развитие той или иной способности может потребовать разного труда. И эта готовность потрудиться должна быть у каждого, кто хочет одолеть барьер, который ставят трудные предметы.

А ЕСЛИ НЕ ХВАТИТ ЛАПОК?

Э. КРАСС, Г. САШИН

Дорогие родители первоклассников! В публикуемом здесь третьем рассказе про Мурашку (первые два напечатаны в № 8 и 10 за прошлый год) речь идет о решении простых и составных задач. Если вы помните, об этом же говорилось в статье Л. Ковинько и Г. Левитаса «Решаем составные задачи» (в № 11 за прошлый год). Советуем вам прежде всего перечитать эту статью.

Когда вы будете читать с ребенком очередной рассказ про Мурашку, старайтесь каждую задачу решить с ним до того, как она решена героями рассказа.

Помимо задач, решенных героями, в рассказе есть материал для других задач. Одна из них сформулирована (но не решена) в конце рассказа: узнать, сколько переходов сделали путешественники. Сами вы можете предложить ребенку такие задачи: узнать, сколько часов они шли в первый день, во второй, в третий день, всего. При этом надо иметь в виду, что каждый переход продолжался два часа. (Время привалов вы можете указать по своему усмотрению, например по полчаса, или вообще о них не говорить).

Свистит холодный ветер в сильных стрекозиных крыльях. Все выше взлетает огромная Стрезилла, неся на своем хвосте Мурашку, Муравчика и Пауля.

К счастью, Стрезилла так и не заметила маленьких седоков. И когда она села на белую ромашку, малыши кубарем скатились с цветка и укрылись в спасительной густой траве.

— Прокатились, — первым нарушил молчание Пауль.

— И попадет же нам, — промолвил Муравчик.

— Надо быстрее вернуться домой, — сказал Мурашка.

Мурашка, Муравчик и паучишко Пауль засемили между травинками. Испуг от неожиданного путешествия прошел. И они вспоминали полет на Стрезилле, весело смеясь и подшучивая друг над другом.

— Эх, хорошо бы опять прокатиться на Стрезилле, — сказал в шутку Пауль.

— Верно, — подхватил Муравчик, — подождем, пока Стрезилла полетит обратно. На ней мы быстро доберемся домой.

— Ни в коем случае, — Мурашка даже остановился. Он задумался и даже не понял шутки. — Во-первых, неизвестно, прилетит ли она сюда обратно. (Мурашка загнул одну лапку). Во-вторых, сядет ли она здесь. (Вторая лапка загнута). В-третьих, неизвестно, захочет ли она лететь к нашему муравейнику. (И он загнул третью лапку). В-четвертых, неизвестно, сможем ли мы опять незаметно влезть на нее. (Он загнул четвертую

лапку). В-пятых, лететь на стрекозе опасно, можно свалиться. (Загнута пятая лапка). В-шестых, Стрезилла может нас заметить и съесть, — Мурашка в запальчивости попытался загнуть шестую лапку, но только смешно подпрыгнул и упал под дружный хохот Муравчика и Пауля.

— Ха-ха-ха, — смеялись они.

— Мы же пошутили, а ты стал перечислять и никак не мог остановиться, — сказал Пауль.

— Я уже кончил, так как у меня кончились лапки, — сказал, отряхиваясь, Мурашка. — Ты мог бы говорить и дальше — у тебя на две лапы больше.

Тут Муравчик удивленно уставился на Пауля, как будто увидел его в первый раз.

— Разве у тебя не столько же лап, сколько у нас? — спросил он.

— Нет, конечно, — гордо ответил Пауль. — Вот посчитай.

— А можно и не считать, а сравнивать. Помнишь, Муравчик, как сравнивали кучи иголок? — предложил Мурашка. — Ну-ка, садись, Пауль, а ты, Муравчик, сядь напротив него. Так, вытягивайте свои лапки и старайтесь, чтобы каждый из вас своей лапкой коснулся одной лапки другого. Правильно. Ну что, Муравчик, теперь тебе видно, что у паука на две лапки больше, чем у муравья?

— Да, у муравья на две лапы меньше, чем у паука, — признал Муравчик.

— Вас учили считать раз, два, три, четыре, пять, шесть, а меня еще и семь, восемь, — гордо сказал Пауль.

— Да, — сказал Муравчик, — ты, наверное, всю математику хорошо знаешь.

— А как же, — похвастался Пауль. — Мы, знаете, какие задачки умеем решать? Вот. «В паутину попал три мухи, а комаров на два больше. Сколько попало комаров?»

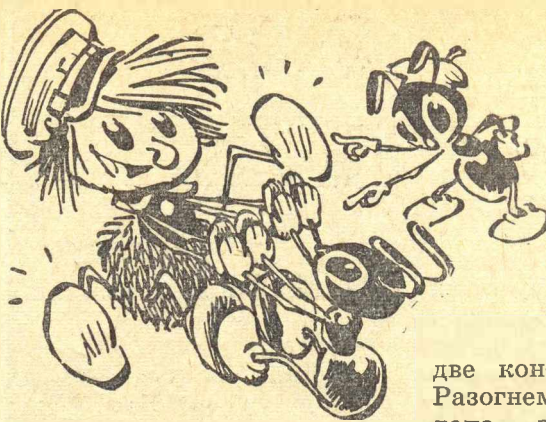
— Подумаешь, — сказал Муравчик, — это легко. Вытяни свои три лапы. — Он приложил к ним три свои лапы и еще две и пересчитал их. — Один, два, три, четыре, пять. Вот и все, задача решена. В паутине оказалось пять комаров.

— Правильно, но это долго, — заявил Пауль, — лучше не считать до трех, а сразу после трех: четыре, пять.

— Так можно ошибиться.

— Чтобы не ошибиться, надо загигать лапы при счете: четыре, пять. — И он загнул две лапы. — Правильно, Мурашка?

— Да, так быстрее. Ну-ка, Муравчик, реши такую задачку. У меня было шесть конфет, а у тебя на две меньше. Сколько было у тебя конфет?

— Это когда это у меня было меньше конфет, чем у тебя? Не было такого!

— Да это я придумал такую задачу. Так, понарошку.

— Вот я и говорю: придумал, чего не было. Не хочу решать такую задачу, где у меня меньше конфет, чем у тебя.

— Ну хорошо. Пусть будет по-твоему. У тебя было шесть конфет, а у меня на две меньше. Сколько конфет было у меня?

— Это другое дело. Сейчас решу. Так. У меня было шесть конфет. Так. Вот одна лапа, вторая. Вот. Конфет столько же, сколько лап. Здорово! Что там дальше? У тебя на две конфеты меньше, чем у меня. Ого! На целых

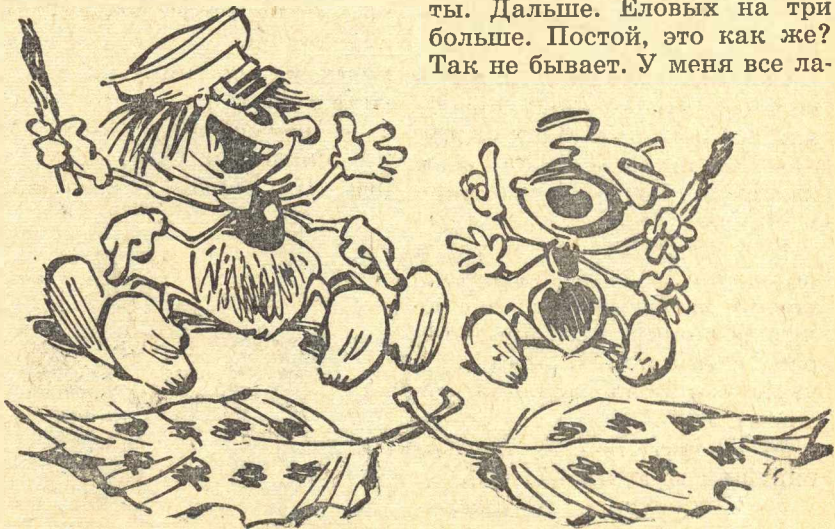
две конфетки меньше! Так. Разогнем эти лапы. Каждая лапа — это же конфета. Так. Эту и эту лапы не считаю. Остается: раз, два, три, четыре. Ага. У тебя было четыре конфеты. А у меня шесть. Ха-ха! У меня на две больше. А у тебя на две меньше. Вот.

— Молодец, Муравчик! Правильно решил задачу, — похвалил его Пауль.

— Да чего там. Я теперь тоже всю математику знаю, — расхвастался Муравчик. — Как дадут тебе задачу, знай себе лапы пересчитывай.

— Тогда вот тебе еще одна задача, — сказал Мурашка. — У меня шесть сосновых иголок, а еловых на три больше. Сколько у меня еловых иголок?

— Эту задачу я мигом решу! Так. Сосновых иголок шесть. Опять все лапы заняты. Дальше. Еловых на три больше. Постой, это как же? Так не бывает. У меня все ла-

пы кончились. Нет, это не задача.

— Как не задача? Да и разве так не может быть, чтобы было шесть сосновых иголок, а еловых на три больше? Это самая настоящая задача. Только решить ее с помощью твоих лап очень-очень трудно.

— Вот-вот. Задаст очень-очень трудную задачу, а сам небось ее не может решить.

— Чтобы решить трудную задачу, — вмешался в разговор Пауль, — ее нужно нарисовать.

— Как же я буду рисовать иголки? Я не умею.

— Рисуют палочки, кружочки или точки, — посоветовал Пауль.

— Не буду я рисовать, раз задача уже решена, — возразил Муравчик. — Вот придумаю новую, тогда посмотрим.

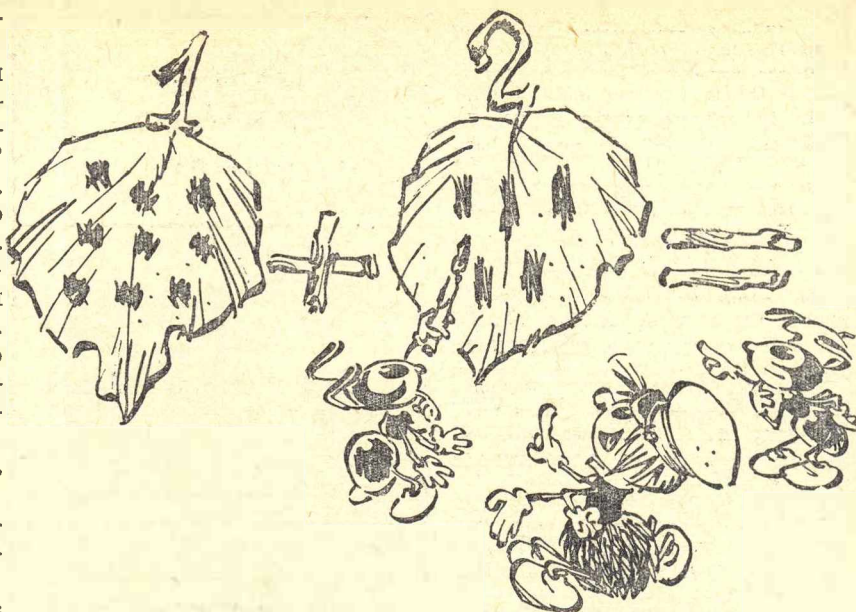
— Ну пожалуйста, — сказал Пауль. — В одном классе у нас девять паучат, в другом на четыре меньше. Сколько паучат в обоих классах?

— И что я должен делать? Откуда я возьму девять ног? — спросил Муравчик.

— Рисуй! — хором сказали Мурашка и Пауль.

Муравчик все-таки не мог понять, чего от него хотят. И Мурашка стал его спрашивать.

— О чем говорится в задаче?

— О паучатых.

— Что о них говорится?

— Что в одном классе их было девять.

— Вот и рисуй девять точек.

— Нарисовал. А теперь что делать?

— Что еще говорится в задаче?

— Что в другом классе на четыре паучонка меньше.

— Вот и рисуй другой класс.

— А сколько в нем паучат, я же не знаю?

— А ты сообрази.

— Понял, понял, — обрадов-

вался Муравчик, — надо отнять. $9 - 4 = 5$.

— Ну вот. Рисуй.

— А можно рисовать паучат второго класса не точками, а палочками, чтобы не было похоже на первый класс?

— Можно. Нарисовал?

— Да. А что теперь делать?

— Вспомни, что еще говорится в задаче.

— Там только вопрос: сколько всего паучат?

— Ну так сколько?

— Я не знаю.

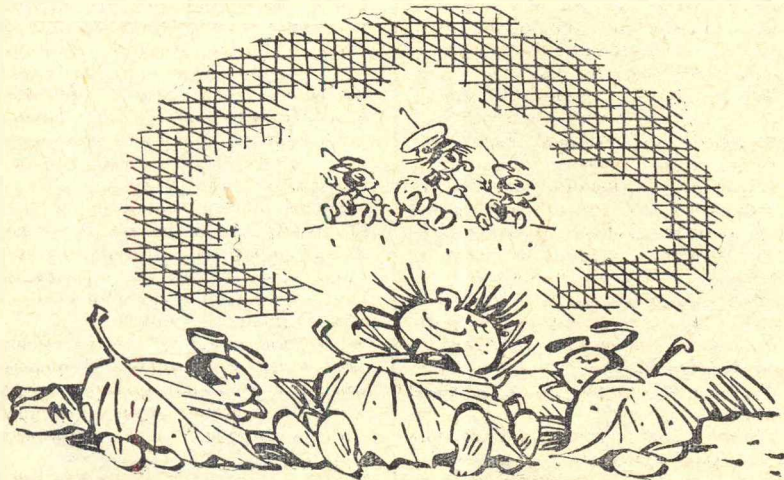
— У, какой ты бестолковый, — удивился Мурашка. — А рисунки зачем?

— А, ну конечно. Тут девять и тут пять. И сколько всего? Сейчас. Четырнадцать.

— Ну наконец-то, — сказал Пауль, — пошли дальше.

Наконец добрались путешественники до дома. Их встретили радостно и просили рассказать, сколько же они шли пешком.

— Два дня по семь переходов да один день на три перехода меньше, — ответил за всех Мурашка. — А сколько всего, мы посчитать не можем, так как ужасно устали и очень хотим спать.

Приближение этого дня не вызывало у моей мамы никакого энтузиазма.

— Опять к Петровым ехать! И что Игорю дарить — ума не приложу. Рубашку мы в прошлом году возили, спортивный костюм тетя Вера дарит. Шапочку с шарфом тоже кто-то уже покупает.

— Мам, а давай Игорю какую-нибудь игру подарим. Я в магазине столько их видела!

— Игру, конечно, можно, но к ней же опять подарок нужен. А то Петровы обидятся: у мальчика раз в год день рождения, а родственники раскошелиться боятся. А может, ботинки купить? Вроде бы их никто не покупает...

Мы покупали ботинки, а игру нет, потому что за ней надо было ехать в другой магазин, и в назначенный день отправлялись к Петровым.

На день рождения Игоря съезжалась вся родня — дедушки, бабушки, дяди и тети и мы с братом. Я так думаю, что нас брали к Петровым потому, что больше некуда было деть. Взрослые собирались, чтобы повидаться друг с другом, обсудить дела, болезни, мировые события. Мы сидели тихо, стараясь никому не мешать. На кровати лежали свертки с подарками. Игорь к ним не притрагивался. Он знал, что ему подарили то же самое, что в прошлом или позапрошлом году. И в следующем году подарят это же. Только тетя Вера принесет, наверное, ботинки, зато мы, недолго думая, купим спортивный костюм.

Когда родственники уставали вести разговоры, наступала очередь коронного номера. Все пропало Игореву папу спеть. И он, как обычно, высоким дрожащим голосом начинал:

Если б милые девицы

Все могли летать, как птицы...

Иногда взрослые все-таки вспоминали о нас, детях, и требовали, чтобы мы читали стихи.

У брата к этому случаю было припасено «Бородино». Родственники обычно не выдерживали до конца. В том месте, где «прилег вздремнуть я у лафета», они прерывали тчета громкими похвалами и аплодисментами и больше не решались беспокоить нас своими просьбами...

С тех пор прошло много лет. Игорь стал взрослым, и на его дни рождения уже не съезжается родня. Приходят

событие семейного значения

день рождения

его товарищи. А родители Игоря в этот день приходят к нам. «Чтобы не мешать мальчику. Пусть молодежь повеселится. Разве нужны им мы, старики?» — вздыхают они. И я думаю, что все здесь правильно, все именно так и должно было случиться: сначала дети чувствовали себя на торжестве лишними, теперь в этой роли родители. Чего же обижаться-то? Это родители не сумели сделать самый торжественный день в жизни сына семейным праздником. Они думали обо всем — об угощении, об убранстве комнаты, о приглашении гостей (как бы кого-нибудь не забыть!) — и не думали ни минуты о том, что надо сделать, чтобы сын с нетерпением, любопытством ждал своего праздника, чтобы это был именно его праздник, чтобы он помнил этот день и с благодарностью думал о людях, которые подарили ему в этот день столько радости.

Этот урок не пропал зря. Не так-то просто организовать день рождения ребенка, изобрести его. Но вот как не надо его проводить — я теперь знаю определенно...

А что может быть увлекательнее придумывания предстоящего праздника! К одному из них

наша семья готовилась долго и тщательно, как к военной операции.

...Мишка проснулся часов в восемь.

В квартире было тихо. Он заглянул в соседнюю комнату, на кухню — никого. В кухне на столе он обнаружил записку: «Хочешь знать, где мы, — одевайся и выходи на улицу. Не забудь заглянуть в почтовый ящик. Мама, папа, Марина». Сгорая от любопытства, Мишка выскочил из квартиры и внизу в почтовом ящике нашел следующую записку: «Загляни в беседку. В правом углу под камнем найдешь записку». Поисковый маршрут, составленный нами для Мишки, был рассчитан примерно на час. В последней записке он прочел: «Иди домой. В шкафу на третьей полке тебя ждет сюрприз». Мишка влетел в квартиру — и остоленел. В комнате был накрыт стол, за которым сидели мама, папа и сестра. Над красивым тортом весело горели свечи. Димка бросился к шкафу и извлек оттуда большую коробку — наш подарок. Ох уж и достался он мне! Нет, дело вовсе не в деньгах. Подарок недорогой. Но нужно было додуматься до него.

Как-то сын пришел из школы необыкновенно возбужденный.

— Ты не представляешь себе, какие нам опыты сегодня на химии показывали! Не наука, а волшебство!

Вот тогда-то и родилась у меня мысль об этом подарке. Я объездила много магазинов и все-таки нашла то, что искала: набор реактивов для юного химика.

Когда праздничное застолье пришло к концу, посуда перемыта и убрана, мы снова уселись за стол и под руководством папы (он у нас инженер) занялись «волшебством». Так началась для Мишки эра химии. Позже ее сменила другая — эра истории, потом — искусства, потом... Много их было, этих эр. Но почти все они начинались в день Мишкиного рождения. И может быть, через много лет кто-нибудь спросит Мишку, почему он стал, к примеру, астрономом, он обязательно скажет:

— Давно-давно, в день моего рождения мне подарили родители удивительный подарок: крохотный кусочек небесного камня — метеорита и звездную карту...

Г. ТЕРЕХОВА

Моей дочери четыре с половиной года. Она очень подвижна и неусидчива. Я ей покупаю настольные игры, пластилин, чтобы она могла заниматься чем-то одним достаточно время и так приучалась к усидчивости. Но она берется за что-то одно, скажем, за краски, потом бросает, берется за куклы — и так без конца; терпения заниматься чем-то одним хватает не больше, чем на пять минут. Купила я ей букварь, стали изучать буквы. Она начала заниматься с большой охотой, а сейчас ей уж это не надо, за букварь не берется. Как тут быть, как она будет в школе?

Л. СИДОРЕНКО
г. Магадан

Уважаемая товарищ Сидоренко! Быстрая смена интересов и увлечений, неусидчивость свойственны ребенку-дошкольнику. Такова уж особенность этого возраста. Интересы ребенка непрерывно меняются: всякое происшествие возбуждает вспышку любопытства, всякое изменение — новое чувство. Даже просто усидеть на одном месте несколько минут — и то трудно для него.

Способность не поддаваться отвлекающим впечатлениям сразу не возникает, она развивается у ребенка постепенно. Неразумно поэтому искусственно вызывать прилежание и усидчивость кнутом и пряником, то есть поощрениями и наказаниями.

Взрослые порой считают, что занятия ребенка должны основываться на чувстве ответственности, на стремлении во что бы то ни стало достичь определенного результата. Но в том-то все и дело, что цель детской игры, ее результат — это сама игра. У ребенка вовсе нет каких-то внутренних обязательств

довести начатое дело до конца. Попытки преждевременно навязать ребенку искусственные, мало понятные ему требования нисколько не способствуют развитию самостоятельности. Не стоит превращать дошкольника в ученика, строить занятия с букварем как урок. Это должна быть увлекательная игра, удовлетворяющая любознательность малыша. Даже сильный труд, скажем, помощь по дому, должен быть ближе к игре, а не к выполнению долга.

Другое дело — воспитывается ли в ребенке исподволь готовность в свое время принять требования школы.

Здесь очень важны особенности домашнего распорядка. Соблюдается ли режим дня? Правильный режим — это не только разумное распределение часов, отведенных для еды, отдыха и сна. Для нормального развития ребенка необходимо чередовать его занятия — подвижные и спокойные игры, игры дома, игры на улице, прогулки, чтение и т. д. Учитывая, что ребенок не способен длительное время заниматься каким-либо одним делом, необходимо самим переключать его на другие занятия, менять содержание этих занятий. Придумать что-то новое, разнообразить свои игры ему не так просто.

Бывает, что взрослые недостаток внимания к детям стараются восполнить большим количеством разнообразнейших игр и игрушек. Но это лишь осложняет дело. Ни на одной игре ребенок не может сосредоточиться: берется за одну, через короткое время за другую, третью — и наконец наступает момент, когда самые замечательные игры уже не интересны.

Сами по себе никакие игрушки не вызывают устойчивого интереса у ребенка. Не игрушка, а те события, которые разворачиваются вокруг нее, увлекают ребенка. Понятно, что много игрушек для этого не

нужно, скорее наоборот. Ребенок обладает счастливой особенностью приписывать любому предмету множество самых разнообразных свойств. Так что игра может развернуться вокруг любого события, вокруг любой вещи. Это и должен помнить взрослый. Надо попробовать поиграть с ребенком, открыть ему возможности того или иного вида занятий. Постепенно ребенок увлечется ими, станет играть самостоятельно.

С возрастом способность к продолжительному, устойчивому вниманию повышается, и к началу обучения, как правило, у ребенка бывают все данные для того, чтобы принять на себя требования школы.

В. СЛОБОДЧИКОВ,
научный сотрудник
Института
общей и педагогической психологии
АПН СССР

Моей дочери уже 12 лет, но она до сих пор не выговаривает звук «р». Как в домашних условиях можно устранить этот недостаток?

М. КРАСИНА
Киргизская ССР

Уважаемая товарищ Красина!

Есть ряд звуков, которые некоторые дети даже и в школьные годы (если не заниматься работой над речью) произносят неправильно. И на первом месте здесь стоит *р*, один из самых трудных звуков речи. Как помочь ребенку освоить его?

Нормальное положение органов артикуляции при произнесении звука *р* таково: передний край языка поднят к верхним альвеолам, между языком и альвеолами образуется узкая щель. Проходящая через эту щель струя выдыхаемого воздуха заставляет дрожать кончик и весь передний край языка. Язык при этом принимает форму ложечки. При произнесении *рь* язык несколько перемещается вперед, а средняя часть спинки языка приподнимается к нёбу. Язык при этом вибрирует не у альвеол, а ниже, иногда у нижнего края верхних зубов.

Прежде чем приступить к занятиям, надо проверить, достаточно ли хорошо девочка различает близкие по звучанию звуки. Недостаток такого умения часто и является причиной, тормозящей правильное произношение.

Часто ребенок неправильно произносит *р* потому, что у него недостаточна подвижность органов артикуляции: язык может быть вялым, мало подвижным, движения его — нечеткими. В таком случае поможет артикуляционная гимна-

стика. Целесообразно делать ее ежедневно (а еще лучше несколько раз в день), но недолго, по 3—5 минут, чтобы не вызвать утомления. Упражнения проводятся перед зеркалом, чтобы ребенок сам мог видеть, правильно ли он выполняет их; думаем, что ваша дочь сможет справиться с ними самостоятельно; только четко и правильно покажите их.

Вот некоторые из подготовительных упражнений: высовывать широко распластанный язык, удерживать его на верхней губе, за зубами. Полезно пощелкать кончиком языка при открытом рте, сначала медленно, а затем во все более быстром темпе, поглаживать языком верхние зубы с наружной и внутренней стороны (при этих упражнениях надо обратить внимание ребенка на то, чтобы работал только язычок, а нижняя челюсть оставалась неподвижной). Поглаживать кончиком языка твердое нёбо, поочередно присасывать язык к твердому нёбу и отрывать его (получается звук, близкий к цоканью копыт) и так далее. Надо, чтобы девочка рассмотрела положение языка в момент произнесения звука. Объясните ей, что самое главное при этом — язык поднят и дрожит.

Произнесите звук сами несколько раз подчеркнуто, утрированно. Не исключено, что правильное произношение появится у девочки просто по подражанию.

Результативным бывает обычно и следующее упражнение: при полураскрытом рте в убыстренном темпе ребенку предлагается громко, четко произносить *д-д-д* (или *ж-ж-ж*). Это, как правило, удается неплохо. В момент произнесения указательный палец ребенка (он должен быть, конечно, чистым) подводится под кончик языка; им делаются легкие быстрые движения вправо-влево, что способствует скорейшей выработке вибра-

ции. Можно использовать черенок чайной ложки, спичку, обернутую ватой, и т. п.

В дальнейшем ребенок должен добавлять к *д-д-д* (или *ж-ж-ж*) гласный звук. В этот момент проскальзывает звучание, близкое к *р*. Можно предложить ребенку произносить при полуоткрытом рте в постепенно ускоряющемся темпе сочетание звука *д* с гласными, например: *дды-дды, дда-дда, ддо-ддо, дду-дду, дда-ддо, дда-дду*.

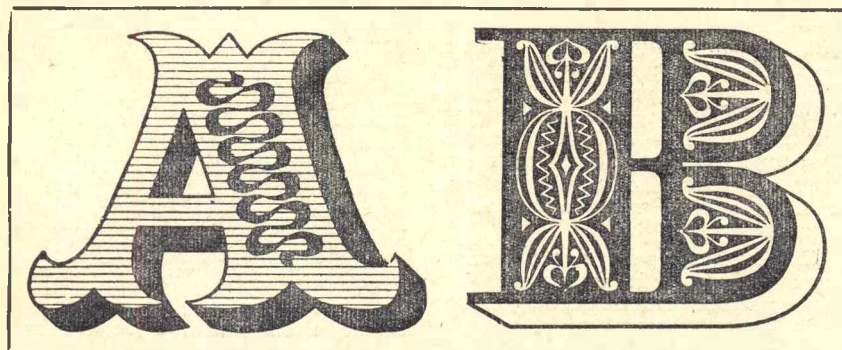
Полезно для выработки вибрации языка произносить *д* вместо *р* в словах с сочетаниями *тр* или *др* в начале: *ддуг, ддозд, тдава, тдуба, тдавай* и т. д. После того как вибрация будет достигнута, постепенно надо избавляться от излишне раскатистого произнесения *р*, неизбежного на ранних этапах работы. Вибрация закрепляется в слогах, словах (где звук стоит в разных позициях: в начале, в середине и в конце слова), в простых фразах, в пословицах, скороговорках, стихотворениях и т. д. Слова, фразы, стихи надо подбирать такие, чтобы они были насыщены нужным звуком.

И последние, очень важные советы: нельзя заставлять дочку заниматься речью, когда она не хочет, принуждение здесь не поможет. Учителем может быть только тот из взрослых, кто сам правильно говорит, иначе дефектное произношение укоренится или вместо одного дефекта появится другой. Заниматься с ребенком надо не от случая к случаю, а регулярно, систематически, не вызывая, однако, утомления и потери интереса к занятиям. Результативность работы в разных случаях бывает разной: иногда достаточно 3—4 занятий, а в иных же случаях работа ведется несколько месяцев.

С. ШАХОВСКАЯ,
кандидат педагогических наук

ЧТЕНИЕ. ДОМАШНИЕ УРОКИ

М. ВОЛОВИЧ,
кандидат
педагогических
наук,
Н. ВОЛОВИЧ

Авторы этих записок — педагоги. Но речь пойдет не о профессиональных наших занятиях, а если можно так выразиться, о «домашней работе» — мы хотим рассказать, как учили читать своего сына.

— Ну, педагогам это легко! — возможно, скажете вы. Наши знания и опыт, действительно, помогали нам. Но не стоит думать, что они полностью убергли нас от обычных родительских ошибок. И уж во всяком случае не избавили от бед, на которые так часто сетуют родители — занятость домашними делами, недостаток времени и тому подобное.

Нам хотелось бы показать, что успех такого обучения зависит не столько от профессиональной педагогической подготовки, сколько от родительского терпения, внимания к жизни ребенка, умения понять его — ведь мелочи, о которых вроде бы и упоминать не стоило, нередко оказывались главными, решающими.

Обучение чтению, естественно, начинается со знакомства с буквами. Есть два способа такого знакомства. Первый: ребенку показывают буквы, например, в разрезной азбуке или заглавные буквы детской книжки и предлагают повторять их названия. Второй: исполь-

зуются картинки; изображения предметов подсказывают ребенку, какая перед ним буква.

Какой способ предпочесть?

Думается, здесь нет причин для колебаний — тот, при котором естественнее и легче происходит запоминание, который ближе к игре. Знакомство с буквами мы и начинали с азбуки с картинками; разрезная азбука и другие пособия использовали позже.

...Но вот вы с малышом взяли в руки азбуку. Показываете картинку, на которой нарисован барабан и изображена буква «б».

— Что здесь нарисовано?

— Барабан.

— Правильно. Теперь ты знаешь, какая буква здесь написана?

— Не... Не знаю.

— Ладно, скажи тогда, с какой буквы начинается слово «барабан»?

Ребенок молчит.

— Вот послушай: бааарабан. С какой буквы начинается слово?

— Баааа...

— Нет, — «преподаватель» начинает раздражаться. — С буквы «бэ»!

Прервем этот диалог, прежде чем прозвучали роковые слова «не хочешь думать!» Тем более что думать здесь, скорее, не хочет взрослый; он не дал себе труда разобраться, чего именно не понял ма-

лыш, почему задание оказалось для него слишком трудным.

Ребенку надо было установить, с какой буквы начинается произнесенное слово. Естественно, никакой буквы услышать при этом было невозможно: слышать можно только звук. Но нетренированное ухо ребенка улавливает не отдельный звук, а сразу несколько стоящих рядом звуков. И задача установить, «с какой буквы начинается слово», оказывается для него явно непосильной.

Как видите, сама по себе картинка на азбуке не очень-то помогает; необходима предварительная подготовительная работа.

«А как же получается, — спросите вы, — что многие не проделывают никакой подготовительной работы, а дети сразу или почти сразу все понимают?» Что ж, если бросить ребенка в воду, он, может быть, и не потонет. Наша задача — сделать так, чтобы он обязательно поплыл.

У подготовительной работы двойная цель: во-первых, научить «видеть» отдельные звуки в слове (отделять одни звуки от других); во-вторых, показать связь между буквой и звуком: данный знак (буква) есть обозначение определенного звука.

Но достижима ли эта цель для малыша? Ведь известно, что и многие школьники (и не только в начальных классах) путают буквы и звуки, затрудняются, если им предлагают расчленил слова на звуки.

Опыт нам показал, что при правильном обучении задача эта вполне осуществима. А вот как проходили эти занятия.

...Мама, папа и шестилетний Володя в походе. Все восторги по поводу того, насколько здесь, в лесу, лучше, чем в душном городе, уже высказаны, рюкзаки начинают весить все больше, а Володиные ноги то и дело цепляются за корни деревьев. Самое время затеять какую-нибудь игру.

— Поиграем в слова? — папа обращается к маме и к Володе, но к Володе чуточку больше.

Играть Володя любит.

— А как в них играть?

— Очень просто? Что это такое?

— Топор.

— Вот и хорошо. Я придумал слово «топор». Ну-ка, кто скажет, какой звук слышится в конце этого слова?

Володя молчит, поэтому в разговор вмешивается мама:

— Топорррр... рр...

— Правильно, «рр». А теперь надо придумать такое слово, которое со звука «р» начинается. Кто первый? Считаю, один...

— Роза, — говорит мама.

— Правильно. Еще кто придумает? Один, два...

— Ракета, — кричит Володя.

— Молодец. А если я придумаю слово «корова», какое ты скажешь слово?

— Ворона.

— Нет, не годится. Ну-ка послушай: «корова».

— Понял, понял, надо, чтобы «аа». Арбуз!

— Хорошо, а еще можешь придумать такое, чтобы с «а» начиналось?

...Подбирая первые слова, важно позаботиться о том, чтобы ребенку было легко выделять нужные звуки. Например, вы придумываете слово «клюква». Если ребенок затрудняется сказать, какой звук слышится в конце, надо голосом подчеркнуть этот звук: «клюк-вааа». Если же затруднение вызвало придумывание слова, которое начинается, скажем, со звука «а», то вы приходите на помощь: «ааа-рр...». Такой помощи не следует бояться, в ней нет ничего общего с подсказкой. Более того, нередко это единственный способ дать ребенку понять, чего от него хотят, показать образец, по которому строится игра. Наконец, если такая помощь ненавязчива, малышу всегда кажется, что он, именно он правильно ответил на вопрос. А если он чувствует, что работа ему по силам, он и в дальнейшем будет заниматься ею с интересом.

...Через несколько дней по дороге из детского сада Володя уже почти без ошибок играет в придумывание слов.

— Молодец, сын, — хвалит его мама. — Последний тебе экзамен. Ответишь, покажу дома сюрприз.

Дома Володя с нетерпением ожидает появления сюрприза. Умываясь, он просит, впрочем, без всякой надежды на успех: «Может, до ужина покажешь?» За ужином безропотно выпивает дожку рыбьего жира и бежит в свою комнату. Здесь на столе его уже ожидает небольшая коробочка. Еще мгновение — и перед Володиной горка деревянных квадратиков с яркими картинками.

— Что это?

— Азбука. Мы с тобой начинаем учить буквы. Без них нельзя научиться читать. Теперь как плохо: ты просишь почитать, а нам с папой некогда. Скорее учись — сам будешь читать. Хочешь учить буквы?

Володя молча кивает. Сейчас не до разговоров. Надо скорей рассмотреть картинки. На одной дощечке картинка почему-то нет.

— Это тоже буква, какая она?

— Не спеши. Все в свое время

узнаешь. Скажи лучше, что здесь нарисовано?

— Арбуз.

— Какой первый звук в этом слове?

— «А»...

— Правильно, «а». Если слово, которое начинается с «а», написать на бумаге, то первой надо поставить вот такую букву. — Мама показывает нарисованную рядом с арбузом букву.

— Придумай-ка теперь нам такое слово, чтобы начиналось оно с буквы «а».

— Аня.

— Правильно. Еще.

— Африка, автобус...

— Слово «автомат» начинается с буквы «а»?

— Конечно, начинается.

— А слово «ружье»?

Володя мотает головой и смеется.

— Что здесь нарисовано?

— Барабан. Значит, это буква «б»?

— Не совсем так. «Б» — это звук.

Он действительно слышится в слове «барабан». Если же это слово написать, в начале слова будет стоять вот такая буква. Она имеет свое имя: буква «бэ». Придумай слово, которое начиналось бы со звука «б».

— Букашка, барабан, бой.

— Если все эти слова написать, какая буква будет стоять первой?

— «Б»... То есть нет, «бэ»!

Сообщать или не сообщать ребенку названия букв («бэ», «ка», «эм» и т. д.)? Об этом нередко спорят. И не зря — ведь известно, что порой детям, запомнившим названия букв, мучительно трудно переучиваться: они упорно читают «эм... а... эм... а...» и никак не могут «сложить» слово «мама».

И все же мы считаем целесообразным сообщать детям названия букв. Ошибки и затруднения, связанные с названиями, как раз и идут от того, что ребенок не осознал разницу между буквой и звуком. Вот и надо сделать эту разницу осознанной. Самый естественный путь для этого — ввести различные обозначения: звук «м» — буква «эм», звук «р» — буква «эр». Надо постепенно и разными способами напоминать малышу: обрати внимание — написана буква «эр», а читается она «р»; слово «рыба» начинается со звука «р», а если его писать, нужна буква «эр». Показывая ребенку буквы в азбуке с картинками и объясняя их названия, спросите его несколько раз: «Какая это буква?» («Какое имя у этой буквы?»); «Какой звук эта буква обозначает?» («Как ты ее прочитаешь?»).

День за днем появлялись все но-

вые и новые буквы. Рисунок около буквы подсказывал малышу, какое слово с нее начинается, а по начальному звуку слова он вспоминал название буквы. Немного тренировки — и буквы уже назывались быстро и безошибочно. Разумеется, тренировкой это было для нас, а для него — разнообразной, а потому не надоедающей игрой.

...Вечером после ужина начинался очередной урок обучения буквам старого плюшевого медвежонка по прозвищу Михайло.

— Ну-ка, Михайло, назови букву, которая здесь написана.

— «Ээ», — стараясь говорить как можно внушительней, пищит Володя.

— Молодец, Михайло, а это какая буква? — мама закрыла картинку.

— Это, это...

— Забыл, Михайло, не беда, слушается. Смотри картинку.

— Рыба... «р»... «эр», — радуется Володя.

— Теперь я разложу буквы, а ты за одну минуту выбери буквы «ка», «эм» и «эф». Внимание, начинаем...

Не стоит ожидать и требовать, чтобы ребенок всегда сразу называл букву, показанную без картинки. Такие задания скорее нужны для проверки, какие буквы уже прочно запомнились. Если же звучит неуверенное «не знаю», «забыл» — надо открыть картинку.

...Вечером, когда Володя досматривал третий сон, состоялся семейный совет.

Слушали: играть или не играть в «пары слов».

Постановили: играть, но видоизменить — придумывать слова, которые начинаются с той буквы, которой оканчивается предыдущее слово. От отдельных слов перейти к цепочке, например, «жук — коза — альбом — мороз» и т. д.

Утром по дороге в детский сад пробуем новый вариант игры.

— Мороз, — говорит папа.

— Сани, — сейчас же отвечает Володя.

— Точно, — папа останавливается и обдумывает ситуацию, — слышится звук «с». — Но знаешь, если слово «мороз» написать, то в конце следует поставить букву «зэ». Знаешь, как можно узнать, что букву «зэ» писать надо? Послушай слово «морозы». Слышишь, какой звук перед «ы»? Так что придумывай на «зэ».

— Зима.

— Хорошо. Апрель.

— Лес.

— Молодец. А если бы ты писал слово «апрель», какую бы букву написал в конце?

— Знаю, мне мама говорила, мягкий знак. А то было бы совсем смешно — «апрел». Пап, а почему не бывает слов, которые с мягкого знака начинаются?.. И вообще, когда мы наконец складывать слова из букв разрезной азбуки начнем?

— Скоро.

...— Я уже все буквы знаю, — похвастался Володя, когда тетя Валя, мамина подруга, заглянула к нам.

— Нет-нет, не все, — мама погрозила ему пальцем.

— Нет, все, нет, все.

— Ладно уж, разреши ему продемонстрировать, на что он способен. — Тетя Валя показала буквы с картинкой.

— «Це».

— А это? А это?

— «Эф» и «ха».

— Верно, а это?

Вместо буквы с картинкой перед Володиной буква из разрезной азбуки.

Забыл.

— Ну что же ты? Только что ведь показывал эту букву...

Наверное, и вы так огорчались. Не стоит. Ничего страшного нет, если ребенок легко отыскивает буквы «у» или «х» в азбуке с картинками — и тут же не узнает их на разрезной азбуке без картинок или в тексте. Нельзя сразу убирать облегчающие усвоение «подпорки» (рисунки, модели и т. п.). Делать это необходимо постепенно. Вот хотя бы так: рассортируем буквы азбуки с картинками и уберем те, которые уже не требуют подсказки-картинки. А те буквы, которые ребенок не запомнил или запомнил нетвердо, еще пригодятся. Но использовать их будем не совсем так, как раньше.

— Давай-ка составим из букв какое-нибудь слово. Какое ты хочешь?

— Не знаю... Ты лучше, папа, сам скажи какое.

— Давай составим слово «Ма-ша». Какие тебе буквы понадобятся?

— Не знаю...

— Подумай, подумай... Какой звук первый? Какая буква?

— «М». Значит, надо «эм», да?

— Точно, ищи. Ты сразу и букву «а» поставил? Очень хорошо! Что же ты остановился? Какой следующий звук?

— «Ш».

— Какую ты должен букву найти?

— «Ша».

— Почему же ты не ставишь? Забыл, какая она? Ну что ж, найди по картинке...

Усвоение некоторой части букв позволило нам перейти к новому

этапу занятий — «записи» слов (так условно назовем складывание слов из букв разрезной азбуки). Здесь уже важно не только и не столько тренировать малыша в чтении или узнавании отдельно взятых букв, сколько в том, чтобы он умел «разобрать» то или иное слово, например, слово «слон», выяснить, что первый звук здесь «с», что его можно записать с помощью буквы «эс», второй звук «л» и т. д. Каждую из этих букв предлагали найти в разрезной азбуке. Если буква была уже усвоена, Володя находил ее легко и быстро; если же он затруднялся, на помощь приходила азбука с картинками. Действуем так: предлагаем найти букву с помощью картинки, посмотреть внимательно, как она пишется, а потом найти эту же букву в разрезной азбуке. В такой работе внимание ребенка направлено на самое главное в настоящий момент — написание буквы. Только не надо торопиться: ребенок должен обращаться к картинке столько раз, сколько ему необходимо, чтобы окончательно запомнить данную букву. Постепенно азбука с картинками требовалась все реже. Но она постоянно под руками: чуть возникает затруднение, и нужная буква сразу извлекается.

Очень важно правильно подобрать первые слова, которые ребенок будет самостоятельно составлять из букв разрезной азбуки («писать»). Они должны быть краткими, легко расчленяться на звуки, каждой букве должен соответствовать один звук, смысл слов должен быть понятен и привычен. Например: «стол», «стул», «книга», «воля». Такие слова вы во множестве найдете на страницах букваря.

Очень полезны и занимательны комбинированные упражнения на чтение и «письмо». Например, слово «стол» из разрезной азбуки составлено таким образом: вместо второй буквы — пустая бумажка; написано «сол». Бумажки подсказывают ребенку, в каких местах пропущены буквы. Если в этом же слове пропустить третью букву («стл»), то можно составить два слова: «стол», «стул». Пропуская буквы в начале или в конце слов, сразу по две буквы и т. д., можно разнообразить игру.

Но вот ребенок научился правильно складывать простейшие слова, слитно читать написанное. Можно постепенно переходить от разрезной азбуки к печатному тексту. И этот переход не должен быть резким. Например, можно предложить составить слово, которое есть на странице книжки и легко оты-

скивается (скажем, слово на странице букваря или в заголовке сказки), а затем прочитать это слово в тексте.

Малыш уже бойко разбирает коротенькие слова. Но между этим умением и чтением книг — огромная дистанция, преодолеть которую поможет лишь постоянная тренировка. И как во всякой тренировке, важнейшее условие успеха — постепенное увеличение нагрузок.

...— Этот рассказ будем читать вместе, договорились? Читай ты первый. Вот здесь заголовок.

— А... ак... акул... акула.

— Правильно, читай дальше.

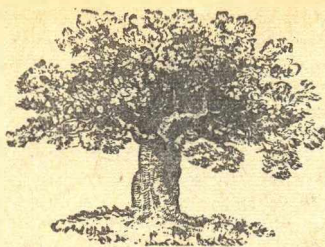
— Нет, дальше ты, я уже прочитал.

— Не хочешь — не надо. Но пока ты это слово не прочитаешь, я дальше читать не буду.

Огорчаться и бранить ребенка, если он отказывается читать, не стоит: для него самостоятельное чтение — пока еще тяжелый и чаще всего не доставляющий особого удовольствия труд. Но это *необходимый* труд. И поэтому надо обязательно найти способ преодолеть нежелание малыша — или таким вот «ультиматумом», или иным каким-то путем.

День ото дня малыш будет читать все увереннее; отдельные слова постепенно уступят место предложениям, а затем и целым небольшим абзацам. Но не нужно торопить его, если вам кажется, что он продвигается медленнее, чем кто-то из его сверстников; возможности самого ребенка подскажут ему, какой объем материала он сможет одолеть в один присест, определят скорость продвижения. Ни в коем случае не следует заставлять его читать, если он действительно устал.

И в заключение — о «проклятой» родительской проблеме: нехватке времени. Вы могли уже заметить, что занятия, о которых мы рассказали, не требуют особых его затрат. Играть в слова можно где угодно: по дороге в детский сад, на прогулке, после вечернего чая. Освоение букв может стать для ребенка интересной игрой, увлечением в выходной день. И даже наиболее трудоемкая часть работы — овладение техникой чтения — может быть приурочена ко времени, которого дети обычно ждут с нетерпением каждый день: когда взрослые читают им книжки. Таким образом, «муки слова», нередко тяжкие для детей и скучные для взрослых, могут стать интересным, увлекательным занятием, приносящим радость и удовлетворение и тем и другим.

как дела в живом уголке?

Кто просит собаку, кто кошку, кто хоть птичку, но все дети мечтают завести дома живое существо. Зачем им это?

Может, они знают здесь больше нас, вернее, чувствуют? Вот догадываемся же мы о том, что ребенку не хватает кальция только после того, как он начинает тащить в рот мел. А может, это каприз? Или желание покровительствовать, не быть самым маленьким? Можно много рассуждать по этому поводу... Мне показалось более определенным и, что ли, современным то объяснение тяги к живому, которое дали биологи Е. Е. Сыроечковский и Э. В. Рогачева (цитирую их послесловие к книге Э. Кольера «Трое против дебрей»):

«Постепенно все более выясняется, что природа играет в жизни человека все более серьезную психобиологическую роль, чем предполагалось. Все более очевидным становится тот факт, что жизнь без полноценного контакта с природой становится ущербной и потенциальные возможности человеческого организма реализуются не полностью. По-видимому, ученые стоят на пороге раскрытия конкретной сущности явления «тоски по природе»...»

Мы как биологи переводим такое состояние человека в разряд сильной биологической жажды, тоски и даже болезненного состояния.

Поскольку, как нам представляется, сам факт тоски по природе установлен, то жажду эту необходимо утолять. Форм «лечения» может быть много».

Бессознательное стремление завести дома животных и есть не что иное, как первая попытка найти дорогу к природе.

Но прежде всего я хочу сказать, что здесь ничего нельзя делать, поддавшись случайному порыву. Можно принести ребенку больше вреда, чем пользы, если предположить, что уже просто разрешить принести в дом живность — это и есть родительский подвиг. (Еще бы, терпеть кошку, которую сам не выносишь). Если бы все этим ограничивалось!

Когда я учился в четвертом или пятом классе, друг моего отца подарил мне чудесную книгу. Обложки у книги не было, и она началась сразу с третьей страницы, в начале которой крупными буквами стояло «ОГЛАВЛЕНИЕ». А дальше следовало перечисление дорогих для меня вещей: «Аквариум и его население. Террариум. Певчие птицы. Млекопитающие. Корм». Словом, это была книга о животных, которых можно держать дома.

Я и до этого уже читал Брема и Кайгородова, читал руководства о разведении рыб, но только в этой чудесной книге я нашел, как мне казалось, ответы на все свои вопросы. Как за кем ухаживать, чем кого кормить — все было в этом замечательном справочнике, выпущенном еще до войны зоомагазином, который, кстати, и сейчас находится на том же месте в Москве, на Арбате.

Отец мой тоже любил птиц, зверей, рыбную ловлю, лес, озера, но он был человек занятый, всегда в разъездах. Отец понимал меня и отправился со мной на Птичий рынок. Домой мы везли небольшую клетку с двумя синичками-лазоревками. В карманах у нас были пакетики с коноплей, муравьиными яйцами. По дороге мы без конца вспоминали советы старых птицеловов, как ухаживать за нашими милыми синичками.

Дома мы еще раз прочли о синичках все, что было написано в справочнике, и узнали, что кроме муравьиных яиц лазоревкам надо давать тертую морковь, перемешанную с толчеными (обязательно белыми!) сухарями, вареную говядину вместе с тертой репой и сухим творогом, совсем немного конопли, по два-три мучных червя на каждую птичку или по 10 граммов мотыля через день. Но лесной мудрец Дми-

трий Никифорович Кайгородов со страниц своей книги «Из царства пернатых» вдруг не очень весело снова поведал нам: «Лазоревка — одна из очаровательнейших наших птичек; к сожалению, в комнате довольно редко удастся ее выдерживать...»

Почему на Птичьем рынке мы не вспомнили слова этого опытного натуралиста? Может быть, мы действительно были очарованы лазоревками...

Но уже поздно — клетка стоит в комнате в самом светлом углу. Синички весело прыгают по жердочкам, я угощаю их самым лучшим кормом, а они отвергают почему-то и тертую морковь, и кусочки вареной говядины, изредка подбирают муравьиные яйца, а больше всего интересуются давленной коноплей.

Уже потом я совсем точно узнал, что одной коноплей насекомоядных птиц кормить нельзя. Нужны старание и внимание, чтобы научить своих синичек есть и морковь, и муравьиные яйца, и мучных червей. Но все это пришло ко мне уже потом. А раньше я обнаружил на дне клетки мертвую птичку. Она лежала на спинке, подтянув к потускневшему серенькому брюшку холодные лапки...

Было горе, были слезы... Было желание тут же поехать на Птичий рынок и купить точно такую же лазоревку... Но отец запретил. Сейчас я понимаю: он жалел, что не предусмотрел этого раньше. Он не говорил мне: подумай, птичка сдохла! — но еще одной трагедии не захотел. Запретил он как-то очень деликатно, по крайней мере я не помню, чтобы после этого у меня осталась обида.

А если бы отец разрешил и если бы за зиму в моей клетке погибла не одна, а две, три, четыре синички? Не случилось бы тогда, что смерть моих пернатых питомцев стала для меня заурядным событием?..

И так чуть-чуть не случилось. На следующую осень я тайно отправился на Птичий рынок и привез оттуда западно. В то время еще не запрещалось ловить птиц в Москве. Я выставил западно на окно, насыпал туда семечек — и ко мне тут

же поспешили большие желтогрудые синицы. У меня дома уже была большая самодельная клетка — я мечтал когда-нибудь завести попугайчиков, но попугайчики стоили дорого. И вот теперь я сажал в клетку только что пойманных синиц.

Теперь я хорошо знал, что синицам надо поменьше давать коноплю и семечек, что им необходимы мучные черви и муравьиные яйца — все это было припасено заранее, и я был вполне уверен, что совсем скоро в моем большом садке поселится стайка веселых синиц.

И действительно, сначала все шло очень точно по моей, казалось, тщательно продуманной программе. Правда, только что пойманные синички начинали отчаянно биться в клетке, но к вечеру успокоились... А наутро на дне клетки я нашел двух мертвых птиц...

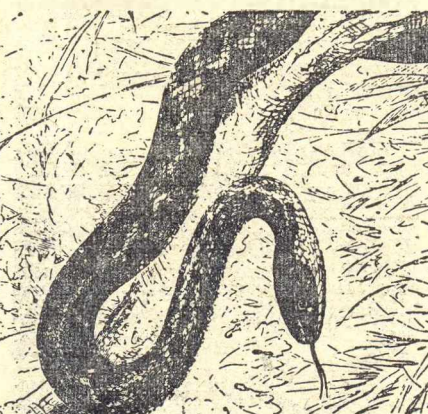
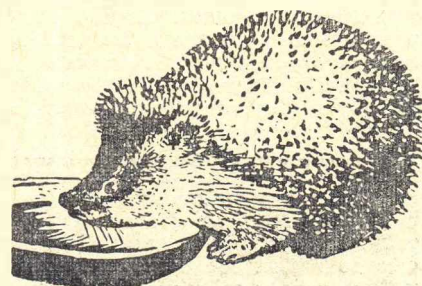
У этих птиц на один манер были проклеваны головки. Птицы были убиты. Кем?.. Опасаясь, как бы отец не заметил, что произошло, я вынул из клетки погибших синиц и незаметно выкинул их в помойку.

После занятий в школе я снова ловил синиц у себя за окном, а на следующий день снова выкинул в помойку еще одну убитую птицу.

Я находил оправдание себе и обвинял птиц — это они такие неуживчивые или слабые, нужно просто выхватить хорошую, сильную, веселую синицу — и все наладится.

И даже когда мой товарищ, который в это время занимался в зоопарке в кружке юных биологов у Петра Петровича Смолина, рассказывал мне, что большие синицы часто дерутся друг с другом насмерть, — мой пыл неграмотного птицелова не охладел, и я продолжал пополнять свой садок. Но мой не в меру разыгравшийся охотничий азарт остановил отец...

Обида, вызванная категорическим запретом ловить птиц, была совсем рядом, но природный такт отца опять победил. Он предложил мне принести все ту же книгу «Из царства пернатых», открыл ее на 42-й странице и добрым голосом прочитал то, что было сказано Д. Н. Кайгородовым о больших синицах: «Попад в комнату, она ведет себя

совсем не так, как другие птицы: через несколько минут она совершенно осваивается со своим положением и держит себя так, как будто век прожила в доме: тотчас начинает обшаривать все уголки над шкафами и печками и обирать всех пауков, мушек и тараканов, если такие, на ее счастье, водятся в комнате... С людьми через несколько дней сводит дружбу, если ее угощают от времени до времени столь любимыми ею конопляными зернами, муравьиными яйцами или салом. Однако при всем этом она ни на минуту не упускает из виду случая снова ускользнуть на свободу...»

Ну как вы думаете — что я мог сделать после такого разговора-чтения... Конечно, я тут же выбрал себе самую лучшую синицу, выпустил остальных, а свою гостью оставил летать по комнате. И вправду, через несколько дней наша синичка уже никого не боялась. Она смело присаживалась на край тарелки, ловко подхватывала кусочки картошки и моркови, которые я подвигал ей ложкой, весело попискивала, ночевала то в клетке, то в верхнем колпачке абажура и, как было видно, чувствовала себя совсем неплохо.

Мы привыкли к мысли, что общение с живыми существами развивает в ребенке доброту и достаточно того, чтобы иметь в доме это живое. Уж во всяком случае все уверены, что плохому эта дружба не научит. Но как же непроста эта дружба! Между моей первой синицей, над которой я проливал слезы, и теми, что я спокойно выкидывал в помойку, прошел всего год. Но как я изменился! И нужен был такт отца, чтобы вернуть меня на верную дорогу. Бывает, вам не нравится мальчик, с которым дружит ваш сын, и вы тревожитесь. Не меньшая тревога должна быть у вас, если вам не нравится, как ваш сын дружит с собакой, черепахой, птицей.

Еще не раз я сбивался с пути, и это не сразу замечалось. Мальчик любит животных — значит, он хороший...

Потом я решил завести белых мышей.

Мышей достал, принес домой, отец помог сделать для них хоро-

шую клетку. Мыши жили. Я учился их дрессировать, и очень скоро слава мышиного дрессировщика перешагнула за порог нашей квартиры. Я приносил ученых мышей в школу, кое-кто надо мной посмеивался, но в кабинете зоологии я стал самым уважаемым человеком.

Казалось бы, здесь надо было и остановиться. Но теперь мне покоя не давали белые крысы. И белых крыс я принес домой. Пустил их в одну клетку с мышами, а утром не отыскал в клетке ни мышей, ни крыс.

Крысы прогрызли стенку клетки и сбежали, следом за ними сбежали и мои дрессированные мыши.

Теперь крысы и мыши жили в квартире, днем прятались, а по ночам выбирались на промысел. И крыс и мышей пришлось ловить. Ловили втайне от меня. Но однажды я все-таки увидел в мышеловке своего любимого мышонка.

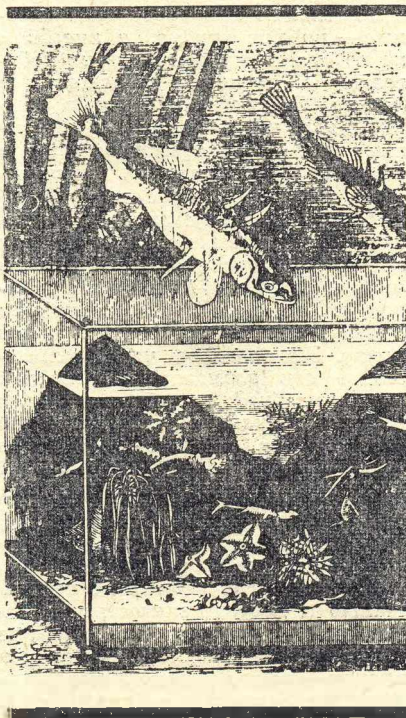
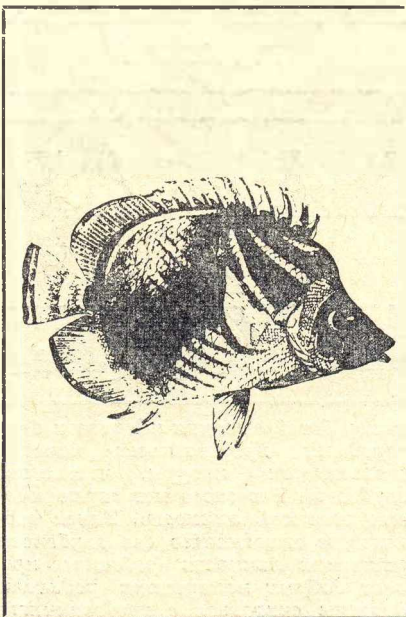
Потом у меня жил ручной грач. Грач почему-то прожил недолго и погиб.

Потом я приносил домой ежей. Ежи разгуливали ночами, фыркали, топали по деревянному полу, будили мать. Ежей пришлось отдать.

Появились ужи. Мне было интересно, но моим домашним соседство с ужами удовольствия не доставляло.

Потом у меня жила морская свинка, жили кролики — в ванной. В это время я уже интересовался не только живым уголком — я паял детекторные приемники, участвовал в художественной самодеятельности, ловил рыбу. И теперь частенько забывал о своем живом уголке. Отец в это время тяжело болел и не мог вмешаться. Матери тоже было некогда. Вовремя остановить мои необходимые действия она не успевала и принимала решения только в самый критический момент.

И мой живой уголок продолжал существовать не всегда опрятно, недостаточно умно. Животные появлялись, увлекали, потом мое увлечение остывало, животные начинали надоедать моим домашним, да и мне тоже. Я куда-то, кому-то раздавал ежей, ужей, морских свинок, кроликов, галок, голубей — словом, вел себя так, как ведут многие

мальчишки и девочки, потянувшись к живому существу, но не приняв к тому, чтобы принимать на себя ответственность за других.

Оправившись на время от болезни, отец, видимо, очень точно угадал, что происходит со мной. Мы снова поехали на Птичий рынок, но теперь бродили только около аквариумов, а потом привезли домой растения и баночку с рыбами. По сегодняшним временам это были самые простые рыбы: пара зеленых меченосцев и несколько гуппи — самцы и самки.

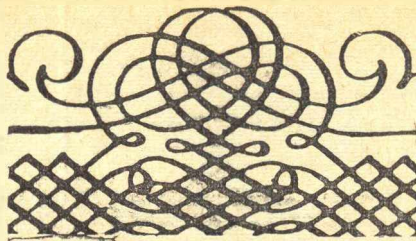
Дома мы читали книги, сажали растения, ждали, когда вода в аквариуме устоится. А потом я разводил рыб, менялся рыбами с товарищами, доставал новые растения, новых рыб и почему-то забыл о птицах, и о морских свинках, и о ежах.

Рыбы оказались мне по силам, они не были живым укором, если я задержался и не покормил вовремя, я не чувствовал себя в долгу перед ними, они требовали от меня ровно столько заботы, сколько я мог им тогда дать. Они постепенно приучали меня заботиться о других. Этому ведь тоже надо учиться. И потом рыба — не пленница. Я создал ей условия не хуже тех, в которых она живет в большом мире. Ей хватает места, корма, света, общения с себе подобными.

Итак, вы сделаете вывод, что аквариум — это самое лучшее, что есть в живом уголке... Да, вы правы. Вы будете правы, если, угадав у своего ребенка тягу к живому, осторожно ответите ему от минутного желания тут же завести птичку, ежика и весело предложите ему устроить дома настоящий, взаправдашний мир рыб.

Это будет первый урок, первый экзамен души. Здесь дети проверяют себя, проверите и вы своих детей. Может быть, только аквариума, только первого класса живого уголка будет достаточно, чтобы потом прийти к лесу, полю, озеру, к удочкам, фотоаппарату, прийти без тех ошибок и огорчений, которых не избежал я в детстве...

Анатолий ОНЕГОВ

Б. РАССЕЛ

МЫСЛИ И НАБЛЮДЕНИЯ

В литературе, посвященной воспитанию детей, особый интерес представляют суждения опытных и проницательных родителей. Они обычно высказываются без излишней категоричности и без распространения своих рекомендаций на все случаи жизни. Именно таковы мысли о воспитании, принадлежащие замечательному английскому философу и математику Бертралу Расселу (1872—1970). За свою долгую жизнь он многое видел и обдумал, он целеустремленно воспитывал собственных детей и размышлял о путях формирования нравственности у подрастающего поколения. В его суждениях нет каких-либо особых педагогических открытий; порой они либо спорны, либо относятся лишь к тем условиям воспитания, которые характерны для буржуазного общества. Но при всем этом за ними проступают контуры идей, присущих большому мыслителю-гуманисту и имеющих всеобщее значение.

Кратко их можно сформулировать так: конечная цель подлинного воспитания состоит в формирова-

нии у детей высоких идеалов и благородных нравственных качеств (целостности природы, честности, гордости). Без этого нет гармонически развитой личности. Такое воспитание невозможно без глубокого уважения личности ребенка; при всех добрых намерениях родители должны считаться с требованиями и побуждениями его природы.

Пожелания как будто бы известные — но как трудно, а иногда и не по силам осуществлять их родителям в реальном обращении с детьми! Б. Рассел с горечью говорит о том, что лицемерие и корыстные мотивы, распространенные в обществе (буржуазном), препятствуют воспитанию у детей подлинной честности и цельности. В условиях социализма нет расхождения между нормами общественной и личной морали. Воспитание идеалов и подлинной нравственности имеет у нас самую благоприятную почву. Но для того чтобы использовать эти возможности в полной мере, необходимо воспитательное умение, знание педагогической «технологии». И здесь родителям

во многом будут полезны советы Б. Рассела.

Нельзя не согласиться с ним в том, что детская ложь имеет своим источником страх перед взрослыми — и невозможно воспитать честного и правдивого ребенка без его полного доверия к родителям, без их полного взаимопонимания. Правомерны и соображения Б. Рассела о характере наказаний. Наказания чрезмерные или оскорбляющие, унижающие ребенка чаще всего дают эффект, обратный ожидаемому. И, конечно, нет нужды специально доказывать воспитательное значение пребывания ребенка среди других детей как в своей семье, так и в иных условиях. Вместе с тем читатель найдет у Б. Рассела интересные наблюдения, говорящие о психологических «механизмах» взаимных влияний детей.

Во всех случаях и молодые и уже опытные родители почерпнут немало полезного, познакоившись с предлагаемыми отрывками из книги Б. Рассела «О воспитании».

В. ДАВЫДОВ,
доктор психологических наук

правдивость

Выработать в человеке привычку к правдивости — одна из главных целей нравственного воспитания. Я не имею в виду правдивость в речи; скорее — в мыслях: она кажется мне более важной. Человека, лгу-

щего с полным осознанием того, что он делает, я предпочитаю человеку, вначале бессознательно обманывающему себя, а затем воображающему, будто он всегда отличался искренностью и добродетельностью. В самом деле, кто откровенен с собой, не станет утверждать, что говорит неправду — всегда дурно. Утверждающие, что лгать всегда дурно, свою точку зрения вынуждены постоянно

подкреплять разного рода софистикой и казуистикой: это помогает им лгать, не признаваясь в том себе. Тем не менее я полагаю, что случается, когда ложь может быть оправдана, весьма немногочисленны...

Склонность ко лжи, как правило, — результат страха. Ребенок, не знакомый со страхом, будет правдивым — не потому, что он прилагает для этого нравственные усилия, а

потому просто, что иное ему и в голову не придет. У ребенка, с которым обращались добро и мудро, во взгляде будет искренность; его манера вести себя будет отличаться бесстрашием даже в обществе совсем незнакомых людей; в то же время ребенок, воспитывавшийся в неразумной строгости, будет находиться в состоянии нескончаемого ужаса, ожидая упреков, страшась, что он совершил что-либо недозволенное — даже в тех случаях, когда он ведет себя совершенно естественно. Ребенку и не придумать, что можно сказать неправду. Подобная возможность — для него открытие, совершаемое тем скорее, чем больше в нем страха.

Чтобы решить, правдивы ли дети, нужна определенная осторожность. Детская память непрочна. Дети часто не знают ответа на вопрос, на который, по разумению взрослых, должны бы ответить. У них весьма относительное чувство времени: ребенок до четырех лет с трудом представляет себе разницу между «вчера» и «неделю назад», между «позавчера» и «шесть часов назад». Когда дети не знают, как ответить на вопрос, они стремятся сказать «да» или «нет», повинувшись обстоятельствам и в соответствии с интонациями вашего голоса. Если ребенок торжественно извещает вас, что в вашем саду находится лев, то тут вам все ясно. Во многих других случаях игру легко принять за действительность; но надо помнить: утверждения маленького человека, являясь по сути неправдой, лишены малейшего желания обмануть. Ведь вначале взрослые кажутся детям всеведущими, и они не смеют и подумывать, что их можно обмануть. Мой сын просит меня, чтобы я рассказал ему, как он провел время в мое отсутствие. Мне не легко убедить его, что я не могу этого знать. С точки зрения ребенка, взрослому известно столь много, что его власть кажется безграничной.

На прошлую пасху моему сыну (ему было тогда три с половиной года) подарили много шоколадных яиц. Предупредив его, что от большого количества шоколада ему может стать плохо, мы ушли. Он, конечно, съел больше положенного, и ему было плохо. На следующее утро он пришел ко мне с сияющим лицом и заявил голосом победителя: «Мне было плохо, папа. Ты сказал, что мне будет плохо, и так было». Поразительна была эта его радость, вызванная подтверждением моих слов. Но зато с тех пор ему можно было дать любое количество шоколада и не бояться последствий; больше того — он абсолютно верит нам, когда ему говорят, что ему

можно и чего нельзя. И ведь не понадобились ни моральная проповедь, ни наказание: мальчик прекрасно продолжал ладить с нами, не испытывая ни малейшего чувства страха.

...Родители склонны полагать, что светлый лик представителя Олимпа, недоступного человеческим страстям и действующего исключительно из соображений чистого разума, — именно то, что должны видеть в них дети. Если им случается упрекать детей, то только потому, что велика их печаль — ни в коем случае не гнев; если они ругают детей, то не потому, что сердиты, а исключительно для пользы самих же детей. Родители будто и не подозревают, что дети поразительно ясно видят: они не понимают тонкостей, заставляющих нас мириться с ложью, они просто презирают ее — сразу и надолго. Ваши ревность и зависть, в которых вы ни в коем случае не признаетесь самим себе, станут очевидными вашему ребенку, который и не подумает верить всей той псевдоморальной чепухе о якобы порочности людей, обладающих этими страстями. Я очень ярко помню сейчас, как в детстве разглядел изнанку добропорядочного викторианского общества, увидел обман и лицемерие, которыми был окружен, и поклялся тогда же, что если у меня будут дети, я не повторю ошибок, допущенных со мною. Насколько это в моих силах, я верен той клятве.

Другая форма лжи, представляющая опасность для ребенка, — это угроза наказания, которое вы и не думаете осуществлять... Никогда не настаивайте на своем, если только вами не руководит что-нибудь действительно серьезное; но если вы начали — продолжайте, как бы вы ни сожалели об этом. Если вы будете тверды, ребенок быстро поймет, что сопротивление бессмысленно. В дальнейшем он приучается повиноваться простому и спокойному слову. Важно одно: не настаивать на своем, если не существует по-настоящему разумной причины.

...Дети, индивидуальность которых не подавляется, задают бесчисленное количество вопросов: иногда умных, порой наивно смешных. Вопросы часто утомительны для нас, иногда крайне неловки. Но отвечать на них надо правдиво, в полную меру ваших способностей.

Если вопрос имеет отношение к религии, скажите ему именно то, что думаете вы сами, даже если ваши соображения не совпадают с мнением большинства окружающих вас взрослых. Если ребенок спрашивает вас о смерти, ответьте. Если ответ на вопрос обнаружит вашу глупость или порочность, все равно ответьте. Если о войне или смертных приговорах, тоже ответьте. Не отделивайтесь от него ритуальным — «ты этого пока не можешь понять», если только речь не идет о сложных научных проблемах типа: «Как получается электрический свет?». Но и тогда дайте ему понять, что когда-нибудь он испытает радость, получив ответ на этот вопрос. И вообще, лучше рассказать ребенку больше того, что он способен понять, чем меньше: то, чего он не поймет, будет стимулировать его любопытство и интеллектуальное честолюбие.

Вы будете вознаграждены за искренность с ребенком — вознаграждены его чистосердечием. Маленькому человеку свойственно верить вам: это почти врожденное качество. Исключениями становятся случаи, подобные тому, о котором я рассказывал: когда желание ребенка противоречит вашим требованиям. Но и тут небольшой опыт, подтверждающий правоту ваших ненавязчивых замечаний, поможет вам завоевать доверие.

...Как-то мой сын выразил желание пройти босиком по берегу ручья, а я не позволил, боясь, что он наскочит на стекло и порежет себе ногу. Я нашел кусочек стекла и показал ему. После этого случая он стал совсем покорным. Придумай я битое стекло просто так, для своего удобства, я потерял бы его доверие.

Если бы я не нашел ни одного осколка, я был бы должен ему позволить шлепать по ручью босиком. Потом, в схожих ситуациях, мой сын относился к моим предупреждениям и доводам без малейшего скептицизма.

Мы живем в мире лжи, и ребенок, воспитанный на искренности, должен презирать большинство из того, что многими уважается. Факт этот достоин сожаления, ибо презрение — чувство нехорошее. Не стоит обращать внимания ребенка на различные несоответствия слов и дела в обществе, но удовлетворять его любопытство необходимо всякий раз, когда оно в нем пробуждается, —

к какому бы предмету оно ни относилось. Мы хотим видеть наших детей искренними, честными, доброжелательными, уважающими себя; и я бы предпочел скорее видеть их не преуспевающими в жизни — именно из-за этих качеств, чем преуспевающими оттого, что они овладеют искусством быть рабами. Гордость и цельность натуры — необходимые качества для гармонически развитой личности. Там, где они есть, эти свойства натуры, — ложь становится невозможной, особенно если она результат корыстных мотивов. Я предпочитаю, чтобы мои дети были правдивыми в мыслях и словах, даже если им придется из-за этого тяжело в жизни, ибо есть нечто гораздо более важное, чем богатство и почести...

наказание

...В наши дни немногие считают необходимым физическое наказание. Но по поводу того, что должно занять место этого метода воспитания, существует большое количество точек зрения. Часть педагогов придерживается мнения, что справедливое наказание не должно исчезать из арсенала методов воспитания; некоторые предпочитают утверждать, что наказание и вовсе не нужно. Между этими двумя крайними мнениями открывается простор для размышления.

Я верю, что наказание должно занимать ограниченное место в системе воспитания, и полагаю, что ему не следует быть суровым. К мерам наказания я отношу интонацию речи, которая может быть и гневной, и укоризненной. Самое допустимое, на мой взгляд, суровое наказание — это выражение неожиданного негодования. В нескольких случаях, когда мой сын был груб со своей младшей сестренкой, реакция матери выразилась в гневном и резком восклицании. Результат был неожиданным. Мальчик заплакал и не успокаивался до тех пор, пока мама не решила, что с него достаточно переживаний. Если судить по тому, как он относился позже к сестре, этот неожиданный гнев сильно на него подействовал.

Иногда мы прибегаем к мягким формам наказания — если ребенок упорствует в том, в чем ему отказано или мешает игре сестры. Если доводы и уговоры не помогают, мы уводим его в комнату и оставляем там одного, открыв дверь; мы ему говорим, что он может вернуться к нам, как только станет опять хорошим. Как правило, через несколько минут после самого горького плача он возвращается и после этого все-

гда необыкновенно хорошо себя ведет; он прекрасно понимает, что, вернувшись, тем самым обещал быть хорошим. До сих пор мы не нуждались в более суровых мерах наказания. Если судить по книгам педагогов-наставников старого времени, дети, воспитывавшиеся старыми методами, были куда более непослушными, чем современные. Я был бы шокирован, если бы мой мальчик вел себя половину так плохо, как герои старых книжек, но я уверен, что виноваты были скорее сами родители, нежели сами дети.

Если ребенок назойлив, мешает играть другим детям, очевидное наказание — это «изгнание» ребенка. Принимать меры в этих случаях необходимо, потому что несправедливо заставлять страдать других детей. Вызывать у непослушного ребенка чувство вины — вещь бесполезная; целесообразнее заставить его пережить чувство потери: другие дети испытывают радость, которой его лишили.

...Поощрение и осуждение — важные формы воспитания маленьких детей, и не только маленьких, если они исходят от человека, пользующегося достаточным уважением. Я не верю, что в воспитании можно обойтись без поощрения и порицания, но всегда необходимо соблюдать осторожность. Не стоит говорить ребенку, что он поступил лучше, чем кто-то из сверстников, или укорять его: «А вот такой-то никогда не ведет себя плохо»; в первом случае рождается презрение, во втором — ненависть. Нельзя хвалить за то, что ребенок должен делать как само собой разумеющееся; а вот за любую хорошо сделанную работу ребенка нужно похвалить и отметить. Быть замеченным, когда ты сделал что-то для тебя трудное, — одно из самых сладких ощущений юности, и оно законно, хотя и не должно быть основным мотивом деятельности. Основным мотивом всегда должен оставаться интерес к самому делу, каким бы это дело ни было.

Серьезные недостатки характера, такие, как жестокость, с помощью наказания устранить нельзя. Спра-

ведливее сказать, что наказание в данном случае должно занимать совсем крошечное место. Проявление жестокости по отношению к животным более или менее обычно для мальчиков; задача воспитателя — предупредить ее. Ждать, пока ваш мальчик начнет мучить животное, а потом начать за это мучить его самого — скверный путь. У мальчика это вызовет одно желание — не быть пойманным в следующий раз. Надо внимательно наблюдать за ребенком и не пропустить первых признаков тех черт характера, из которых впоследствии может развиться жестокость. Учите ребенка уважать жизнь; не позволяйте ему видеть, как вы убиваете животных, даже если животные эти всего лишь змеи или осы. Если избежать такого зрелища нельзя, очень старательно объясните, почему вы так в данном случае поступили...

Если зло, причиненное ребенком, невелико, вы можете ответить ему тем же. Но если уж вы решите прибегнуть к этому методу, сделайте так, чтобы ваши действия не выглядели для ребенка наказанием, а только упреком: «Посмотри: вот как ты поступил!» Если ребенок протестует, вы отвечаете: «Это неприятно — значит, ты не должен так поступать». И если эпизод незначителен и прост, ребенок все поймет правильно и научится уважать ощущения и переживания других людей. Таким образом, жестокость не разовьется.

Физическое наказание, на мой взгляд, никогда не является хорошим методом воспитания. В мягкой форме оно приносит мало вреда и никакой пользы, в жестокой форме оно развивает садизм. Это правда, что наказание часто не вызывает отрицательных эмоций по отношению к человеку, от которого оно исходит: там, где оно обычно, ребенок приспосабливает свой строй мышления к этому факту и считает его необходимой частью существования. Он же одновременно и приучается верить, что необходимо вызывать у другого чувство физической боли, если надо поддержать свою власть, — весьма опасный урок для тех, кто может в будущем обладать какой-либо властью. Современные родители хотят, чтобы дети в их присутствии вели себя так же раскованно и свободно, как и у них за спиной; они хотят, чтобы дети радовались их возвращению домой; они не хотят придуманной спартанской сдержанности в своих детях, когда за ними наблюдают, и вавилонского столпотворения в доме, когда взрослые уходят. Завоевать настоящую привязанность своих детей — радость, равная любой дру-

гой, даруемой нам жизнью. Наши деды не подозревали о существовании этой радости, а потому не знали, что они теряют в жизни. Они учили детей, что любить родителей — это долг и, настаивая на выполнении этого долга, делали любовь чувством, не могущим осуществиться. Пока люди продолжали считать, будто любовью можно управлять, а проявление ее — выполнение долга, они не делали ничего, чтобы завоевать ее искренностью. И человеческие отношения поэтому оставались жестокими, грубыми и застывшими в своей первоначальной данности. Наказание было частью этого представления о чувствах. Кажется странным, что люди, которым и в голову не приходило поднять руку на женщину, могли ударить беззащитное существо — ребенка. К нашему счастью, за последние сто лет появилось и распространилось иное, более человеческое представление о том, каковы должны быть взаимоотношения между родителями и детьми. Я надеюсь, что просветительские идеи, начавшие играть все более сильную роль в системе образования, постепенно распространятся также и на другие человеческие взаимоотношения: в обращении с себе подобными они столь же важны, как в обращении с детьми.

значение других детей

До сих пор мы говорили о том, что могут сделать сами родители и учителя, чтобы сформировать характер ребенка. Но многое нельзя сделать без помощи других детей. Это оказывается особенно очевидным, когда ребенок становится старше... В первый год жизни только в последние три месяца другие дети становятся необходимостью. В это время могут быть полезны чуть более старшие дети. Ребенок трех лет — лучший образец для годовалого: и потому, что действия трехлетнего — как раз то, что хочет совершить малыш, и потому, что возможности старшего не кажутся ему сверхчеловеческими. Но большинство детей, у которых есть возможность выбора, стремятся играть с теми, кто старше их, потому что это дает им возможность чувствовать свою «значительность»; а эти старшие дети хотят играть с еще более старшими и так далее... В итоге дети в школе и на улице вынуждены играть со своими сверстниками, потому что более старшие не хотят водиться с младшими. Таким образом, настоящее влияние старших детей возможно только в семье.

Старшие дети, младшие дети и сверстники — все они обладают своими особенностями, важными для воспитания других. Старшие дети важны для воспитания необходимого честолюбия у младших. Ребенок способен совершить громадные усилия, чтобы его сочли достойным участвовать в игре старших детей.

Умение вести себя, следовать правилам рождается естественно и свободно в общении детей между собой, в их играх; если этому обучают взрослые, они рискуют столкнуться с непочтительностью или лицемерием: непочтительностью — если осуществляется действительная независимость ребенка; лицемерием — если она только видимость. Я не утверждаю, что взрослым следует избегать такой «игры» во всех случаях, но в ней нет естественной неожиданности, внезапности, возможных только между младшим и старшим ребенком.

Младшие дети тоже играют свою роль в воспитании старших, особенно в возрасте от трех до шести. Пока старший ребенок находится в обществе взрослого, у него нет возможности проявить многие качества своего характера, а именно те, которые требуются от сильного в общении со слабым. Надо приучить его не отнимать силой игрушки у младшего, не выказывать раздражения и гнева, если младший опрокидывает сделанное им сооружение из кирпичей, не забирать игрушки, которые не нужны ему, но о которых мечтает младший. Он должен знать: младшего легко обидеть грубостью; он должен стремиться успокоить плачущего малыша.

Хотя общение младших и старших между собой очень существенно, еще важнее общение сверстников, в особенности начиная с четырех лет. Как вести себя с равным тебе — вот чему важнее всего обучить. Большинство неравенств в нашем мире искусственны, и неплохо было бы научиться не обращать на них внимания. В юности иерархия определяется возрастом и не является искусственной. В среде своих школьных сверстников мальчик обычно пользуется той популярностью, ко-

торую он сумеет завоевать; его могут презирать, им могут восхищаться, но все это зависит от его характера. Только среда сверстников способна создать атмосферу, в которой непосредственная реакция найдет свободное выражение в свободном, ничем не ограниченном общении. Самоуважение без желания тиранить, внимательность и уважительность без подобострастия придут к человеку только в общении с равными ему. Поэтому никакая родительская заботливость не сможет столько сделать для воспитания ребенка, как хороший школьный коллектив.

Кроме этих соображений есть и еще одно, может быть наиболее серьезное. Ум и тело ребенка требуют игры: после первых лет жизни только игра с другими детьми способна принести ему удовлетворение. Без игры он растет скованным, нервным; он теряет ощущение радости жизни, в нем развивается беспокойство. Можно, конечно, воспитать ребенка, как воспитывали Джона Стюарта Милля, — в возрасте трех лет его начали обучать греческому языку, и он никогда не знал, что такое обычные детские шалости. Для приобретения знаний такой путь, может быть, и хорош, но если учесть все остальное, то я не могу сказать, что восхищаюсь подобным путем воспитания. В своей «Автобиографии» Милль рассказывает, что в юности он находился на грани самоубийства. До этого состояния его доводила мысль, что все возможные музыкальные сочетания в один прекрасный день будут исчерпаны и ему не придумать новых. Одержимость такого рода — симптом нервного истощения. Позднее, когда ему доводилось сталкиваться с аргументами, указывающими на некоторые ошибочные положения философской системы его отца, он шаркался от них, как испуганная лошадь, не давая проявиться в полную силу своему разуму. Можно предположить, что более нормальная юность сделала бы его интеллектуально более гибким и позволила бы стать более оригинальным мыслителем. И уж одно очевидно — научила бы его наслаждаться жизнью полнее. Меня самого воспитывали в удалении от сверстников до шестнадцати лет; не столь сурово, как Милля, но все же без многих радостей. Начав общаться со своими сверстниками, я обнаружил, что я просто утомительный резонер. И не мне судить, насколько далеко я сумел уйти от того молодого человека, которым был.

Перевод А. СЕМЕНОВОЙ

три фельетона

В воскресенье после обеда

— Гарри... Гарри, перестань смотреть эту глупейшую футбольную игру и послушай меня. Какой-то весьма подозрительный тип прячется около нашего дома... Как ты думаешь, не следует ли узнать, чего он хочет? Ты же мужчина в этом доме... Гарри, мне кажется, что он метит на твою машину... Давай позвоним в полицию.

— Как можешь ты так говорить, Гарри? Если даже машина и застрахована, ты же должен предпринять по крайней мере какую-то попытку остановить вора... Не можешь же ты допустить, чтобы кто-нибудь украл твою машину... Гляди, Гарри, он вылез и открыл капот двигателя... Он, вероятно, пытается его завести... По-моему, ты должен хотя бы прикрикнуть на него.

— Ладно, команда «Рескип» проигрывает... Но если бы ты подошел к окну... Смотри, он уже запустил мотор. Гарри, умоляю тебя — позвони в полицию... Что? Это нарушит твой послеобеденный отдых, если пожалует полиция... Да, я знаю, что ты поглощен игрой, но что делать с машиной?.. Я тебя не отвлекаю... Как можешь ты говорить, что я всегда придумываю способы оторвать тебя от телевизора, когда идет футбольная игра... Могу ли я допустить, чтобы украли твою машину, и не сказать тебе... Гарри, ты вылез наконец из кресла... Что случилось? А, пошла коммерческая реклама... Машину уже угнали... Ты пойдешь сообщить об этом? После того как кончится игра в Канзас-Сити?

— Хорошо, обещаю тебя больше не беспокоить, возвращайся к своей игре.

— Гарри, дернули замок в дом... Гарри, это наш сын Джимми, кото-

рый уже два года служит в военноморском флоте... Я не знала даже, что он сможет вырваться домой... Господи, он выглядит таким загорелым и бравым... Иди, Гарри, встретить его и приветствуй в дверях... Гарри, ты что, не хочешь встретить своего сына?..

— Ах, ты не можешь покинуть кресла потому, что «Кардинал» мямлит? Не беспокойся, я попрошу Джимми не мешать тебе.

— Гарри, ты просил тебя не беспокоить, но случилось кое-что, о чем, мне кажется, ты должен узнать... Наша дочь Гертруда звонила из больницы, она собирается родить. Быть может, ты перестанешь кричать на меня?.. Знаю, что это не столь уж великое дело сделать ребенка... Обычно из-за этого не стоило бы прерывать просмотр футбольной игры, но мне хочется напомнить тебе, Гарри, что Гертруда ведь не замужем... Это очень тяжелая травма для девушки...

— Да, Гарри, я так же, как и ты, очень огорчена тем, что Брэгг прошил гол... Я отправляюсь в больницу сама и уверена, что Гертруда все поймет.

— Я уже вернулась, Гарри. У Гертруды мальчишка. Чью игру ты сейчас смотришь? «Сан-Диего» — «Чарджерс». Ну а как «Рескип»? Они выиграли? Просто удивительно, что твой послеобеденный отдых не претерпел никакого ущерба из-за всего случившегося.

— Гарри, я решила оставить тебя. Нет, я не могу ждать пока «Сан-Диего» потеряет мяч. Хочу обсудить это сейчас... Я решила, что жизнь прошла мимо меня. Не будем лишать кингу с конца, Гарри... Это не сулит тебе ничего доброго. Я ПРИНЯЛА РЕШЕНИЕ, ГАРРИ... ГАРРИ, НЕТ НИКАКОГО СМЫСЛА РАЗГОВАРИВАТЬ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ... ПОЧЕМУ НЕТ? ПОТОМУ ЧТО ЗАВТРА «ДЕЙРОТ» ИГРАЕТ С «МИННЕСОТСКИМИ ВИКИНГАМИ».

трудно быть безупречным мужем

Мне не совсем удобно признаться в этом, но я безупречный муж. Я не тщеславен, и мне нет нужды хвастаться. Тем более что я знаю: быть безупречным мужем — это божий дар, с которым люди рождаются.

Безупречный муж — тот, который способен видеть недостатки своей жены, исправлять их, если это не-

обходимо, и указывать ей, когда она поступает неправильно.

Специалисты по семейной жизни утверждают, что счастливые союзы встречаются тогда, когда один из супругов безупречен, а другой нет. Больше всего неудачных браков, когда оба супруга совершенны или оба далеки от совершенства.

Мне повезло — я подыскал себе несовершенножену, и у нас очень счастливый брак.

Это нелегко — быть безупречным мужем. Прежде всего, вы всегда должны быть правы, и это может стать даже стеснительным — постоянно указывать жене на ее ошибки. Время от времени она доходит до белого каления и кричит: «Если б я могла хоть разок быть правой — это все, что я прошу. Позволь мне...»

Я рад бы предоставить ей такую возможность, но как я могу это сделать, когда она всегда неправа. Допускаю даже, что я мог бы сжульничать, притвориться, что она права, но как может жена уважать мужа, который ошибается?

Позвольте мне рассказать о некоторых проблемах, с которыми сталкивается безупречный супруг.

Его жена весь день была дома с детьми. Нервы у нее напряжены до предела. Она пронзительно кричит: «Погодите, придет отец!»

И вот безупречный супруг дома. Его роль — роль верховного судьи. Он должен выслушать обе стороны. Во многих случаях я бываю вынужден вынести решение против жены. Она может требовать, чтобы мой сын отправился в постель без ужина и чтобы моей дочери было запрещено катание на коньках. Но, выслушав аргументы, я выношу решение в пользу ребят. Естественно, что жена разочарована, а иногда может даже разгневаться. Но у меня нет выбора. Ведь я также и безупречный отец и не хочу, чтобы дети дурно обо мне думали.

Как безупречный супруг я при случае указываю жене на недостатки ее родственников. Иногда она считает мою критику несправедливой. Но я объясняю ей, что она ослеплена любовью к своей семье, а мне, постороннему, легче заметить недостатки ее родни.

Если один из супругов безупречен в семейной жизни, он безупречен и в общественной жизни. В гостях я чрезвычайно любезен с дамами. Моя жена всегда считает, что в компании я должен бы уделять ей больше внимания, и некоторые наши ссоры вызваны моим ухаживанием за другими женщинами.

Она никак не может понять, что, так как я безупречный муж, ей не следует быть собственницей по от-

Миссис Дэнбери понимающе кивнула головой. Минутой позже она сказала:

— Бобби, надеюсь ты не позволяешь мальчикам дерзить тебе. Они теряют всякое уважение к девушкам, если те ведут себя легкомысленно.

— Бабушка, — возразил Бобби, — я не хожу на свидания с мальчиками. Я встречаюсь с девушками.

— Приятно это слышать, — ответила миссис Дэнбери. — У тебя никогда не будет забот, если ты встречаешься с девушками.

— Мама, — заметил Зак. — Ты, видимо, не понимаешь, что Бобби мальчик и потому встречается с девушками.

Миссис Дэнбери усвоила это, снова ответив кивком.

— Я вижу, что ты носишь брюки, Бобби, — продолжала она. — Знаешь, когда я была девочкой, нам их носить не разрешали. Моя мать сделала мне, когда я была в твоём возрасте, кринолин для выходов на улицу. Не уверена, что ты знаешь, что это такое.

— Нет, бабушка, не знаю!

Миссис Дэнбери улыбнулась.

— Ни одна девушка теперь этого не знает.

Затем она внимательно уставилась на Бобби и сказала:

— Ты не пользуешься губной помадой?

Бобби отрицательно мотнул головой:

— Нет, бабушка, не пользуюсь.

— Ты должен очень гордиться ею, Закар, — сказала миссис Дэнбери сыну. — Если бы ты видел некоторых девушек, которые посещают своих бабушек, ты бы просто ужаснулся.

Она снова повернулась к Бобби:

— Можешь ты готовить?

— Немного, — ответил Бобби.

— Учись стряпать. Ты никогда не удержишь мужчину, если не умеешь готовить.

Закар сказал:

— Мама, Бобби не надо стремиться искать мужчину, ведь он, во всяком случае, почти мужчина.

В глазах миссис Дэнбери блеснула явная усмешка.

— Большинство юных девушек, — сказала она, — думают, что они всегда будут выглядеть привлекательными. Позволь мне, Бобби, сказать тебе кое-что. Сейчас ты красива, но так будет не всегда. Вот почему тебе нужно будет стараться удержать мужа. И мне хочется сделать тебе что-нибудь приятное, раз ты навестила меня. Вот тебе 20 долларов.

— Для чего? — спросил Бобби.

— Купи себе красивое платье. У меня нет никаких возражений по поводу того, что ты носишь брюки, но мне думается, что тебе следует иметь хорошенькое платьице в шкафу.

Бобби взял 20-долларовую бумажку.

— Спасибо, бабушка!

— Вот и хорошо Бобби, — ехидно улыбнулась миссис Дэнбери. — Миссис Добкинс, она живет напротив меня, всегда хвастается своей внучкой. Мне хотелось бы посмотреть на выражение ее лица, когда она увидит, что и у меня тоже красивая внучка.

Перевел с английского
Л. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

Художник В. Бахчанян

ношению ко мне. Мужья тех женщин, с которыми я разговариваю, далеко не безупречны, и эти женщины могут нуждаться в дружеском участии или симпатизирующей улыбке. Но моя жена воспринимает все это как флирт.

Некоторые мужчины думают, что для того, чтобы стать безупречным мужем, им следует помогать дома, подстригать газон, выносить мусорное ведро, прибирать подвал, чинить крышу. Все это чепуха! Король не выполняет обязанностей сторожа, премьер-министр не моет свою автомашину. Если вы безупречный супруг, то должны настойчиво утверждать свое достоинство и авторитет. Пусть люди с недостатками выполняют черную работу.

Если вы замужем за безупречным человеком — вы, вероятно, заметили в своем супруге все черты, отмеченные мной. Если же вам не повезло, то не сожалее ли вы, что вышли замуж не за меня?

Визит к бабушке

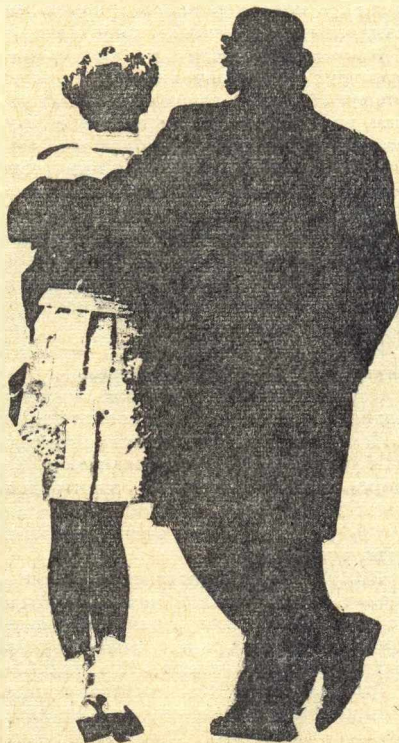
Каждый обсуждает проблему «отцов и детей», но никто не отдает себе отчета в том, что бабушек и дедушек тоже беспокоит взаимоотношения с внуками.

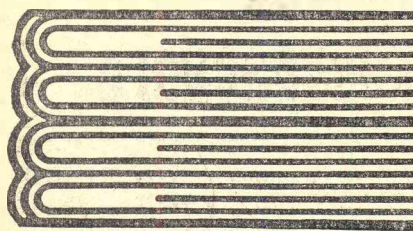
Мой друг, назовем его Закаром Дэнбери, решил показать шестнадцатилетнего сына своей матери, которая обитает в доме для престарелых. Их приход обрадовал восьмидесятилетнюю миссис Дэнбери, но, к несчастью, у сына Зака были очень длинные волосы, и с этого начались неприятности.

— Мама, — сказал Зак, — это мой сын Бобби!

— Она очень красива, — заметила миссис Дэнбери.

— Да нет, мама. Бобби мальчик, а не девочка,

увлекательный поход пионерский

**Что читать,
если хочешь знать больше**

Папы и мамы, закройте на минутку глаза. Слышите?

— Отряд, равняйся! К выносу дружинного знамени стоять смирно!

— Председатель совета отряда того класса «Б», сдать рапорт!

— Есть сдать рапорт!

Вы помните своего председателя совета отряда? Или, может быть, это вы были председателем?

Вы еще не разучились завязывать пионерский галстук? Так, чтобы узел был плотным и гладким, а красные концы — как два маленьких, легких флажка... Идешь, и они быются у тебя на груди...

Теперешние пионеры — дети пионеров. А иногда даже внуки. Третье пионерское поколение растет в нашей стране. Третье пионерское поколение готовится к большим делам, к большой жизни.

Там, в школе, куда каждый день уходят наши ребята, идет своя, детская горячая, напряженная пионерская жизнь. Что мы знаем о ней?

Дочка вернулась из школы. Дочку выбрали звеньевой.

— Мама, пришей мне красную полосочку на рукав. Вот тут, повыше локтя...

А дальше?

Товарищи пионеры, бывшие председатели совета отряда, бывшие звеньевые и редакторы отрядных газет, — товарищи пионеры, как идут дела у ваших детей?

Знаете ли вы, что у них сейчас есть одна общая большая и важная работа — Всесоюзный пионерский марш «Всегда готов!»?

Он посвящен 50-летию пионерской

организации, он будет торжественно завершен в мае 1972 года, и все школы страны принимают в нем участие.

Может быть, отряд вашего сына идет маршрутом «Пионерстрой».

Это значит, что ребята помогают в благоустройстве своей школы, сажают на улицах деревья, знакомятся с разными взрослыми профессиями, встречаются с бригадами коммунистического труда, а деньги, которые отряд заработал на сборе металлолома и мануфактуры, отправляют в фонд строительства Дворца пионеров на Чукотке.

Или, может быть, отряд вашей дочери двигается маршрутом «Звездочка», и вместе с одноклассниками ваша девочка бежит на переменах к малышам-первоклассникам, играет с ними, разучивает песни и стихи, помогает в учении, проводит веселые онятябратские сборы.

Семь маршрутов объединяет Всесоюзный пионерский марш. И каждый из семи — это какая-то важная, значительная сторона детской жизни. Сегодня мы будем говорить о маршруте, который называется «В страну знаний».

В «Положении о Всесоюзном пионерском марше» написано: «Главный труд пионера — учеба». И уж, наверное, прежде всего согласится с этими словами родители. Чего только они не делают для того, чтобы серьезно, вдумчиво, с интересом изучали их ребята школьные науки, чтобы переходили из класса в класс с хорошими отметками и прочными знаниями.

Пионерские дела и пионерский маршрут «В страну знаний» помогут этому. Маршрут задуман с размахом, как расширение всего детского кругозора. И вы сделаете большое, доброе дело, если достанете, принесете в дом или просто порекомендуете своим ребятам книги, помогающие школьным занятиям, помогающие приобретению новых знаний.

В первую очередь вам понадобятся, очевидно, книги общего энциклопедического характера.

Не думайте, пожалуйста, что это скучное, однообразное чтение.

Нет-нет. Хорошая детская энциклопедия — это очень увлекательная книга. Она расскажет детям о прекрасном разнообразии окружающего их мира, она поможет вам заинтересовать, приохотить к наукам даже не очень усидчивых, не очень любознательных ребят.

В 1968 году в издательстве «Просвещение» вышли два больших, толстых тома со смешными ребяческими рожицами на обложках и с неожиданным названием «Что такое? Кто такой?».

Это, конечно, не исчерпывающая энциклопедия. Но ей вовсе и не нужно быть такой. Ведь рассчитана книга

на учеников третьих-четвертых классов. И тех сведений, которые в ней собраны, им вполне хватит.

Зато как она написана! Каждая глава, объясняющая то или иное слово, — это целый рассказ, увлекательная история.

Например, глава «Попугай». Она начинается так:

«Корабли Колумба долго блуждали в неведомых водах, и неизвестно, чем кончилось бы это путешествие и была ли бы открыта в этот раз Америка, если бы не птицы, появившиеся в вечеру на закате солнца. Увидев их, моряки поняли, что птицы летят на ночлег к берегу, и направили свои корабли за птичьими стаями. Так попугай — а птицы, указавшие дорогу Колумбу, были попугаи — помогли открыть Америку...»

И дальше рассказано об особенностях этих птиц, их привычках, повадках, о том, где и как они живут.

— Подумаешь, — скажете вы, — про попугаев ребятам, конечно, интересно. А вот про что-нибудь научное...

Пожалуйста. Куда уж какое научное и неразвлекательное слово «счет». Раз «счет» — значит цифры, задачи, арифметика... не скучно ли? Но взгляните в книгу. Там написано:

«Однажды шустрый шестиклассник поразил своих друзей. На вопрос, сколько ему лет, он написал на доске число 1011 и дал честное пионерское слово, что это чистая правда. Ему никто не поверил. Но когда показали это число учителю математики, он не удивился и подтвердил, что обмана здесь нет.

— Дело в том, — сказал учитель, — что считать можно по-разному. Это число записано не в десятичной системе счисления, а в двоичной».

Разумеется, потом даются сведения о системах счета, и написано все это так интересно и просто, что даже не опытные любители математики поймут и запомнят.

А если добавить, что эта книга, энциклопедический сборник «Что такое? Кто такой?», издана удачно, что на каждой ее странице — яркие, цветные картинки, то станет ясно: ребятам такая книга понравится. И пользоваться ею они смогут самыми разными способами: читать отдельными главками, как обычно читают энциклопедию, или читать подряд, как читают просто интересную, увлекательную книжку.

Теперь несколько слов о том, что можно предложить ребятам постарше — школьникам пятых, шестых, седьмых и восьмых классов.

Книг энциклопедического типа, рассчитанных на их возраст, довольно много. Но, пожалуй, лучше всего начать с ежегодного альманаха «Хочу все знать!».

Наши ребята постоянно хотят но-

вого. Их самый любимый вопрос: «А что дальше?» Им хотелось бы, чтобы каждый день совершались новые открытия, отыскивались бы новые земли, сочинялись новые книги.

Именно потому любят они альманах «Хочу все знать!». Каждый его выпуск посвящен последним достижениям науки и техники, новейшим исследованиям, научным гипотезам и прогнозам. А рядом, в этой же книге, — очерки и статьи по истории науки, рассказы о крупных ученых, политических деятелях.

Обычно в каждом выпуске альманаха находятся материалы на все вкусы: и для любителей естествознания, и для прирожденных техников, и для бесчисленной армии будущих космонавтов, которые засыпают и просыпаются с мечтами о ракетах, кометах и отдаленных галактиках.

Эту книжку читать не только интересно, но иногда даже весело. Среди серьезных статей ребятам то и дело попадается веселый уголок, рассказывающий о научных казусах, оплошностях или просто любопытных случаях.

Вот крошечная заметка под названием «Грамотные дельфины»: «Можно ли научить дельфинов печатать на машинке? Это и хотят проверить два шведских ученых. Для опытов в зоопарке построен специальный бассейн. На его дне установлены особые пишущие машинки со сложным электронным оборудованием, световые табло, звуковая сигнализация. Ученые хотят обучить нескольких дельфинов печатать, а затем читать написанное. Опыты, надеются ученые, помогут узнать, каким же образом дельфины общаются между собой, какой он, дельфиний «язык».

Ребята весело улыбаются и переворачивают страницу. А там их ждет серьезный научный разговор.

Посоветуйте своим детям взять в библиотеке альманах «Хочу все знать!». Даже не очень важно, какого именно года попадется им выпуск: 1967-го или 1970-го. Обычно, прочитав первую такую книгу, дети уже сами стараются найти и прочитать следующую. Наша с вами главная задача — начать, а дальше дело пойдёт.

Энциклопедической детской литературы становится все больше, и это очень хорошо. Но когда вы станете выбирать для своих детей книги такого типа, не забудьте об одной совсем не новой, давно написанной, но замечательной книге — книге М. Ильина и Е. Сегал «Как человек стал великаном».

Это произведение в своем роде уникальное. Другой такой книжки нет. Не отдельные рассказы об изобретениях и открытиях, даже не история науки — история человеческого разума, история того, как в борьбе и труде развивался и креп человеческий ин-

теллект, — вот что такое эта книга.

Не думайте, что она слишком сложна для ребят. Напротив, уже в 11—12 лет им очень полезно прочитать ее и задуматься над тем, как человек стал великаном.

Энциклопедические книги очень полезны. Но есть еще другое, не менее важное чтение — книги, непосредственно помогающие изучению школьных предметов, книги, посвященные той или иной науке.

Вот здесь порекомендовать что-нибудь конкретное очень трудно. Ведь чей-то сын учится в четвертом классе, а чей-то в седьмом. Кто-то из родителей хотел бы прежде всего развить у своего ребенка интерес к математике, а кто-то к биологии.

Но если вы не пожалеете времени и зайдете в детскую библиотеку — то уж тут непременно найдут для вашего ребенка ту литературу, которая ему нужна.

Путешествие «В страну знаний» — одно из больших и серьезных пионерских дел. И ваша помощь здесь очень нужна.

Расскажите, напомните своим ребятам о познавательных, научно-популярных книгах. Помогите им разобраться в прочитанном. Вы увидите, что ваши усилия не пропадут даром. Ведь интерес к науке, жажда знаний — это одна из самых прекрасных человеческих черт, это останется с ребятами на всю жизнь.

И. ЛИНКОВА,
главный библиотекарь
Государственной
республиканской
детской библиотеки РСФСР

Тропой прекрасного

Б. А. Тимофеев. КОГДА ШАГАЕШЬ ПО ТРОПЕ. Фото-книжка для школьников. Иллюстрации автора. М., «Промсвещение», 1970.

В научно-популярной биологической литературе редко найдешь книги, в которых сочетались бы великолепно выполненные иллюстрации с прекрасно написанным текстом. Именно такое счастливое сочетание мы находим в книге Б. А. Тимофеева «Когда шагаешь по тропе». Книга рассказывает о растениях и животных, населяющих наши среднерусские леса. Это живой и увлекательный рассказ о том, что можно увидеть, идя по лесной тропе. Автор книги — превосходный фотограф и в то же время незаурядный литератор. Раскроешь книгу — поразишься блестяще выполненным фотографиям. Их в книге очень много — они украшают почти каждую страницу. Многие сделаны оригинально — объекты показаны крупным планом. Это придает книге особую прелесть. Но когда начнешь читать текст, не меньше поражаешься живому и доходчивому стилю изложения. Книга так интересно написана, что читается как увлекательный рассказ.

Вместе с тем при изложении биологического материала автор не отступает от научной достоверности. Все то, что, к примеру, написано о растениях, не может вызвать нареканий со стороны ботаников. (Встречаются лишь очень немногие ботанические неточности.) Автор хорошо знает живую природу, лес, биологические особенности тех объектов, о которых он пишет. Это делает книгу еще более ценной.

Книга «Когда шагаешь по тропе» предназначена для детей. Но ее с большим удовольствием прочтут и многие взрослые. Эта книга пробуждает у читателей интерес к живой природе, к растительному миру. И прежде всего — у читателей юных.

В. ПЕТРОВ,
кандидат биологических наук,
доцент
Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова

В ТОВАРИЩИ НАШИМ СЫНОВЬЯМ

**Борис Камов. ГАЙДАР. М.,
«Молодая гвардия», 1971.**

В серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга о Гайдаре. Ее автор давно уже занимается разысканиями новых материалов, документов и воспоминаний о писателе. Книга большая, подробная, хорошо иллюстрированная; вся жизнь Гайдара проходит перед нами. И хотя книг о Гайдаре было уже немало, работа Б. Камова замечательна уже тем, что вновь заставляет нас обратиться к сочинениям писателя, вызывает желание перечитать его — в который раз! Ведь Гайдар принадлежит к числу не только наиболее читаемых писателей, но и наиболее перечитываемых.

Привычна тема: «Гайдар и дети». Мы знаем, как Гайдар любил детей и как дети любили его; по рассказам К. Паустовского и Р. Фраермана мы видели, что дети были готовы все сделать для Гайдара.

Но вот Гайдар во взрослой жизни... Гайдар-писатель. Его страдания, его мучительное «выхаживание» строк, его тревоги, неудачи, срывы, наконец — его слава. Вряд ли какой-нибудь детский писатель при жизни имел такую славу среди детей, какую знал Гайдар. В школе в Хохловском переулке, где я был третьеклассником, в одном из недосыгаемых старших классов, седьмом или даже восьмом, училась девочка, игравшая роль Жени в фильме «Тимур и его команда». Однажды нам показали ее, и мы гурьбой, на значительном расстоянии, прошли за ней вдоль школьного коридора — вот, собственно, и все, что было; только один раз. Но этого было достаточно для многолетнего хвастовства: «А я... учился... в той самой... где... та девочка... «Тимур и его команда».

Вдруг поймал себя: а разве я сейчас, в этих строчках, не хвастаюсь? Я и сегодня горд, что учился в той школе, где — и так далее.

Тимур был кумиром. Даже не сам Тимур — невероятно важным было все, что с ним связано. Не помню, чтобы мы тут же бросились создавать тимуровскую команду. «Действенность» детской книги не надо представлять себе так прямолинейно. Можно было создавать команду, иг-

рать в эту интересную игру, но нельзя было играть в Тимура — это показалось бы тогда кощунством.

А вскоре началась война, и тут уже было не до игры — не до штабов на чердаках, не до тайн. Даже десятилетние вдруг стали взрослыми. Была просто работа. Ее называли тимуровской. Если бы не было книги и фильма «Тимур и его команда» — разве дети не стали бы помогать семьям фронтовиков? Но Гайдар дал движению имя.

Что, фактически, делает писатель? Что такое «поэтическое открытие»? Писатель выделяет какое-то общественное явление, какой-то тип, описывает его и дает ему имя. И все донихоты становятся Дон-Кихотами (а ведь они были и до Сервантеса), все рахметовы — Рахметовыми; вот и все маленькие тимурсы стали Тимурами. Но мало того. Гайдар был вроде тех астрономов, что вычисляли движение планеты прежде, чем планета была обнаружена телескопами, вроде тех физиков, которые открывают на бумаге не открытые еще в лаборатории частицы. Мировая литература знает не слишком много примеров таких точных предсказаний.

А ведь меру и глубину этого предсказания мы, пожалуй, и сегодня еще не совсем понимаем. Нас поразило возникновение тысяч команд тимурцев, и мы как-то меньше обращаем внимания на самого Тимура Гараева, главного гайдаровского героя.

Борис Камов в рецензируемой книге рассказывает, как у Гайдара появился замысел этой книги. Автор говорит о всевозможных детских движениях в капиталистических странах, начиная от бойскаутов лорда Бадена-Паулла, о том, что Гайдар хотел противопоставить милитаристской подготовке детей в западных странах другие, гуманистические формы подготовки ребят к неизбежно надвигающейся войне. С этим трудно не согласиться. Не случайно лейтмотив «Тимура» — несколько раз повторяющиеся слова: «нрпно-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее». «Оттуда» — с фронта. А «наш брат» — это мальчишки и девочки.

Но вместе с тем не стоит упускать из виду, что для Гайдара повесть начиналась именно с мальчишки, с Дункана — так первоначально звали Тимура. И сама книга Б. Камова, новые материалы, впервые опубликованные здесь, позволяют судить об этом совершенно определенно. Б. Камов приводит строчки черновых набросков, не вошедшие в окончательный текст повести и в сценарий. Строчки эти хорошо показывают, как развивалась мысль Гайдара:

«Человек должен быть честен» (это снажет Дункан).

Дядя: «Мне нажется, что ты дружишь с хулиганами».

Дункан: «Нет, не то. Я — испытываю свой характер».

«А вы что — трусы?.. Пятеро на одну девчонку?» (Это Дункан).

Дункан на спор просит товарищей привязать его к дереву на четыре часа — выдержит, выстоит. «Стоишь?» — «Стою». «Стоит Дункан у дерева... лицо его спокойно. Он даже слегка улыбается. А глаза его глядят прямо, честно и открыто».

И еще:

«Я не боюсь, — говорил Дункан Гейке, — ни тебя, ни себя».

А Дунканова команда первоначально пела такую песенку:

Мы не шайна, мы не банда!

А без шума, не под гром,

Мы, веселая команда,

Людям делаем добро!..

Так складывался образ. В повести многие характеристики, естественно, ушли, Тимур стал проще, доступнее читателю; но для Гайдара он оставался прежним Дунканом, и по-прежнему Гайдар любил его всем сердцем — до слез любил. Иначе он не смог бы кончить повесть так, как она кончается:

«Тимур поднял голову. Ах, и тут, и тут не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка!

Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал:

— Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!»

Тимур из повести почти не поддается обычным приемам школьно-литературного анализа: «Назовите главные черты образа Тимура... В каких эпизодах видна его честность?» и т. п. Может быть, поэтому разговоры с детьми о Тимуре, как правило, идут в одной плоскости: есть ли среди нас такие, как Тимур, или их нет? Эти разговоры, как показывает Б. Камов, начались еще до публикации повести и до выхода фильма, продолжают они до сегодняшнего дня. В лучшем случае в Тимуре видят организатора команды — и тогда, выходит, Тимуры есть. Но герой Гайдара сложнее, значительнее; в нем прообраз, предсказание на много-много лет вперед... Можно сказать, что это образ сугубо поэтический, лирический; оттого он так трудно поддается анализу. Есть в этом мальчишке что-то сокровенно-милое, есть в нем что-то грустное (может быть, потому грустное, что у Тимура нет отца?), что-то мечтательное... Да, Тимур выглядит много старше своих товарищей — старше Гейки, Коли Колокольчикова, Симы Симанова, старше Жени. Он старше не опытом жизни, а характером, духовностью своей, возвышенностью... Он даже не старше, а просто выше. Он будто из другого, будущего времени пришел сюда; будто знает он что-то такое, че-

го не знают еще его маленькие друзья.

Как донести до ребят вот этого, возвышенного Тимура? Как натолкнуть их на мысль, что и не надо искать Тимура в своем классе, что не надо даже и подражать Тимуру? Но надо держать его в сердце... Любить... Помнить о нем.

Трудная задача.

Но, может быть, не стоит и взваливать ее на себя, а просто довериться Гайдари, положиться на его слово, на тон его разговора, его понимание детей? Все-таки он понимал детей лучше всех. В этом ему не было равных. Ему ничего не стоило «приземлить» Тимура, оснастить, скажем, его речь мальчишескими словами — Гайдар ли не знал их! Ничего не стоило сделать Тимура чуть забавным, как все другие герои книги. Нет. Он шел прямо — никаких уступок. Он верил, что вот такой Тимур найдет путь к сердцам ребят.

Доверимся и мы Гайдари, не будем ждать от книжки сиюминутной отдачи, будем давать ее детям с надеждой, что позитичность Тимура тронет их, запомнится им, станет частичкой их духовного мира — навсегда.

...В большой и славной, необычной жизни Гайдара, о которой рассказывал нам Борис Камов, в сложном творчестве писателя многое зовет к размышлениям, воспоминаниям (говорить о Гайдаре — вспоминать свое детство), спору, пересмотру взглядов. Будем почаще обращаться к Гайдари — его страницы всегда доставят нам наслаждение и помогут понять и самих себя, и наших детей.

С. СОЛОВЕЙЧИК

судьба учителя

Любовь Кабо. ЖИЛ НА СВЕТЕ УЧИТЕЛЬ. М., «Знание», 1970.

Пабло Пикассо, помнится, писал когда-то, что в искусстве поиски не столь важны — важны находки. То же, вероятно, и в воспитании. О заслугах школы мы предпочтем судить не по планам и отчетам — по ее питомцам; о достоинствах учителя — по облику и отзывам его учеников. Весомые, основательные это мерки, и мы не затруднились в доказательстве их достоверности — хоть собственным школьным опытом, хоть общеизвестными примерами. Один такой пример

стоит сейчас припомнить — он имеет прямое отношение к предмету разговора. Давным-давно, 45 лет назад, два молодых человека, только что покинувшие стены учебного заведения — Г. Белых и Л. Пантелеев, — решили рассказать о своей alma mater — «школе социально-индивидуального воспитания имени Достоевского». У книги их — «Республика Шкид» — оказалась счастливая судьба: уже при первом появлении она вызвала широчайший читательский интерес; ее не обошли вниманием (хоть и оценили по-разному) Горький, Манаренко, Крупская; критики спорили о литературных достоинствах повести; ученые-педагоги — о ценности описанного в ней опыта. Потом споры эти затихли — книга, вошедшая в историю современной детской и «школьной» литературы, казалось, лишь в этой истории и останется. Но уже в недавние дни книга, превратившись в фильм, снова стала предметом живого общественного внимания. И споры возобновились: что же такое была «Шкида» — «современная бурса» или школа с обдуманной и успешной системой воспитания, кто был ее руководитель Винниксор — неудачник или герой?

Страннее же всего оказалось то, что в долголетних этих спорах не услышан и не замечен был голос человека, имевшего существенные основания внести в разговор ясность, ибо речь шла о нем самом, о его деле и судьбе — голос Винтора Николаевича Сороки-Росинского, заведующего школой имени Достоевского. И вот теперь в книге, выпущенной издательством «Знание», мы находим обстоятельный очерк Л. Кабо о Сороке-Росинском и его собственные работы — посвященные «Шкиде» и более ранние. Книга эта позволяет нам глубже и справедливее оценить историю «Шкиды» — литературную и реальную.

Для литературоведа открывается благодатная возможность увидеть, сколь непростые, отнюдь не зеркальные отношения существуют между жизненным материалом и его художественным отражением, между реальным человеком и его литературным двойником.

Историку советской школы она дает основание оценить педагогическую систему и опыт Сороки-Росинского в их истинном виде.

Но книга эта имеет и иное, более широкое значение: вдумчивый воспитатель найдет в ней суждения и примеры, побуждающие к размышлению над самыми основными, коренными вопросами своего дела.

Взять хоть такой: процесс воспитания — как он видится участвующим в нем сторонам? Известно, что популярность, пришедшая к Сороке-Росинскому с книгой Белых и Пантелеева, была отнюдь не без терний; пожалуй,

из них она в основном и состояла. В глазах читательских (особенно же — педагогических) «Шкида» реальная и «Шкида» литературная не разделялись; за поступки Винниксора спрашивали с Сороки-Росинского. Более того: много лет спустя Л. Пантелеев, зрелым взглядом оценивая «Республику Шкид», признавался: «Мы, конечно же, оболгали Сороку-Росинского, окаринатурили его». Но вот что любопытно: сам Сорока-Росинский, кажется, никогда книгу Г. Белых и Л. Пантелеева не называл неправдивой или искажающей. Думается, что дело здесь не только в крайней его скромности и деликатности (об этом убедительно говорится в очерке Л. Кабо), но и еще в одном обстоятельстве. Учитель понимал, что одни и те же поступки видятся по-разному, имеют разный смысл для воспитателя и воспитанника. И «методы педагогического воздействия», смысл и цель которых воспитанник угадывает с первого взгляда, — отнюдь не всегда самые лучшие. Воскопшенности это относилось к «Шкиде». «Прибывшие сюда ребята, — вспоминал Сорока-Росинский, — не только приносили с собой принципиальное отрицание личности педагога, но всегда стремились чем-нибудь щегольнуть перед товарищами... а это проще всего было проделать посредством каких-нибудь выходок по отношению к педагогам... При такой атмосфере да еще при почти болезненной негативизме наших ребят решение задачи «мы» и «они» наталкивалось на очень большие трудности и требовало очень искусного подхода; лобовые атаки здесь не годились, все надо было проводить методом косвенного внушения».

Это особое обстоятельство, думается, позволяет по справедливости определить ту степень достоверности, с какой педагогический опыт Сороки-Росинского отразился в «Республике Шкид». Достоверность повести бесспорна — ибо «все так и было». И она бесспорно неполна — потому что отразила лишь внешнюю, «надводную» часть воспитательного процесса; его глубинное направление оставалось (и, видимо, с пользой для дела) неуловимым для питомцев «Шкиды».

Если говорить об упреках, которые навлекла на Винниксора книга его учеников, то самые серьезные и суровые насались, безусловно, системы наказаний в «Шкиде» — штрафных записей, деления учеников на разряды. Нынешнему воспитателю эта система покажется, пожалуй, просто странноватой и уж во всяком случае безнадежно далекой от практики сегодняшней школы. У читателя-современника она вызывала ассоциации гораздо более живые и вовсе не положительные — с чем-то гимназическим,

а то и тюремным. Одно оставалось неясным: как же шкидцы, не терпевшие никакого принуждения, бесспорно признавали справедливость этой системы, хоть и «бузили» иной раз при занесении в «Летопись» или понижении в разряде?

Вне сомнения, Сорока-Росинский всегда был безусловно справедливым; существенным было и то, что наказания эти не определялись единоличной волей воспитателя; «оштрафованный» мог оспаривать его решение, и, если ему удавалось доказать свою правоту, штрафная запись вычеркивалась.

Но была и еще одна, может быть, самая главная причина. Система разрядов родилась в «Шкиде» как спешная, неотложная, во многом вынужденная мера; надо было скорее ввести в рамки опасное буйство шкидцев. Но Сорока-Росинский увидел в ней неожиданный и гораздо более важный воспитательный смысл: для шкидцев она оказалась проверкой воли, выдержки, признанным испытанием характера. Увидел и сумел сделать это основным. Педагог заурядный удовлетворился бы и тем, что наказания действуют.

В книге «Жил на свете учитель» по-иному предстает нам и знаменитая шкидская «буза». Ей посвящены самые яркие страницы повести Белых и Пантелеева; они-то и дали основание многим педагогам видеть в школе Винниксора царство безвластия и дурного детского своеволия. Но сам Сорока-Росинский видел другое: его питомцам, так много испытавшим за недолгие годы, хвадившим через край горького взрослого опыта, не доставало естественного детского опыта: опыта игры, беззаботности, непринужденного товарищества. «Прелесть шалостей» — такое неожиданно мягкое, почти нежное определение дает не склонный к сантиментам Сорока-Росинский лихим шкидским забавам. Педагог-педант выбился бы из сил в беспомощной борьбе с «бузой»; Сорока-Росинский разглядел, что она, по сути, игра, запоздалое возвращение к «безответственности» детства, возмещение того, что выпало из естественного развития ребенка. И нужно здесь сначала ввести в русло во все стороны бьющую энергию, незаметно направить ее, а затем перевести в иную, высшую форму — созидательное действие. Так оно и было в «Шкиде»: беспорядочное буйство сил, та игра взахлеб, которая сначала выливалась лишь в «бузу», стала позже, направленной усилиями Винниксора и его помощников, основой иных уже увлечений: театром, изданием журналов, яростной (по 10—12 часов в день) учебой. «Использование игрово-го начала в обучении и воспитании — вот что лежало в основе школы имени

Достоевского», — подчеркивал впоследствии Сорока-Росинский. А ведь это, наверное, было непросто — разглядеть, что шкидцам, подросткам по возрасту и совсем взрослым по жизненным испытаниям, нужна настоящая ребячья, почти что дошкольная игра, что именно она может выправить их истерзанные души.

Имеет ли это отношение к сегодняшней воспитательной практике? Здесь каждому из нас надо решать самому. Но если взглянуть и в сегодняшних «трудных», то, видимо, тоже окажется, что у каждого из них выпала, не состоялась какая-то существенная часть нормальной детской жизни — и потеря эта отозвалась на всей дальнейшей судьбе ребенка. Так, заботясь о перевоспитании, не с восстановлением ли, возмещения этого недостающего звена должны мы начинать?

Еще одна коренная педагогическая проблема, волновавшая Винниксора, небезразлична и нам — противостояние воспитателя и воспитанника («они и мы»). Мерилом успеха любой школы Сорока-Росинский считал преодоление этого противостояния. В «Шкиде» оно поначалу было крайним: «Во всем их (первых шкидцев) облике, во всех повадках чувствовалось такое принципиальное недоверие ко всем взрослым, что нас на первых порах это просто ошеломяло». У учителя просто не было времени на колебания и исправление ошибок — недаром Сорока-Росинский сравнивал его положение в «Шкиде» с положением полка на переднем крае под непрерывным обстрелом: «или со щитом, или... не на щите, а даже хуже того — под щитом». И по страницам «Республики Шкид» мы помним неудачников, «под щитом», под насмешки и хохот шкидцев покидавших школу.

Но что-то и оставалось? Кто-то работал? Не один Винниксор; в школе было ядро постоянных, признанных шкидцами учителей. Страницы записок Сороки-Росинского позволяют нам теперь понять, что помогло им выдержать это суровое испытание на прочность. «Шкида» признавала тех, в ком ощущалась яркость и проявленность личности, чуяла «породу».

Что называет этим словом Сорока-Росинский? Менее всего чисто арифметическое соединение и тех и других, и пятых и десятых достоинств. Учитель «вовсе не матрац, набитый добродетелями, — едно замечает он, — а личность, определенный склад характера, особая порода». И далее Сорока-Росинский дает оценку достоинствам и недостаткам основных, на его взгляд, «пород» педагогов. Сегодня строгому исследователю его классификация может показаться скорее литературно-описательной, чем строго научной. Но и сегодня эти страни-

цы, думается, залпом и с пользой прочтет любой, начинающий ли, опытный ли учитель. А главное, раздумья Сороки-Росинского глубоко современны в основной своей мысли: психологические исследования все настойчивее подтверждают, что становление учителя — не просто в овладении различными «приемами педагогического мастерства», но в формировании индивидуального стиля труда. Приемы и умения действуют только в переплавке, в подгонке их к личности педагога. Заметим, кстати, что общим свойством личности всех принятых «Шкидой» педагогов была — культура.

«Нас лечили культурой», — вспоминал впоследствии Г. Белых. И силу и обаяние этой культуры педагога, слышимую и со страниц «Республики Шкид», мы в полной мере ощущаем только сейчас, читая записки Сороки-Росинского.

Нам удалось сказать лишь о трех-четырех поставленных в книге «Жил на свете учитель» и побуждающих к размышлению педагогических проблемах. Круг их в книге гораздо шире — и читателю открывается богатый повод для собственных открытий и раздумий.

Книга, думается, безоговорочно снимает расхожее представление о «Шкиде» как всего лишь об особо экзотическом феномене на фоне пестрых педагогических поисков 20-х годов и о Винниксоре как о беспомощном, хоть и самоотверженном, чудаче и путанике. Произошло это, к сожалению, с запозданием — Сороки-Росинского уже нет в живых. Но свою задачу Л. Кабо видела отнюдь не в одной его «реабилитации». «Не канонизировать. Не забывать» — так определяет она цель предпринятой работы. Цель, бесспорно, выбрана верно — слишком серьезен и суров был опыт «Шкиды» и Сороки-Росинского, чтобы не пригодиться чем-то и нынешнему учителю. Мало что из него мы можем перенести в сегодняшнюю школу? Вероятно. Но ведь педагогический опыт — и не кирпич, который можно переложить из фундамента ответшалога здания в основание новостройщегося. Скорее он в мастерстве строителя, навыках его труда, знании материала, творческом подходе к делу.

Среди многочисленных современных определений творчества есть и такое: «Способность к решению нестандартных задач». К Сороке-Росинскому это применимо в полной мере. Задачи, выпавшие на его долю, были на редкость нестандартными. И на редкость трудными. Он бесстрашно и благородно решал их.

В. РЫБАКОВ

КЛЮЧИ ОТ ЦАРСТВА МУЗЫКИ

**Дм. Кабалевский. ПРО ТРЕХ
КИТОВ И ПРО МНОГОЕ
ДРУГОЕ. Книжка о музыке.
Рисунки Р. Вольского. М.,
«Детская литература», 1970.**

Мир музыки... Назовите мир более пленительный и загадочный для сердца, чуткого и прекрасному! Как войти в этот мир юному человеку, который только смутно ощущает его красоту?

Иногда на помощь приходят книги. Но только иногда, потому что талантливая книжка о музыке — редность. Музыка, как никакое другое из искусств, упорно сопротивляется переводу на язык слов, язык понятий. Еще Гейне говорил: «Где кончаются слова, там начинается музыка».

Так можно ли выразить «невыразимое»? Можно ли найти средствами художественного слова ключи к «шифрам» искусства музыкального? Оказывается, в известной степени все-таки можно, если за дело берется человек самобытного музыкального таланта и подвижнического труда.

Композитор Дмитрий Борисович Кабалевский всю жизнь трудится на поприще музыкального просветительства среди детей и молодежи. И вот наконец его многолетние труды обрели литературную форму, явившись в обличье основательной книжки с шутивно-сказочным названием «Про трех китов и про многое другое».

Иной музыковед, услышав о «трех китах», на коих, так сказать, зиждется вся музыка, непременно подумает о хрестоматийных, принятых во всем мире понятиях — мелодия, гармония, ритм. Но нет! Дмитрий Кабалевский достаточно хорошо ориентируется в настроениях своих юных слушателей-читателей, чтобы спешить вести их в дебри структурных понятий о музыке. И потому он обращается к понятиям более доступным, бытовым, знакомым человеку с первых шагов жизни. Он приглашает прислушаться к звукам самой жизни. И выясняется, что ни один человек, даже считающий себя чуждым музыке, без нее не обходится, потому что и поет, и танцует, и марширует под музыку, и делает это с той же необходимостью, как и многие другие непреходящие вещи, из ко-

торых складывается жизнь. Песня, танец, марш — вот, оказывается, какие «три кита» существуют в жизни и составляют ее важную частицу! «Песня, танец и марш так глубоко вторгаются в нашу жизнь, — пишет Кабалевский, — так тесно с ней сливаются, что зачастую они кажутся нам уже и не искусством, а просто частями нашей жизни, такими же обычными и естественными, как и всё, из чего вообще состоит вся наша жизнь».

Вручая своим слушателям-читателям ключи от дверей в царство музыки, Кабалевский показывает, что эта дверь ведет из самой жизни. Он размывает грани музыки и жизни, как бы смягчая, растапливая твердь легенды о неприступности серьезного искусства. В этом первая заслуга автора.

Нет, композитор не скрывает трудностей приближения к миру большого музыкального искусства. Он с самого начала прочно выдвигает тезис: слушатель, так же как и композитор и исполнитель, должен учиться. Учиться хорошо слушать музыку и слышать ее. Потому что «невнимательное, незаинтересованное слушание музыки, точно так же как невнимательное, незаинтересованное чтение книг или рассматривание картин, только утомляет нас, отбирает наши силы, а взамен ровно ничего не дает, разве что вызывает пагубное заблуждение, будто бы скучно все это, непонятно и неинтересно». А ведь одно из самых чудесных свойств музыки, как и всякого искусства, в том и состоит, что чем больше душевных сил мы ей отдаем, тем больше новых сил в ней черпаем.

Вся книжка словно «нафантазирована» ораторским искусством Кабалевского, и его общительные, полные вопросительных и восклицательных эмоций доверительные интонации увлекают юных читателей в мир активного мышления о музыке и соучастия в поисках ее «трех китов»...

Песня приводит нас и в оперу, и в симфонию, и в камерную музыку, и в мир кантатно-ораториальных жанров, и в киномузыку. Выясняется, что «песни звучат повсюду, даже там, где их нет», — так парадоксально выражает автор свою мысль о том, что обработанная песня может стать основой, содержанием даже небольшого, чисто инструментального сочинения — такого, скажем, как фортепьянная прелюдия... Разумеется, песня приводит и к «Камаринской» Глинки, и к симфониям Чайковского и Шостаковича, и в оперы Римского-Корсакова, и к «Александрю Невскому» Прокофьева — Эйзенштейна, и в мир сложных последних извратов Бетховена (написанных на мелодии русских песен).

Танец приводит и к сборникам ин-

струментальных пьес Баха, Моцарта, Бетховена. И, конечно, к великому Шуберту, написавшему за свою короткую жизнь почти шестьсот (!) песен, почти триста (!) вальсов и множество маршей. («Как видим, в своем творчестве он основательно опирался на наших трех китов!» — не упускает случая воскликнуть Кабалевский). Тут же возникает неповторимо пленительная фигура Шопена с его бесчисленными мазурками, полонезами и вальсами, уже не предназначенными для танцев. И дальше, дальше, в мир инструментальных и оркестровых сочинений, написанных (подобно «Вальсу-фантазии» Глинки или Венгерским рапсодиям Листа) в танцевальном характере. И снова в оперу, к польским танцам из «Ивана Сусанина», или к «Половецким пляскам» Бородин, или к операм «Евгений Онегин» и «Проданная невеста», а потом, наконец, — в балет, музыкальное царство танца.

А марш? Представьте, он тоже приводит в очень важные и своеобразные сферы музыкального мышления. И в мир сонат Моцарта (через знаменитый «Турецкий марш»), и к похоронным маршам Шопена и Берлиоза, и к гениальной опере Бизе «Кармен», в которой автор возвращается много раз, демонстрируя ярчайшее слияние «трех китов».

Но и это не всё. Оказывается, следуя за маршем, мы можем попасть куда только хотим. «Ручаясь, — пишет Кабалевский, — в какую бы сторону царства музыки мы ни пошли, всюду мы услышим новые марши, не похожие один на другой». Оказывается, есть марши не только военные, спортивные и бытовые (ну, скажем, марши «встречные» или похоронные). Есть песни-марши («Священная война» Александрова, «Песня о Родине» Дунаевского) — патристические, трудовые, даже лирические. И есть маршевые интонации в широком смысле, которые пронизывают все музыкальные жанры — оперы, балеты, симфонии. Без них, в сущности, не обошлась ни одна великая симфония, будь то Пятая Бетховена, Шестая Чайковского или Седьмая Шостаковича...

Но вот и главный сюрприз! Он открывается, едва читатель приступает ко второй части книги под полупрезренным названием «Про многое другое». Он, читатель, вдруг обнаруживает, что уже основательно повзрослел и давно оставил позади прекрасный возраст детского сада и начальной школы с их милыми, наивными «тремья китами». И вот сейчас наконец он попадает в серьезную, даже специально-музыкальную школу, в которой ему доверят уже совсем серьезные и умные вещи.

Вот где начинается учение о музыке как частице жизни не элементар-

ной, но всеохватной, не примитивно-утилитарной («без музыки я зарядку делать не могу!»), но духовной по самой глубиной сути.

Что есть музыка? Что она выражает? Что может «изобразить»? Так ли далека она от мира живописи и литературы? Так ли далека музыка «легкая» от «серьезной»? Что есть восприятие музыки по существу — вопрос, в конечном итоге более всего волнующий каждого слушателя.

И здесь в распоряжение читателей поступают самые яркие, самые точные конкретные примеры, оплодотворяющие любую теоретическую мысль. Естественно, когда автор расскажет об интонации, о «стремлении» всякой мелодии как бы интонационно приблизиться к обыкновенной человеческой речи, он упомянет об эстетике Мусоргского. Но рядом он напомнит и о замечательных образцах музыки «речитативного характера» у Даргомыжского, Римского-Корсакова, Прокофьева, сближит в примерах синтеза речи и музыки такие полюса музыкальной драматургии, как «Пиковая дама» Чайковского (с ее гениальной сценой в казарме) и «Патетическая оратория» Свиридова с ее неподражаемым опытом музыкальной «денциации» стихов Маяковского.

Право же, говоря об изобразительных возможностях музыки, только композитор, и притом столь пытливый и по-юношески увлекающийся, как Кабалевский, мог предложить такой пролог: «Музыка — искусство зву-

ков, и поэтому она может воспроизвести если не все, то во всяком случае очень многие звуки и шумы, существующие в окружающей нас жизни, в природе. Кажется, никто еще никогда не пробовал составить каталог таких звуков и шумов, хоть раз произведенных в музыке каким-либо композитором. Право же, интересный получился бы каталог. В нем мы нашли бы раскаты грома и пение птиц, завывание ветра и колокольные перезвоны, артиллерийские залпы и жужжание шмеля, шелест леса и ляг скрепляющихся мечей, грохот движущихся танков и журчание ручья, шаги человека и топот конницы, рокот бушующих волн и еле слышный писк новорожденных цыплят, крик петуха и монотонный стук вагонных колес, гудение самолетных винтов и постукивание колотушки ночного сторожа...»

Действительно, целый каталог. Но дело не в количестве, а в образной сути тех наименований на бесконечно знакомые и дорогие памяти всякого любителя музыки образы, которые связаны с именами великих композиторов. Фантазия автора-сказочника поведет нас от «Шехерезады» Римского-Корсакова и «Картинам с выставки» Мусоргского, от «Пасторальной», Шестой симфонии Бетховена и Одиннадцатой симфонии Шостаковича «1905 год», от «Попутной песни» Глинки и знаменитой песни «Полюшкополе»...

Но, пожалуй, вершины своих ро-

мантических размышлений о музыке (а иначе не назовешь тот стиль, тон и размах, каким награждает автор своих читателей во второй части книги!) достигаает Дмитрий Кабалевский там, где он сближает музыку с живописью, музыку с литературой. Мы узнаем о бесконечной привязанности к музыке великого Репина, черпавшего порой свои сюжеты прямо из музыкальных впечатлений (например, образы картины «Иван Грозный и его сын Иван» — из музыки Римского-Корсакова). Следуя фантазиям композитора, мы «слышим» музыку пейзажей Левитана и видим в цвете гениальные партитуры Скрябина. И, может быть, впервые в жизни встречаемся с творениями «литовского Христора Колумба» — так назвал художника и композитора, творца живописных «морских сонат» Миналоюса Чюрлёниса восхищенный им Ромен Роллан.

Читатель с удивлением и по-новому убедится в таких, казалось бы, прописных истинах, как народный афоризм: «Из песни слова не выкинешь». Читатель получит короткий и исчерпывающий ответ на вопрос, обязательно ли надо что-нибудь представлять себе, когда слушаешь музыку.

«...Давайте договоримся так, — предлагает композитор, — если при слушании музыки в вашем воображении начинают вырисовываться какие-то определенные образы, какие-то более или менее ясные картины — это хорошо!..

Если при слушании музыки в вашем воображении не будет возникать никаких образов, никаких картин, не смущайтесь этим — это тоже хорошо!..

А что же плохо? Плохо только одно: если вы вообще не слушаете хорошей музыки, если она вас никак и ничем не увлекает и не волнует...»

Эти заметки — не реклама новому изданию. Только маленькая дань большому труду, на который отваживаются лишь самые беспокойные музыкальные сердца.

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

самые лучшие чудеса

Екатерина Борисова. СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ. Рисунки Г. А. В. Траугот. М., «Советская Россия», 1970.

Кто из детей не ждет, не требует, чтобы сказка кончилась хорошо? Человеку нет еще двух лет, но, когда ему читают про щенка: «Все ушли и одного дома заперли его», — он тут же исправляет и лучше: «А потом все пришли!»

Поэтому с таким сочувствием встретят дети книжку о девочке Веснушке, которая отправилась по свету искать счастливые концы сказок. Злая тетушка сожгла их в печке.

Веснушка отважно бродит по стране сказок — из дома Золушкиной мачехи в дом самого Людоеда, из дома Людоеда во дворец Принца — и смело восстанавливает добро и справедливость.

Уходя на поиски, Веснушка нежно попрощалась с маленьким Трубочистом, потрепанным, как всегда бывают потрепаны самые любимые игрушки. «Я взяла бы тебя с собой, но мало ли что может приключиться в пути, ты — маленький, испугаешься. Я взяла бы тебя с собой, но на улице метель, ты — тряпичный, размокнешь». Она ушла. Но маленький Трубочист вскарабкался на подоконник, прыгнул в снег и пустился за ней вдогонку...

Как ликуют злые герои, когда сгорели в печке счастливые концы! Теперь Золушкина мачеха и ее дочери с новыми надеждами устремляются на бал: больше Принц от них не отвернется, ему уже не найти Золушку! И у Людоедов в доме праздник. Те-

перь они хозяева в книжке... А Волшебница, которая всегда вступалась за обиженных и едва позволяла себе вздремнуть с полчаса в кресле между добрыми делами? Теперь она дни напролет сидит за пасьянсами, распивает чай да варит варенье, помешивая в тазу волшебной палочкой. Она стала равнодушна ко всему на свете, кроме своей особы, а это не проходит даром даже Волшебницам.

Саму Веснушку заколдовали, чтобы она никому не могла помочь. Ее превратили в собственный портрет. Она закована в золотую раму, скрыта облаком кружев и тяжелыми складками парчи, чтобы никто не узнал ее. Убраны все зеркала, кастрюли, самовары и тазы, чтобы Веснушка не могла увидеть свое отражение — иначе колдовство разрушится. Но Веснушка увидела свое отражение в глазах маленькой девочки, дочери Угольщика. И навстречу детскому взгляду, ожившая, сошла с полотна.

К этому привела целая цепочка добрых поступков. В бедном доме Угольщика хозяйка ставит на подоконник свечу — если каной-нибудь бедняга собьется с пути, пусть забредет на огонек, мы побережем для него тарелку горячего супа. Сюда-то и забрел заблудившийся, потерявший Веснушку Трубочист. Его накормили, обогрели. А он показал дочке Угольщика свое единственное сокровище — волшебную книжку сказок. Ведь маленькая дочка Угольщика никогда не видала картинок. Трубочист слышит, как она горячо шепчет матери:

«Если бы у меня была такая книжка, я стала бы совсем счастливой.

— Спи, дочка, спи... Когда-нибудь я куплю тебе точь-в-точь такую же.

— А «когда-нибудь» может случиться завтра?

— Нет... «Когда-нибудь» бывает не скоро».

Сердце у Трубочиста сжалось. И уходя, он положил заветную книжку на подушку спящей девочки. «Когда-нибудь» бывает и сегодня.

Широко открытые изумленные глаза этой девочки и расколдовали Веснушку, освободили ее из плена. Добро рождает добро.

Пусть твердят унылая Скука и ее сестры, пустоглазые тетушки: «...Сказки лгут, мечты не сбываются, а друзья предадут. Это так же неизбежно, как то, что молоко киснет и цветы вянут». С этой пресной мудростью никогда не примирятся дети. И в этом с ними заодно будет задорная и позитивная книжка про СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ.

Э. КУЗЬМИНА

недавно выпущено...

Антипин А. Н. Сначала я был маленьким. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1971. 158 с. с илл. 15 000 экз. 25 к. (Разговор о воспитании).

Глинкин П. П. Рабочие профессии и специальности. Краткий словарь. Минск, «Высш. школа», 1971. 238 с. 10 000 экз. 64 к.

Кабо Л. Сладчайшее наше бремя. М., «Моск. рабочий», 1971. 112 с. 65 000 экз. 15 к. (Очерки о семейном воспитании).

Кирого Ф. Голоса сельвы. Сказки. Рассказы. Пер. с испан. Предисл. С. Мамонтова. Худож. В. Дувидов. М., «Худож. лит.», 1971. 207 с. с илл. 100 000 экз. 55 к.

Книга о вкусной и здоровой пище. Глав. ред. А. И. Опарин. М., «Пищевая пром-сть», 1971. 448 с. с илл.; 10 л. илл. 500 000 экз. 2 р. 72 к.

Миньковский Г. М. и Бабаев В. М. Молодой человек и закон. М., «Знание», 1971. 32 с. 73 000 экз. 5 к.

Нестеров В. Г. и Степанов Р. С. Лес и человек. М., «Наука», 1971. 68 с. с илл. 20 000 экз. 22 к.

Панькин И. Начало одной жизни. Повесть и легенды. Рис. Ю. Игнатьева. М., «Дет. лит.», 1971. 303 с. с илл. 75 000 экз. 54 к. (Для детей среднего возраста).

Петрунук В. П. и Таран Л. Н. Нервные дети и их воспитание. Записки врачей-психоневрологов. М., «Знание», 1971. 80 с. 150 000 экз. 15 к.

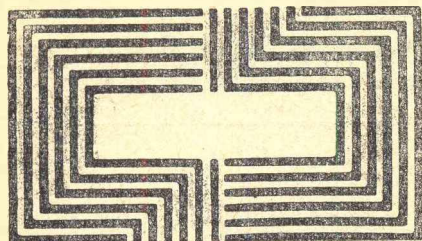
Прокофьев С. Детство. М., «Музыка», 1971. 158 с. с илл. 25 000 экз. 61 к. (Рассказы о музыке для школьников).

Сидоренко Г. И. Когда пища — яд... Профилактика пищевых отравлений. М., «Знание», 1971. 80 с. 83 120 экз. 15 к.

Томин Ю. Восемь дней в неделю. Повесть. Рис. И. Харкевича. Л., «Дет. лит.», 1971. 126 с. с илл. 75 000 экз. 34 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Шаров А. Малыш Стрела — Победитель Океанов. Маленькие сказки. Рис. В. Руденко. М., «Дет. лит.», 1971. 32 с. с илл. 100 000 экз. 18 к. (Для детей младшего возраста).

Эстетика сегодня. Актуальные проблемы. Сб. 2. Сост. И. Б. Астахов. М., «Искусство», 1971. 391 с. 10 000 экз. 1 р. 70 к.

ролан быков ставит «Телеграмму»

«Мосфильм», 10-й павильон, группа «Телеграмма»... Обычный школьный спортзал. И только тлеющие где-то высоко прожекторы, съемочная камера и какая-то удивительная, гулкая напряженность напоминают о том, что это съемочный павильон.

Мимо пробегает девушка:

— Люда, Люда, ты усы нашла?

— Есть усы! — доносится из другого конца зала.

Я решительно направляюсь к центру. Увернулась от летящего на меня мяча, переступила через скамейку, но возглас: «Осторожно — провода» — заставляет замедлить движение, оглянуться и... «Куда наступаешь? Не видишь — покрашено?» Натыкаюсь на мужчину, размечающего спортплощадку. Нет, назад к шведской стенке! Здесь, пожалуй, будет спокойнее...

И тут я увидела Ролана Быкова, режиссера-постановщика фильма «Телеграмма». Он стоял у кинокамеры и, оживленно жестикулируя, что-то говорил Анатолию Мукасею, главному оператору. С Роланом Быковым мне удалось встретиться и побеседовать еще до прихода сюда, в павильон. «Ребенок и современный мир» — вот что волнует его сегодня как актера, режиссера и человека:

«Тема ребенка в искусстве, и в искусстве кино в частности, сейчас, мне кажется, занимает большое место. К ней подходят с новых, порой неожиданных сторон. Я бы выделил

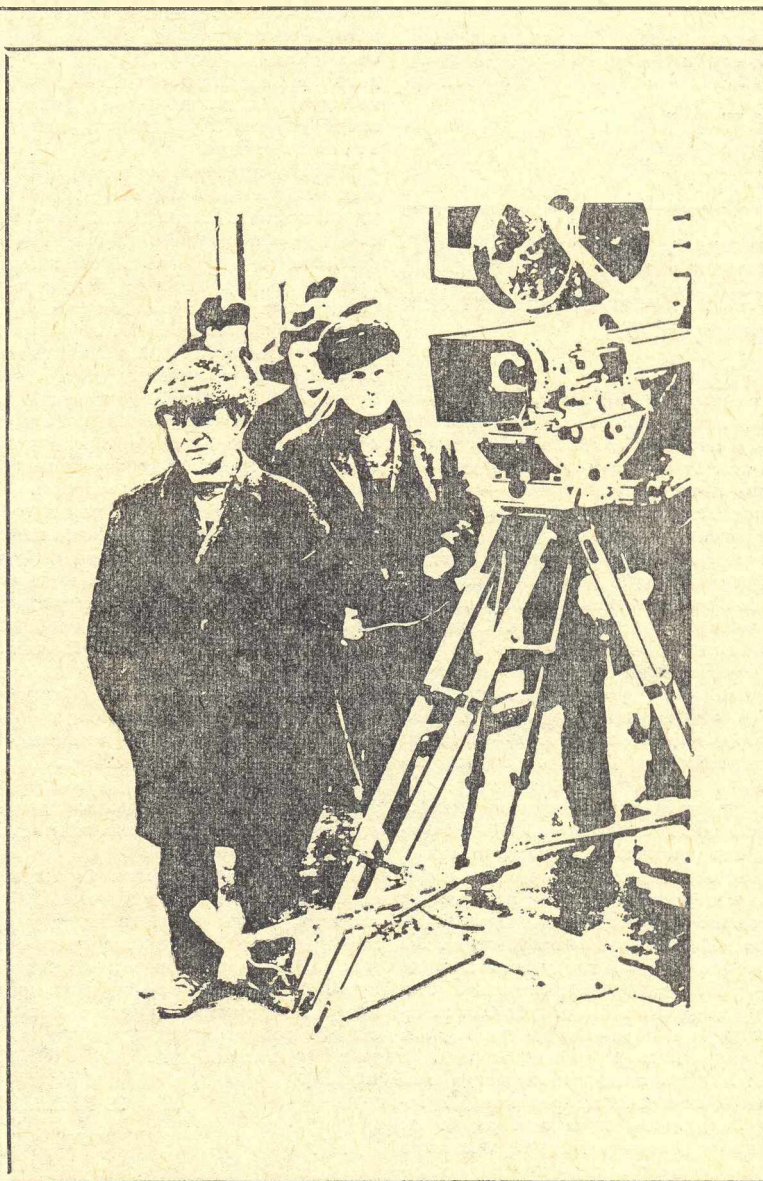
такие темы. «Дети для себя» — со своими проблемами, с воспитанием характера, с утверждением себя как личности... «Дети для нас» — это детство, детский коллектив, детская психика, уклад жизни детей, отличия детства от мира взрослых как предмет изучения.

Ну например, отчего детский день такой длинный и отчего взрослый день такой короткий? Отчего детский день такой содержательный; отчего взрослый день порой такой малосодержательный? Это не просто вопрос, это вопрос, если хотите, о продлении жизни человеческой. И изучение детства

в этом смысле может нести в себе ответы на самые важные вопросы человеческой жизни.

Почему ребенок не согласен на скуку, почему от скуки он плачет так же, как от голода, так же, как от холода, так же, как от физического страдания? Будни и скука, сопровождающие жизнь, — это именно то, что быстрее приводит человека к старости, это именно то, что делает жизнь человека в общем-то бессмысленной.

Не является ли в этом смысле жизнь детства постижением смысла жизни человека вообще? Не является ли в этом смысле детская

незлобливость, детская забывчивость, детское прощение — проявлением гуманизма? Ребенок — истинный гуманист, ибо он искренне прощает зло. Редкие дети бывают так злопамятны, как взрослые. Они мирятся и ссорятся, и это у них период активный и бурный, и в этом смысле у них есть здоровье. Моральное и психологическое здоровье существ, рожденных на радость...»

Пока идет подготовка к съемке, пока ищут мальчика Сережу, я раскрываю голубую книжку, на обложке которой написано: «Семен Лунгин, Илья Нусинов. «Телеграмма». Режиссерская разработка. Творческое объединение «Юность». Действующие лица: взрослые и 35 мальчиков и девочек 6 «А» класса. Среди них главные герои — Тоша Пятипал, Костя Карпов, Руслан Карпов и Леша Шафоростов. 31 декабря у Тоши Пятипала день рождения, 31 декабря 6 «А» класс пойдет в ГУМ покупать ей подарок, 31 декабря 6 «А» класс побывает с учителем в Литературном музее, где Тоша Пятипал увидит на фотографии рядом с Маяковским своего деда. В Литературном музее ее первый раз возьмет за руку мальчик, который ей очень нравится... Фильм расскажет о зарождении светлого и еще неосознанного чувства любви. Чувства, словно приглушенного новогодним снегом, праздничной Москвой, и воспоминаниями о другой, военной Москве, о другой, военной любви...

«Между прочим, то, чем живут взрослые, у детей занимает не меньшее место. Да-да, та самая любовь к мальчику, к подруге, к матери и к абстрактному женскому образу... Разговор во время съемок с самым маленьким моим героем: «А когда я буду сниматься с девочками?» Девочкам по 14 лет, они втрое больше его, но не в этом дело. Тема любви пронизывает жизнь человеческую с самого младшего человеческого возраста. Причем ощущения любви очень остры. Я думаю, что взрослые люди любят или ощущают любовь по воспоминаниям детства. Потому что именно в детстве, в юности, от любви плачут, рыдают, не хотят жить. В детстве от любви приходят в иступление, в детстве от любви приходят к открытию мира. В детстве все пронизано любовью. И поэтому естественно, что я искал это в тех детских фильмах, которые снимал. Я искал эту огромную нежность, влюбленность мальчиков в девочек, детей в окружающий мир. Фильм начинается с романа, кото-

рый мог бы быть. Мальчик симпатизирует девочке. Они нравятся друг другу. Но... она провела с другим мальчиком день и что-то про него узнала. Да, они вместе были, вместе искали человека, вместе добивались. Что может заменить ребенку это? Ничто. И в этом опять есть модель будущих отношений между людьми. Люди стремятся к идеалу, а любят-то они конкретно не идеал, а тех людей, с которыми пройдено вместе, с кем день, то есть жизнь прожита. Вот кого люди любят по-настоящему».

Много событий произойдет с ребятами 31 декабря... Телеграмма, найденная Костей, заставит его, Тошу и Руслана, младшего брата Кости, пройти в поисках Кати Иноземцевой, которой адресована эта телеграмма, через разных людей, разные судьбы и иное, суровое военное время.

Телеграмма была послана в 1944 году. Но были ли бессмысленными поиски Кати Иноземцевой, которая оказалась мамой Тоши Пятипала? И вот они встретились на Киевском вокзале — партизанка Катя Иноземцева и современная девочка Тоша Пятипал. Мать и дочь.

— Я Катя Иноземцева, — сказала мама.

— Ты Катя Иноземцева? — удивилась Тоша.

— Была, — сказала мама, — была Иноземцева.

— А почему же я не знала?!

— Да так... — сказала мама. — Просто мы с тобой еще ни разу ни о чем серьезном не говорили.

«Те люди, которых они искали, оказались матерью и отцом. В этом, конечно, меньше правды житейской, а больше правды поэтической, что сейчас в искусстве гораздо важнее. Да, гораздо важнее, что те люди, которых мы сейчас слышим, встречаем — чьи-то отцы и матери. Они вообще конкретные люди со своей любовью, со своими страстями, со своей судьбой и жизнью. Здесь есть грустное столкновение взрослых и детей. С увеличением жизненных скоростей, с увеличением народонаселения, с огромной концентрацией людей на малых площадях люди все больше и больше отдаляются друг от друга. Отдаляются скоростями, отдаляются толщами толпы, пробираясь один к другому, — и в этом смысле путь героев фильма общечеловечен. Мы — живые люди. Я считаю, что в основном — добрые. Мне хотелось, чтобы в фильме были добрые люди, очаровательные, разные. Но дело в том, что нас так много, у всех такие различные ин-

тересы, что на такой жизненной скорости сложно успеть понять друг друга. Не надо искать виновных, не надо искать опустошенности человеческого сердца. Ничего здесь такого нет».

Какая-то девочка радостно закричала:

— Сережа, Сережа, иди сюда!

Сережа... Мальчик, которого искали, Сережа Воинов, ученик 5-го класса 22-й спецшколы. Подожду к Сереже. Через несколько минут начинается разговор о фильме, о роли. Сережа говорит о том, что роль у него неблагодарная.

— Неблагодарная? Почему? — удивляюсь я.

— Так вот, неблагодарная, — говорит Сережа и уточняет: — снимаюсь почти в каждом кадре. Трудно это все-таки. Даже от плавательного бассейна пришлось отказаться — времени нет. Да я еще в спецшколе учусь. В английской. И еще, — тут Сережа становится совсем грустным, — роль у меня не смешная. Вот, если бы смешная была... — добавляет он мечтательно. — Роль у меня положительного героя. Мальчика, которого тайно от всех... — тут Сережа замялся, — любит одна девочка. И я ее защищаю грудью. Что за человек Карпов? Мой ровесник. Мы с Тошей все сомневались — стоит или не стоит искать Катю Иноземцеву. А потом решили — стоит. А вообще, — продолжает Сережа, — таких ребят я не видел. Честно. Вряд ли кто пошел бы на такой поиск. Ну что бы я сделал на месте Кости Карпова? Ну, во-первых, пошел бы на почту или посмотрел штемпель — когда эта телеграмма была послана. В эту роль мне трудно было перевоплощаться, потому что Костя ходит с братом, а у меня брата нет... А вы видели Руслана? — тут Сережа оживает и начинает рассказывать о своем «кинобрате» — Егоре Когане. О том, какой он смешной, и какой он умный, и какой он добрый. Рассказывает с массой интересных подробностей и деталей, увидеть которые может только внимательный и любящий человек. К нам подсаживается девочка с огромным бантом.

— А это Тоша, — говорит Сережа, — Тоша, а вообще-то она Таня Гришина.

— Таня, — спрашиваю я, — тебе нравится Тоша?

— Конечно, нравится. Она очень добрая девочка и ее взволновала эта история с телеграммой. Сниматься трудно, но, когда мы снимаемся, Быков нам все объясняет. Не кричит, а просто объясняет. Если он не объяснит, ничего не поймешь...

Как Быков снимает фильм, как он работает со своими маленькими актерами? Самым маленьким исполнителям — по 4 года. Самые старшие ребята — ученики 5—6-го классов. Со стороны может показаться, что Быков играет с ребятами в съемки фильма.

...Мальчишки в цветных костюмах заменяют на брусках мальчишек в черных костюмах. Но как долго и неуклюже они карабкаются, как неуклюже усаживаются! Быков терпеливо наблюдает. Мальчишки прыгают, но потом опять так же «ползут» на брусья. Быков терпеливо ждет. Где-то на пятой попытке он вдруг говорит:

— Давайте сделаем так. Вы посмотрите, как это делают «черные». У каждого из вас будет свой ведущий и вы будете его дублировать. Посмотрите — кто кого дублирует. Разобрались? Начали!

Буквально через минуту вся троица ловко и весело сидела на брусьях.

...Снимается самый маленький актер. Сидя на корточках перед Егором, Быков что-то ему объясняет. Егор слушает. Кивает головой. Началась съемка, а Егору вдруг захотелось погримасничать. Один дубль, второй, третий... Егор гримасничает, не обращая внимания на укоризненные взгляды стоящих вокруг людей. И вдруг сердитый голос Быкова:

— Ты как кукла! Ты мне такой не нужен! Перестань гримасничать! Я подумала, что Егор заплачет. Ничего подобного! Маленький актер вспомнил, что он играет в кино.

...На сцену школьного театра-студии вышла девочка со связкой ключей. Неловко взмахнула рукой. Неловко произнесла первую фразу своей роли. «Боже мой, — подумала я, — да ведь она даже не умеет держаться на сцене. Какие тут могут быть съемки?» Прошла первая, вторая, третья репетиции. И вдруг на моих глазах произошло чудо! В неуклюжей девочке-подростке проявились грация и обаяние, врожденные, но еще до сих пор не выявленные.

Идет третий час работы. Именно работы. Да еще какой! Каждый раз в очередном дубле надо быть предельно искренним, предельно напряженным, предельно собранным. Можно быть изумленным мгновение — но попробуйте быть изумленным в третий раз под слепящими лучами юпитеров, под десятками глаз!

Для ребят, участников фильма, работа с Быковым — хорошая школа товарищества, школа доброты, школа воспитания чувства веры в себя и в свои силы. Поверила в свое

обаяние девочка с ключами, понял, что такое ответственность за родного человека, Сережа Воинов, стали ловкими неуклюжие мальчишки.

Я видела работу Быкова, которую никогда не увидят зрители. За время репетиции он «проиграл» по очереди все роли. Я видела Быкова-баскетболиста («Ты как пасуешь мяч? Вот смотри»). Быкова-гимнаста («На брусья прыгают так, а ну попробуй»). Быкова-уборщицу. Никак не получалась сцена разговора ребят в спортзале с уборщицей Аграфеной Владимировной, которая во время войны работала в находившемся здесь госпитале. Актриса, исполняющая роль уборщицы, никак не могла «вжиться в образ».

— Ты вводи себя в воспоминания, а не в рассказ, — растолковывал актрисе Быков, — ты вытираешь пол и вспоминаешь войну, молодость.

Тут Быков взял тряпку, привычным автоматическим движением отжал ее, надел на швабру... И вдруг я увидела пожилую женщину, озаренную прошедшей молодостью...

Как Быков снимает фильм? Не только показывает, не только рассказывает. Любый детский фильм, как и любая детская игра, невозможен без импровизации. Импровизирует Быков щедро и безудержно. Талантливые режиссерские находки по ходу съемок органично переплетаются с какой-то удивительной ребячливостью и наивностью. Один из юных актеров фильма, тонко и точно уловив эту особенность режиссера, сказал: «Быков ведет себя с нами на равных. И когда бываешь на репетиции, то забываешь, что это для кино. Забываешь и как-то легко входишь и веришь в роль».

...Играли баскетболистки, вспоминала Катю Иноземцеву уборщица Аграфена Владимировна, открывался занавес школьного театра, вспыхивали и опять гасли юпитеры...

Окончился еще один день съемок фильма «Телеграмма». Погасли прожекторы. В павильоне стало непривычно тихо, просторно, сумрачно и прохладно. И вдруг выяснилось, что день был неудачный, что снято было совсем не то и не так. В опустевшем павильоне одиноко и неподвижно, опустив голову, сидел Ролан Быков.

А на просмотре отснятого материала Быков-зритель, Быков-критик судил Быкова-режиссера. Это был самый взыскательный критик и самый ироничный зритель. Быков смеялся, негодовал, давал указания и опять напряженно вглядывался в экран.

«Мне захотелось сделать фильм для ребенка самым нормальным современным киноязыком. Чтобы ребенок видел не нечто стерильное, не вычищенное, не разложенное, не пережеванное, от чего его подташнивает. Он этой пищи уже наглогался. Я хочу, чтобы он с таким же вниманием смотрел фильм, с каким он смотрит на жизнь вокруг... Я себе плохо представляю специально воспитательное произведение, хотя есть и такие. Ребенок воспринимает искусство как жизнь, как воздух. Именно искусство питает его духовный организм. Такое подлинное, настоящее искусство имеет, так сказать, суперпедагогическое значение, без возведения его в специальное педагогическое искусство.

Более того — за лозунгом педагогического искусства чаще всего скрывается искусство второсортное, назидательное, которое не является искусством и поэтому как произведение искусства воздействовать не может. Чисто «педагогическое» искусство является вариантом беседы. Это хороший вариант беседы, но это не является решением задач, стоящих в искусстве. Это может быть решением задач, стоящих перед педагогикой, перед школой; является, так сказать, наглядным воспитанием, какой-то формой воспитания, но это совсем другое, чем воспитание искусством.

Мы всегда говорим, что с детьми надо говорить взрослым языком, по-деловому. Но это мы декларируем, а практически сюсюкаем с детьми.

Это глупый разговор. И многие фильмы, так называемые детские, несут на себе печать этого сусального сюсюканья. Они несут на себе печать того упрощения, которое дети нам по простоте душевной извиняют. А мыслят дети не упрощенно. Дети работают на тех же скоростях, на тех же волнах, что и взрослые».

Скоро «Телеграмма» выйдет на экраны...

А. КОЛЕГАЕВА

счастье — это когда
тебя понимают

подросток на экране и перед экраном

Как помнят читатели, в прошлом году редакция нашего журнала вместе с редакцией журнала «Искусство кино» провела совещание на тему «Духовный мир подростка и наш экран». Отчет об этом совещании был напечатан в сентябрьском номере «Семьи и школы». Там же мы обещали продолжить разговор о кинематографе для детей и юношества. Сегодня — первые отклики.

Наивно полагать, что подросток смотрит только те фильмы, которые предназначаются ему. Наоборот, он чаще смотрит то, что адресовано взрослому зрителю. Я беседовал со старшенклассниками и просил назвать те кинофильмы, которые они смотрели несколько раз. Ни один не назвал специально «детской» или «подростковой» картины. Впрочем, это легко понять. В круг подросткового чтения (и изучения в школе) прочно вошли книги, авторы которых предназначили их взрослым: «Война и мир», «Евгений Онегин», «Как закалялась сталь», «Мать» и т. д. Это классика. Но ребята читают не только классику. Соответственно и фильмы, наиболее популярные среди старшенклассников, привлекают их отнюдь не воспитательскими качествами. Это, к примеру, «Кавказская пленница», «Спартак», «Граф Монте-Кристо», «Бриллиантовая рука», «Дикое сердце», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Мистер Инс», «Пусть говорят!», «Большая прогулка», «Мое последнее танго». Что их привлекает в этих фильмах? Ответить нетрудно: юмор, приключения, музыка, экзотика.

И в этом нет ничего криминального. На здоровье!

Но речь идет о другом: почему менее популярны кинофильмы о самом подростке, фильмы, заставляющие его задуматься о главном в его жизни, о будущем, о моральных ценностях, о труде, чести и т. д.? Один мой знакомый ответил на этот вопрос так: молодежь бездумна и легкомысленна, у нее нет высоких идеалов, интересы приприменены: спорт, джаз, модные одежды. В чем-то с ним можно согласиться, но с оговоркой, что это крайность. Думаю, что высокая стремления и моральная принципиальность у наших ребят есть, но они чуждаются пафоса, громких слов, стесняются «говорить красиво».

К тому же, наверное, естественно, что комедию или детектив ребята смотрят по несколько раз. Это не дол-

жно обижать авторов, условно говоря, «проблемных» фильмов, адресованных школьникам. Тем более что эти картины тоже вызывают у ребят интерес и заставляют их задуматься.

Беседуя с ребятами, я выяснил, что из кинофильмов «на школьную тему» их больше всего привлекли следующие: «Доживем до понедельника», «Переступи порог», «Я вас любил». Каждый из них по-своему раскрывает разные стороны бытия школьника. В фильме «Доживем до понедельника» ребята проникают в мир учительской жизни. Как сказала одна девятиклассница, новое здесь — это «взаимоотношения учителей не на глазах учеников». Учитель всегда вызывает пристальное внимание школьников. По-разному они относятся к тому или иному учителю. Одному подчиняются, другому верят. Не только ему верят, но и верят в него. Есть учителя-кумиры, и почему-то иногда считается, что тем он больше кумир, чем тщательнее скрывает от учеников свои слабости, свой быт, свои «взрослые» отношения — словом, все то, чем он живет за порогом класса. А здесь кумир в учительской, дома, на улице; он влюблен, он счастлив и несчастлив одновременно — он живой человек, а не икона. И это импонирует ребятам, тем более что они решительно и единодушно выступают против идеального киногероя только потому, что это «будет неправдой». Им нужна правда. Конечно, иногда они с горечью отмечают, что «это в жизни бывает не всегда». «Это» — взаимоотношения между Ильей Семеновичем Мельниковым и его учениками. Но тут виновато не кино. Тут свои огорчения.

Очень многих ребят задел эпизод с сочинением о понимании счастья, и они не могут простить Светлане Михайловне того, что она, по словам одного мальчика, «не может понять высшего стремления к чистоте и правде ее учеников». И любопытен вывод: «Это становится трагедией для учителя».

Нет, уж извините меня, разве это бездумное отношение к кино?

О Мельникове они говорят: побольше таких учителей в жизни. И это не отвлеченное пожелание. У многих появился практический интерес к профессии учителя и, может быть, начало призвания.

О фильме «Переступи порог» этого не скажешь. Учительская жизнь представлена там унылой. Но ребята обращают внимание в этой картине на другое. Их привлекло то, что главный герой отказался от возможности поступить в институт нечестным путем. Тоня Иванова из девятого «Б» мне рассказывает: «К сожалению, многие мечтают поступить хоть в какой-нибудь институт, не думая о своей будущей профессии. Но самое важное — понять

другое: надо искать и найти свою дорогу в жизни».

Замечу, между прочим, что у ребят большой интерес не только к сюжетам и проблемам кино; они знают многих актеров. Дело доходит до того, что фамилия героя, Мельникова, вообще выпадает из памяти, ее нет, а есть фамилия актера — Тихонов. Они так и говорят: «Тихонов победил и директору», «Тихонов хотел уйти из школы» и т. д.

У многих ребят вызывает симпатию фильм «Я вас любил» — милый, лиричный; и не только потому, что он про любовь, но еще и потому, что он о достоинстве, о необходимости беречь свою честь и честь подруги, беречь свое чувство и дорожить им. Это, так сказать, «проблема», но она ненавязчива и органична в фильме, что тоже приятно.

Вот так мы поговорили с ребятами и пришли к выводу, что такие картины очень им нужны, хотя по количеству просмотренных сеансов они уступают комедиям и детективам.

Как будто мы пришли к согласию, и только один Гриша Лялин из восьмого «А» твердил свое: «Все равно, взрослые фильмы лучше. Что такое детский фильм? Та же надоевшая родительская нотация, но только в интересной форме!»

Нотация, как видите, нежелательна...

В беседе с ребятами я затронул еще один вопрос. Я поинтересовался тем, как их родители относятся к тем фильмам, которые они смотрят. Большинство отметило чуть ли не полное равнодушие пап и мам. «Мне разрешают смотреть все», «Они и не знают, что я смотрю», «Родители мне доверяют».

Может быть, это бравада, а может, и действительно так. И в этом случае хотелось бы выразить сожаление. Я веду речь не только и не столько о запрещении детям смотреть какое-то «взрослое» кино. Есть случаи, когда это бесспорно. Но жаль, что родители просто безразличны. Ведь даже о том же «школьном» фильме можно поговорить в семье. Но как поговорить — это тоже проблема, и очень серьезная. Володя Спиридонов из восьмого «А» говорит: «К фильмам, которые я смотрю, мои родители относятся по-разному. Когда мне смешно, им совсем не смешно. Но вот когда мне грустно или жалко кого-нибудь из кино, то и им тоже грустно и жалко». Чем же это объяснить? Разницей в возрасте, жизненным опытом, взглядом на жизнь? Во всяком случае действительно «грустно и жалко». Одна девочка пожаловалась, что ее папа пренебрежительно относится к кинокомедиям и требует, чтобы она смотрела только серьезные, поучительные фильмы.

И я вдруг испугался: а не похожи ли мы в чем-то на этого папу? Не слишком ли мы назидательны и скучны? Может быть, нам тоже не смешно, когда ребята смеются?

Но и создатели «школьных» кинофильмов тоже должны уметь смеяться вместе с ребятами, чтобы было взаимопонимание, а следовательно, и счастье, как сформулировал один очень симпатичный киногоерой.

С. БОГУСЛАВСКИЙ,
директор 483-й московской школы

прогнозировать будущее

В этом разговоре, который идет вокруг темы «Подросток и кино», мне особенно близка позиция сценариста Г. Полонского. Он делает сценарий о личной ответственности подростка, о том, кто и что имеет право требовать от жизни, от окружающих, от родителей. На мой взгляд, сегодня эта тема, пожалуй, одна из самых злободневных. Наши дети, выросшие (в 99 случаях из 100) не зная не только нужды, но и слова «нет», с молоком матери впитывают сознание своей не просто важности, а, я бы сказала, своей сугубой значимости для нас. И своего права на все, что видят глаза. Это очень серьезная проблема, даже узел проблем, который завязали не подростки, а мы, взрослые. И нам его развязывать (или разрубать), потому что мы ведь хотим своим детям добра. А добро должно уметь видеть дальше своего носа, уметь предвидеть последствия. А последствия такие, что в погоне за сладкой и легкой жизнью подросток, если его не остановить, вырастает во взрослого пошляка. Как остановить? Только трудом.

Ребята знают, что любой труд в наши дни требует не просто приложения физической силы, но и напряжения интеллекта. Да, они знают это и уважают интеллектуалов.

Я сначала хотела взять это слово в кавычки, а потом решила — а почему? Почему в кавычки? Нет, ребята уважают не псевдо, а подлинных интеллектуалов и хотят быть похожими на них. Не всем это удается, и здесь тоже тема для кино: погоня за внеш-

ними признаками интеллигентности, стремление быть «не хуже», не прилагая для этого больших усилий.

Итак, «похожесть» при умственной лени. Это и порождает современного пошляка. Он говорит «на уровне» и одет по последней моде, он всегда «в курсе» и ни о чем не знает как следует. Он всегда и во всем на уровне оглавления. Он пошляк, только подростку это трудно понять. Мне очень хотелось бы показать своим детям и их друзьям фильм о «пошлости пошлого человека». Это уметь делать Гоголь. Но ведь на Николае Васильевиче жизнь не кончилась. Да и пошлость изменилась. Посмотреть бы фильм о Хлестакове наших дней. Не о том, как он пугает городского, то бишь председателя исполкома, а о том, как он умудряется держаться на поверхности в научном институте, в школе, в классе, в компании сверстников.

Тут есть одна сложность — кинематографисты в пылу разоблачения иногда так увлекаются деталями, что фильм из разоблачительного становится инструктивным.

Нет, это должен быть разоблачительный фильм, но очень тонкий и очень верный. Это должна быть сатирическая комедия, без заигрывания и панибратства с героем. Во всей России вот уже больше ста лет никто сознательно не хочет подражать Хлестанову (настолько он ясен и осмеян), а тому же Фантомасу ребята подражают охотно. Почему? Да потому, что видят в нем ряд необычных черт. И еще один фильм хотелось бы увидеть. Фильм с условным названием «Современный человек». В понятии многих сегодняшних подростков современный — значит, мягко говоря, морально «смелый», морально освободившийся от ряда традиционных норм и понятий. Тот, кто умеет выпить и повеселить публику, кто умеет закури́ть и знает толк в сигаретах, кто свободно держится в любом обществе — тот и современный! Не понимают еще ребята, что именно этот тип стар как мир. Что современность сегодня — это богатство знаний, образованность и умение творчески работать. Что сегодня работать нетворчески невозможно, потому что невыносимо скучно. И что сегодня жизнь особенно стремительна, терять время нельзя. Хорошо бы показать им современного человека. Как? Не знаю... Знаю только, что подростки особый народ. То, что они воспитывают в себе сегодня, станет определяющей чертой поколения через десять лет. Это сложный вопрос, для его разрешения и понимания, наверное, стоит посоветоваться с социологами, с психологами. Ведь подобный фильм должен не только констатировать то, что есть, но и как-то прогнозировать будущее.

Л. ОЧАКОВСКАЯ

старинные наставления

пчела и зевс

Пчела целыми днями летала в поисках нектара, а человек приходил и забирал большую часть меда. Правда, оставшегося вполне хватало пчеле, да и кроме того человек строил для нее жилища, приносил воду, чистил и убирал, но все-таки пчела была недовольна. И день ото дня все больше. Вот и решила она пожаловаться всемогущему Зевсу. Взяла сладкие соты и полетела на восьмидлавый Олимп. Зевс остался доволен подарком и пообещал выполнить все, что она пожелает. Тогда пчела обрадовалась и сказала: «О, творец всего живущего! Кто кроме тебя достоин вкушать сладость меда?! Даруй мне беспощадное жало, чтобы я могла разделаться с каждым, если он посмеет приблизиться к моему богатству». Эта просьба пришлась совсем не по душе создателю человека, и, нахмутив брови, он ответил: «Будет по-твоему. Ты сможешь ужалить того, кто подойдет к твоим сотам, но, насытившись мстостью, потеряешь ненужное жало и в тот же момент погибнешь — злоба не может родить ничего, кроме зла и несчастья».

мышь полевая и мышь амбарная

Полевая мышь свела дружбу со своей родственницей, жившей в амбаре, и зазвала ее в гости.

Та согласилась, пришла в назначенный час, отведала ячменя и пшеницы, запила угощение дождевой водой и говорит: «Живешь ты, прямо сказать, незавидно. И еда у тебя грубая, и посуда простецкая. То ли дело у меня! Приходи — сама увидишь». Настало время, пришла полевая мышь к ней в амбар. Видит: и впрямь всего вдоволь — хлеб печеный, и финики, и сыр, и вино, и мед... Да мало того — как все это благородно подано! Сыр на роскошном блюде, мед и вино в тонкогорлых сосудах... Но только взялись они за угощение, как дверь открылась, и в амбар вошел человек. Мышки перепугались — и наутек. Отсиделись по щелям, пока хозяин не вышел, и снова к столу. Да не тут-то было: снова закричала дверь, снова кто-то вошел, снова пришлось бежать без оглядки. И так несколько раз. Наконец голодная и перепуганная гостья сказала богатой подруге: «Спасибо за угощение! Живи в своих хоромах, объедайся, сколько душе угодно, а мне куда больше по праву грызть свой ячмень и пшеницу. Гораздо лучше жить скромно и спокойно, чем в роскоши и довольстве, но в постоянном страхе».

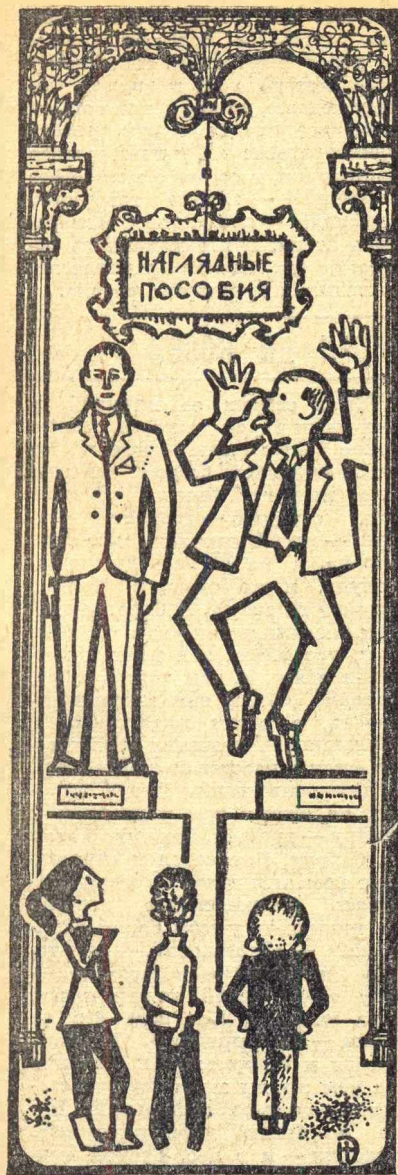
награда за лицемерие

Однажды по дороге, возле которой жили лев, ворон, шакал и волк, проходили торговцы, и от них отстал верблюд, искавший безбедного, легкого существования. Лев принял его благосклонно и разрешил остаться. Все пошло как верблюд мог только мечтать: лев уходил на охоту, а потом делился добычей со своими подданными. Но как-то лев встретился на узкой тропинке с могучим слоном и вернулся домой, изнемогая от ран. День, и другой, и третий не мог он выходить на охоту. Тогда ворон сказал: «Мы помним прежние твои благодеяния, о царь, и видим, как ты страдаешь от боли и голода. Мне нечего предложить тебе, кроме себя самого, — убей меня и насысь». Другие возражали: «Не болтай пустого. Что в тебе проку — кожа, кости да перья». Следом вышел вперед шакал: «Я, о царь, буду тебе пищей!» Но его оборвал волк: «Прекрати. Твое мясо скверно пахнет и непригодно для еды. Возьми меня, царь!» — «Нет, нет!» — в один голос закричали ворон и шакал. — Разве ты не

знаешь, что волчье мясо приносит удушье?!» Верблюд совсем не хотел жертвовать собой ради льва, которого он и знал-то без году неделю, но видя, как остальные все сходит с рук, решил притвориться: «А у меня и мяса достаточно, и есть его можно без опасений!» — «Верно говоришь, верблюд!» — нежданно согласились звери, и все кончилось совсем не так, как он предполагал, выказывая притворное рвение.

баран да козел

Жили старик со старухой, у них были баран да козел, только такие блудливые — совсем от стада отбились, бегают сами по себе, ищи где хочешь. «Знаешь что, старуха, — говорит старик, — давай заколем козла да барана, а не то забредут куда-нибудь, и не отыщем. Только пропадут даром». А баран с козлом оказались как раз под окошком, услышали эти речи и убежали в лес. А там темно, сыро, холодно. Стали они хворост собирать, а потом подкрались к угольщикам, утащили у них головешку и разожгли свой костер. Сидят-посиживают. Вдруг выходят на огонек три медведя и к костру — греться. Страшно козлу да барану. Вот козел и спрашивает громким голосом, чтобы напугать непрошенных гостей: «А пицаль-то у тебя, баран, заряжена?» — «Заряжена». — «И топор наточен?» — «Наточен». — «Ну тогда давай зажарим вон того медведя. Мы ведь его не звали — сам пришел». Медведь оробел и говорит: «Ах, братцы! На чем же вы меня жарить станете — огонь-то маленький. Нука я сбегая дров наломаю». Вскочил — и в лес. Второй медведь посидел немного и говорит: «Что это он так долго? Пойду потороплю». И следом. А третий видит, что его одного бросили, заревел от страха и без всяких отговорок — кубарем в кусты. Козел перевел дух и говорит: «Ну, баран, едва отделались. Да только не всегда же нам везти будет — чем тут, в лесу, всякого шороха бояться, пойдем лучше домой. Может, старик и сжалится, а не то — все одно пропадать». Пришли домой и стоят — смиренные такие, послушные. Старухе жалко их стало: «Неужто нам есть нечего? — говорит старик. — Пусть себе поживут». — «И то ладно». Стали они жить-поживать, а баловство свое совсем оставили.

ГДЕ? КОГДА? КАК?

Художник Н. Эстис

уроки хороших манер

Мы получили письма, из которых видно, что правила культурного поведения в общем известны всем, но не всегда ясно, как их применять.

Некоторые читатели считают, что научить детей вежливости очень трудно, и приводят разные тому причины.

Сегодняшний разговор — об этих довольно сложных вопросах.

пример и еще раз пример

Очень сложное дело — сделать вежливость привычкой, но при постоянном напоминании на уроках в классе можно кое-чего добиться. Чем чаще ребенку будут об этом говорить, тем скорее он обучится хорошим манерам...

Очень бы хотелось, чтобы на уроках воспитания классные руководители отводили 15—20 минут на объяснение хороших манер.

М. ДУРНЕВА,
медсестра
село Благодарное
Ставропольского края

Надо, чтобы культурным манерам учили в школе, как учат грамоте. И, конечно, это должен быть урок, который начинается и кончается по звонку. Но только учить — недостаточно. Иногда приходится сталкиваться с такими фактами: ученик поступает неправильно и ему делают замечание, но не объясняют, как в данном конкретном случае надо поступить.

Например, мой внук получил замечание — записали в дневнике: «Лазал под парту». Я его спрашиваю: «Зачем лазал?» Он отвечает: «Сосед уронил ручку, я ее ему достал». Я опять спрашиваю: «Разве вам не объяснили, как надо поступить в таком случае? Надо поднять руку и попросить у учителя разрешения». «Нет, — отвечает внук, — у нас никто так не делает». Вот я и считаю, что просто делать замечания бесполезно. Ребенок должен понять, как когда поступить и почему. Вот это бы было хорошо.

Г. ВАСИЛЬЕВА
г. Саратов

...Только и слышишь: «Школа должна, школа обязана». Вот я где-то, не помню где, читал, может быть даже в вашем журнале, такую статью, в которой говорилось, что необходимы специальные уроки вежливости, а то дети, мол, не знают, что вежливо, что не вежливо.

И еще были статьи, тоже, к сожалению, не помню, в каких газетах, там предлагают проводить уроки подготовки к семейной жизни, уроки танцев, уроки, как смотреть кино.

А тут же пишут статьи о перегрузке, о том, что рабочий день ученика больше, чем у взрослого, и тоже обоснованно предлагают освободить детям субботу, как и всем трудящимся.

Все статьи правильные и написаны от чистого сердца, потому что хочется, чтобы наши дети были всесторонне развитыми. Но все-таки стоило бы подумать: а реально ли увеличивать всевозможные уроки?

Я, например, очень недоволен, что мои два сына, один кончил, а один кончает десятилетку, не знают английского языка, который они учили на приличные отметки. Вот уж действительно что надо бы увеличивать и улучшать!

Не всякая семья может оказать помощь в изучении иностранного языка. Но ни за что не поверю, что кому-то не под силу научить своего ребенка вежливости, или еще говорят — хорошим манерам, которых мы будто бы не знаем. Ничего подобного, отлично знаем, что надо уступать место слабым и старшим, говорить «спасибо» и «пожалуйста», не гоготать во все горло в общественных местах, не разваливаться, когда сидишь, не сорить, не плевать. Эту азбуку вежливости не надо учить. Во всем этом надо ребенка тренировать с того самого момента, когда он еще неверными шажками подошел к тебе или к кому-нибудь из семейных и стал сталкивать со стула. Ты, мол, встань, а я сяду... Мы же часто на это никакого внимания не обращаем, а потом требуем от школы: «Научи! Объясни!»

Если даже найдется такой мудрец, который «выкроит» в школьном расписании час-другой для преподавания хороших манер, то уверен, что это будет лишь формальность. Ведь и без уроков детям постоянно твердят, что такое хорошо, а что такое плохо, но они все-таки не усваивают. Почему же? А потому, что правила хорошего поведения сильнее всего и прежде всего внушаются примером.

Если на ребенка грубо кричат, можно ли от него требовать веж-

ливости? Если дома не принято накрывать на стол, если старшие едят неряшливо — то все кем-то сказанные правила поведения за едой будут ребенку непосильны, стеснительны, даже смешны.

Эти примеры можно продолжать до бесконечности. Поэтому еще раз хочу повторить: не надо отговариваться, что мы не знаем хороших манер и поэтому не можем передать их детям. Скорее всего, не хотим ли мы переложить на кого-то эту трудную работу? А она и правда трудная, потому что взрослым самим в этой учебе надо быть наглядными пособиями. И не на час, а все время.

П. ЛУПАНОВ
Ленинград

за семейным столом

Уважаемая редакция!

У нас двое детей — дочь Таня, пойдет осенью во второй класс, сын Игорь, ходит в сад. Я работаю по сменам, жена — днем. Понятно, что дома мы вместе бываем не каждый день и вечер.

И вот когда у нас организовывается общий обед с детьми, мы с женой ссоримся.

Сам я рос в яслях и садах, учился в институте и очень крепко приучен к тому, что за столом кушают молча. И если за столом во время еды (не за праздничным столом, конечно) разговаривают, у меня портится аппетит и настроение.

А жена считает, что за столом во время еды можно обращаться к детям с вопросами о еде, спросить, вкусно ли, послать ли тебе, дать то или это, и дети должны отвечать на вопросы, хвалить или не хвалить блюда во время еды.

Ответьте, пожалуйста, как правильно проводить обычные семейные обеды? Может, неправы мы оба? Может, я «перегибаю» (устраиваю «казармизацию», как говорит жена). Или есть какие-то «серединные «золотые» правила на этот счет?

А. РАЗДОВУДЬКО
г. Запорожье

Ответить можно просто: мама права.

Из самых золотых правил взаимной любви и уважения исходит наш ответ. Мы представили себе женщину, которой не каждый день удается собирать за столом свою семью. Но вот — посадила мужа и детишек: «Кушайте, милые! Не по-

ложить ли еще?» Ведь старалась, готовила и хочет узнать, пришлось ли по вкусу. Да и мало ли о чем еще хочет узнать, спросить.

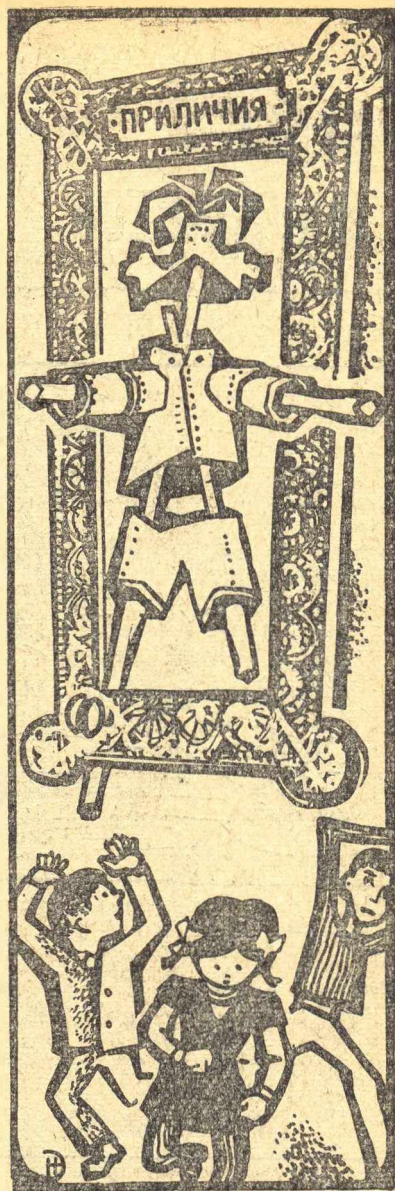
Невежливым за таким столом окажется тот, кто не оценит материнской заботы. Кто не просто откажется от какого-нибудь блюда, а скорчит недовольную гримасу. Кто прервет хозяйку хоть строгим, хоть шутивым: «Когда я ем, то глух и нем».

Но ведь действительно есть и такое правило, оно тоже не зря получило известность. Разве оно бесполезно? Нет, это правило хорошее, особенно удобное в яслях, детских садах, пионерских лагерях, где за столами много ребят, и если они поднимут галдеж, воспитателям не справиться, не угладеть, кто ест, кто не ест. И хорошо, если человек привыкнет к спокойной обстановке во время еды. Она необходима и взрослым, и детям, и дома, и в общественном месте. Однако спокойная, а не напряженная, и надо стараться за столом по возможности меньше делать детям замечаний, разве только в крайнем случае.

И из полезных правил можно сделать пугало, можно добиться, что в рамках непрерывно внушаемых приличий человек будет себя чувствовать как в обуви, которая жмет, когда труден каждый шаг. У ребенка, которого постоянно одергивают, возникает понятное стремление освободиться от тирании приличий, что он и делает при всяком удобном случае.

Из всех правил поведения жизнь утвердила, приняла лишь такие, которые не ломают в человеке его законных потребностей, а лишь помогают ему выявить свою доброту, отзывчивость и деликатность. Вот почему поведение воспитанного человека — это прежде всего естественное поведение. Только один основной закон помнит воспитанный человек: стараться быть приятным для окружающих. А уж правила поведения, вытекающие из этого закона, он сумеет применить в зависимости от обстановки.

Поэтому не спрашивайте, как правильно проводить семейные обеды, просто обедайте, будьте великодушны и ласковы в кругу семьи. Вы не привыкли разговаривать за едой? Что ж, привычки отсюда следует уважать. И мать, наверное, мягко, но настойчиво внушает детям, что застольная беседа не должна быть слишком громогласной. Но если вдруг произойдет за столом что-то веселое и ваш малыш рассмеется, а то и заболтает ногами, да, не дай бог, еще и прольет суп, строгий папа в сердцах не

швырнет ложку, не накинется на него и на жену: «Распустила! Я что говорил?». Десять других способов можно найти, чтобы успокоить ребенка, и все ради одного: ради того, чтобы сохранить за обедом хорошее настроение.

И если уж хотите, чтобы все было по правилам, то это и есть главное золотое правило: вести себя за семейным столом так, чтобы у всех было хорошее настроение.

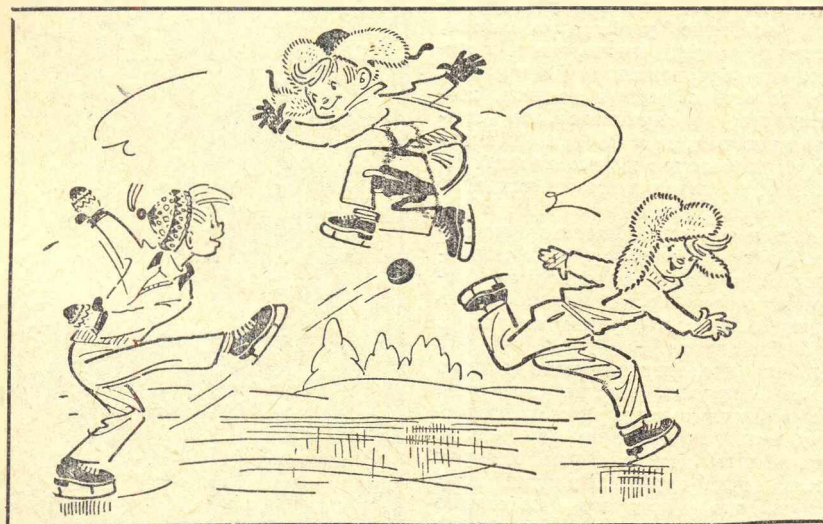
Приятного вам аппетита.

Л. ИВАНОВА

игры фигуристов

Около миллиона пар фигурных коньков раскупаются ежегодно в наших спортивных магазинах. Живут коньки не год и не два; легко представить, сколько детей и взрослых катаются на фигурных коньках!

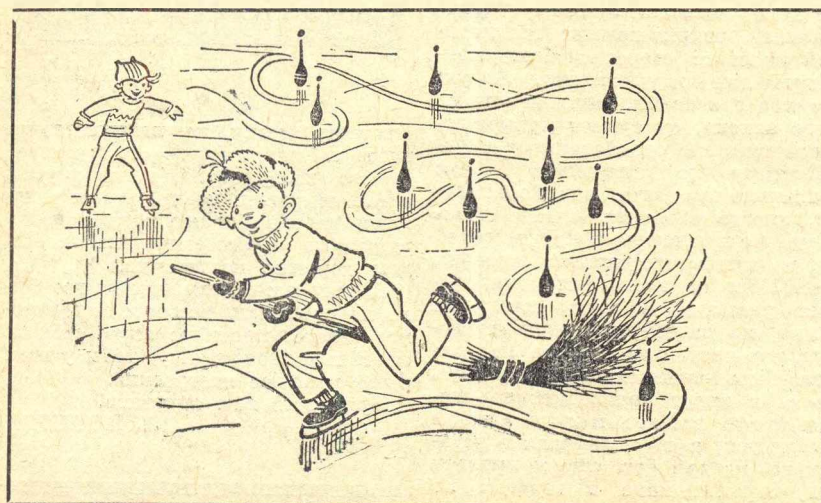
Для них мы и предлагаем сегодня несколько игр. Думаем, что они будут неплохим дополнением к тем упражнениям, которые выполняются под руководством тренеров в школах и группах фигурного катания.

Художник А. Орлов

ласка

Игра в салки на коньках очень полезна фигуристам — ведь здесь надо быть расторопным, ловким, уметь делать неожиданные прыжки и повороты, подпрыгивать, приседать, скользить назад. Чтобы игра шла побыстрее, водящий должен не рукой коснуться убегающего, а задеть его мячиком, льдинкой или легкой детской пластмассовой шайбой — в общем, осалить ласково. Может быть, поэтому игра и называется «ласка». А может быть, просто потому, что в слове «салка» взяли и переставили буквы.

на помеле

Это комическая гонка. На ледяной площадке расставляются в самом неожиданном порядке гимнастические булавы, кегли или просто деревянные бруски.

Участник игры должен верхом на метле проехать по установленному маршруту и не сбить ни одной булав. А если сбил — вернись, поставь ее на место и тогда продолжай бег.

Побеждает тот, кто оказался быстрее.

Игру эту можно проводить и как эстафету. Тогда понадобятся два ряда булав. И вместо эстафетной палочки передается метла.

игры фигуристов

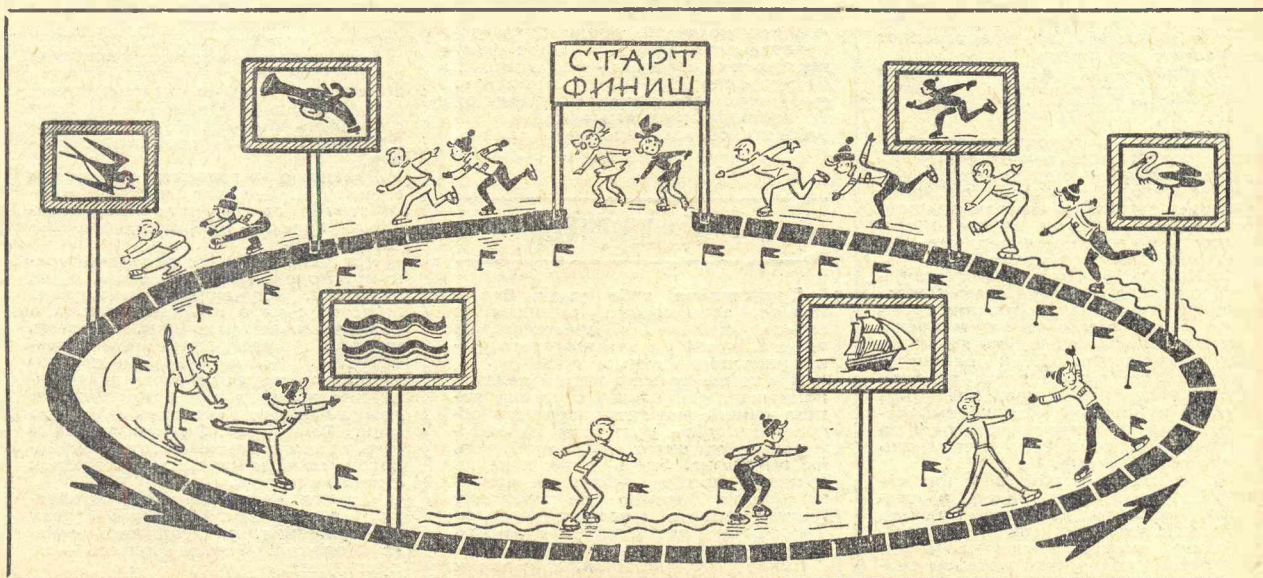
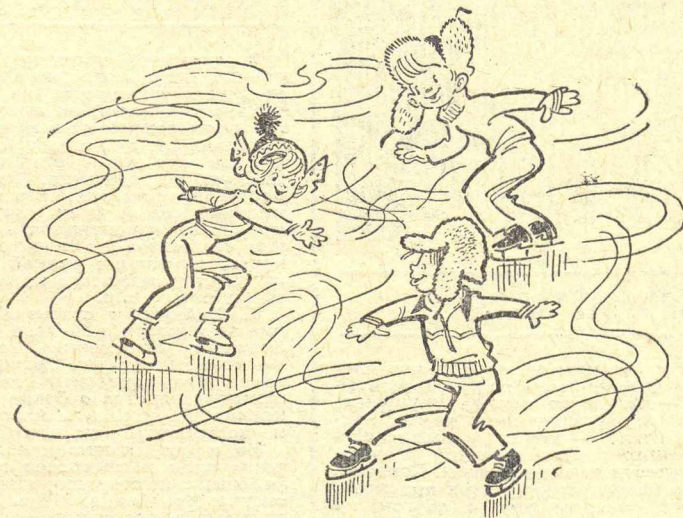
чешские салки

Главное здесь — не отрывать коньки ото льда. Если, спасаясь от преследования, убегающий нарушит это правило, он станет водящим. Если же водящий оторвет конек ото льда, то, даже настигнув убегающего, он остается водящим.

Сгибая ноги в коленях и наклоняясь то в левую, то в правую сторону, можно развить большую скорость. Так что игра эта очень полезна фигуристам. Привезли ее к нам чехословацкие спортсмены, поэтому так она и называется.

эстафета фигуристов

На ледяной площадке устанавливают шесть транспарантов-эмблем, показывающих, каким способом скольжения надо пройти очередные 15—20 метров. Конечно, виды скольжения и их последовательность вы можете выбрать и не те, что показаны на рисунке.

если отстал...

Ни для кого не секрет, что плохая успеваемость по русскому языку — результат чего-то упущенного или пропущенного ранее. Русский язык — это свод правил, следующих в определенной закономерности одно за другим. Понятия, рассматриваемые в этих правилах, тоже связаны друг с другом: не поймешь одно — следующее уже будет трудным.

Прежде всего надо найти тот раздел, то правило, с которого началось непонимание ребенком материала; затем следует постепенно пройти весь курс до нового материала вместе с ним. В то же время нельзя упускать из виду, что новый материал появляется после каждого урока — его тоже надо попутно объяснять. Это представляет основную трудность.

Профессор И. А. Фигуровский предлагает три возможных приема объяснения нового материала отстающим.

1. Просто и доходчиво пересказать содержание параграфа учебника, показать на примере, как применяется правило, побудить ученика самого прочитать правило по учебнику. Затем вместе с ним выполнить домашнее задание, попутно объясняя непонятное.

2. Начать с выполнения наиболее удобного примера, разъяснить ход работы, решить две-три грамматические задачи, а затем постараться понятно изложить содержание параграфа. Если параграф трудный, то лучше всего разбить его на части и к каждой поставить вопрос и дать на него четкий ответ. Затем прочитать параграф по учебнику и совместно выполнить домашнее задание.

3. Добиться, чтобы ребенок самостоятельно разобрался в правиле. Показать действие правила на одном или двух примерах и выполнить вместе с ним часть упражнения, после чего ребенок снова читает параграф и сам доделывает

домашнее упражнение до конца.

Эти приемы могут варьироваться, могут взаимно пересекаться, каждый может внести в них свое, конкретное, относящееся непосредственно к данному случаю. Главное же здесь в том, что поддержка родителей, не желающих оставлять своего ребенка в беде, окажет на него мощное психологическое воздействие, и он в конце концов сам захочет исправить создавшееся положение.

(«Русская речь», 1971, № 5)

помогите закону охранять ваши права

В судебной практике нередки случаи, когда право на наследство умершего признается не за женщиной, с которой он прожил долгие годы единой семьей как фактический супруг, а за той, с которой он уже давно разошелся, но развода не оформил. Лицам, не расторгнувшим старый и не оформившим новый брак, государство не может гарантировать получение алиментов по нетрудоспособности, выделение равной доли из имущества, нажитого при совместной жизни, и т. д.

Е. И. Аюева в статье «Укрепление законности в области семейно-брачных отношений» обращает внимание на то, что граждане должны знать основные положения законодательства о браке и семье, правильно понимать их сущность и последствия их несоблюдения.

Не менее сложна проблема охраны прав и интересов матери и ребенка при отсутствии акта о регистрации брака. Ведь нелегко установить все признаки, характеризующие семью: кровное родство, совместное ведение домашнего хозяйства, материальное обеспечение детей и престарелых, бытовое обслуживание членов семьи и т. д. Особенно трудно выделять эти признаки, если брак был кратковременным. Суды иногда вынуждены отказывать в удовлетворении иска матери ребенка из-за того, что она не могла представить доказательств, подтверждающих факт признания ответником отцовства. Государство не может в полную меру охранять интересы граждан, не соблюдающих его законы.

(«Советское государство и право», 1971, № 8)

а вы не шутите?

Представьте себе урок. Все в классе старательно внимают в смысл сказанного учителем, и вдруг... смех! Да это же срыв урока, нарушение дисциплины!

И в то же время каждый педагог понимает, как важно в самый напряженный момент разрядить обстановку, дать ученикам на некоторое время отвлечься, освободить их внимание. Здесь-то на помощь и может прийти сказанная вовремя шутка. Именно она разрядит напряженность и поможет создать атмосферу дружеского единства между учениками и учителем.

Более того, хорошая, вовремя и к месту употребленная шутка —

очень действенный воспитательный фактор. Конечно, не каждому в равной степени присуще умение легко, непринужденно, а главное, к месту шутить. Может статься, что шутка не будет понята детьми и окажет обратное действие. Поэтому с ней надо быть осторожным.

Учителям автор статьи «Юмор учителя» Д. Гришин, заведующий кафедрой педагогики и психологии Калужского педагогического института, советует обратить особое внимание на воспитание в себе чувства юмора, умения быстро реагировать на настроение школьников. Конечно, чувство юмора — природное качество, но человека, вовсе не понимающего шутки, по мнению автора статьи, не бывает — надо лишь неустанно развивать в себе это качество. Д. Гришин рекомендует две книги, которые могут в какой-то степени восполнить пробел в понимании юмора. Это книга Ю. Борева «Юмористическое» и А. Луна «О чувстве юмора и остроумии».

Юмор может стать одним из важнейших воспитательных приемов школьного учителя. И только ли учителя?

(«Народное образование», 1971, № 9)

породистый и беспородный

Вы хотите завести собаку. Вы стоите перед выбором — какую предпочесть? Представительница какой породы будет самой преданной, самой понятливой, самой ласковой с хозяином и достаточно строгой к посторонним? У какой из них больше чуткости, такта, послушания? Какая наиболее неприхотлива, психически устойчива?

— Да, есть собаки, — говорит австрийский ученый-этолог Конрад Лоренц в книге «Человек находит друга», — отвечающие всем самым высоким требованиям человека. Это не породистые суперчемпионы, это не утонченные аристократы собачьего рода — это обыкновенные дворняжки!

Ведь совсем не зря на цирковых подмостках можно увидеть только помесей, а никак не чистопородных собак. Чистопородным не под силу сложность цирковых трюков, требующих большой сообразительности.

Развитию интеллекта собаки, по мнению К. Лоренца, вовсе не способствует строжайшая стандартизация пород — напротив, она мешает этому.

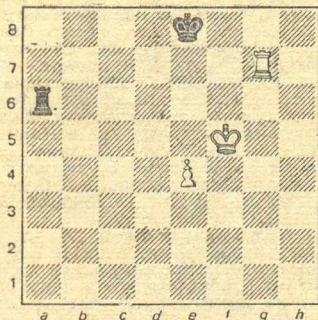
Нет оснований не доверять ученому. Родоначальник новой науки этологии, изучающий поведение животных не в лабораториях, а в естественных условиях, человек, умеющий «разговаривать» с животными, Конрад Лоренц своими научными трудами заслужил признание во всем мире. На русском языке вышла его книга «Кольцо царя Соломона». Это захватывающее повествование о том, как человек искал и находил общий язык с живым миром.

Так что, если возникнет проблема, собаче какой породы отдать предпочтение, послушайтесь совета Лоренца: берите помесь — не прогадаете.

(«Природа», 1971, № 9)

что говорит теория?

Позиция на диаграмме 1 типична для ладейных окончаний. У белых есть пешка, которую, разумеется, они хотят провести в ферзи, однако (что характерно для разбираемого положения) король черных занял поле отсюда «выкурить»? Теория уже 200 лет назад ответила на этот вопрос: нет!

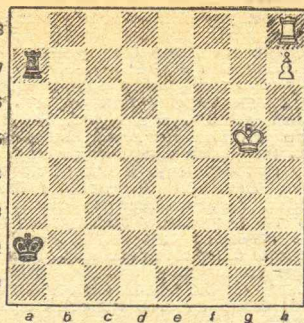

Ясный путь к ничьей еще в 1777 году указал знаменитый французский шахматист Филидор: пока пешка находится на 4-й или 5-й линии, черная ладья должна держаться на 6-й (не допуская на нее белого короля), но как только пешка ступит на 6-ю линию, черной ладье следует перебраться вниз и с тыла тревожить шахами вражеского владыку.

1. ... Лb6 2. e5 (ничего не даст и 2. Лq6, так как после 2. ... Л:q6 3. Крe7 4. Крf5 Крf7 — ничья).
2. ... Лa6 3. Лb7 Лc6 4. e6; пешка шагнула на 6-ю линию — черная ладья должна устремиться вниз!
4. ... Лс1! 5. Крf6 Лf1+ 6. Крg5 Лq1+ 7. Крf4 Лf1+ 8. Крg3 Лe1 9. Лb6 Крe7 — ничья.

со второго взгляда

Могут ли белые выиграть в позиции на диаграмме 2? На первый взгляд — нет. Как убрать с h8 ладью? Стоит ей двинуться — черные побьют пешку.

Может, для защиты пешки сыграть Крh6 или Крg6? Но черные ответят Лa6+ и, отогнав короля, снова вернутся ладьей на a7. Защитить пешку королем, чтобы «развязать руки» ладье h8, не удастся.

А что если направить короля к черной ладье? Прогнав ее с a7, мы бы достигли цели! Представим, будто белый король попал на b6 и черная ладья уходит. Тогда, если Лa7—4, то Лh8—f8, а если Лa7—e7, то Лh8—a8+; в обоих случаях белым обеспечен ферзь. Итак, играем:

1. Крf5 Кра3 2. Кре5 Кра4 3. Крd5 Кра5 — король черных подоспел к полю b6 первым, и оно стало недоступным для белого короля.

Выходит, и этот способ неприятен? Ведь белый король опаздывает на целых два хода... И тут-то (уже со второго взгляда!) мы замечаем, что он опоздал не на два хода, а лишь на один! В самом деле: если бы после 1. Крf5 Кра3 2. Кре5 Кра4 можно было шагнуть сразу на c5, то есть пойти Кре5—c5, то поле b6 было бы захвачено, так как отлет черных Кра4—a5 невозможен из-за хода Лh8—c8!, и пешка неуязвима.

Значит, все дело в том, чтобы в этой гонке королей суметь занять поле c5 до того, как черный король ступит на a5. Какой же придумать предварительный маневр? А он есть. Найдите его — и вы решите этот этюд П. Романовского.

полпути вместе

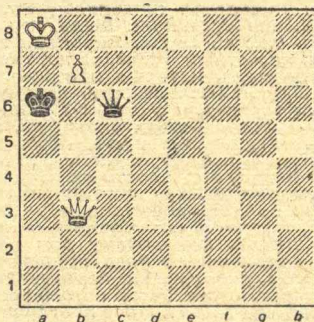
На диаграмме 3 — этюд Л. Ван-Флита. Надо найти выигрыш за белых, а этого можно достигнуть, лишь избавив пешку b7 от связи. Но как удалить черного ферзя с диагонали a8—h1? Если вы возьметесь отыскать все решение сами, то дальше не читайте — приступайте к поискам самостоя-

тельно. Но если чувствуете себя не очень уверенно, тогда приглашаем вас пройти полпути к цели вместе.

Сначала следует заставить ферзя черных уйти с поля c6. Для этого играем 1. Фb4! Теперь у черного короля ходов нет, а у ферзя четыре возможности: пойти либо на d5, либо на f3, либо на g2, либо на h1. Допустим, 1. ... Фd5. Тогда играем 2. Фa4+, а после 2. ... Крb6 делаем ход, заслуживающий двух восклицательных знаков...

— Двух восклицательных? — перебьет удивленный читатель. — Но их может заслужить только сильный, и притом неожиданный, и притом еще красивый ход! Откуда взяться ему в этой простой позиции?

Завершаем: такой ход тут есть! А поскольку полпути к цели пройдено — найдите его сами. Когда вы обнаружите и сделаете его, вам не только станет ясно, что белые победили, но и откроются глаза на то, как действовать при других отступлениях черного ферзя на первом ходу.

на вкус и цвет...

Известного в начале нынешнего века гроссмейстера, крупного теоретика шахмат Эрнста Грюнфельда спросили, почему он, когда играет белыми, избегает делать ход 1. e2—e4.

— Я никогда не допускаю ошибок в дебюте! — последовал ответ. Грюнфельд почти всегда начинал партию ходом 1. d2—d4.

Неизвестно, задавался ли подобный вопрос гениальному шахматисту прошлого века Полю Морфи, но его ответ можно было бы предугадать: Морфи ни одной партии не начинал ходом 1. d2—d4, а почти всегда ходил 1. e2—e4.

Ю. БАРСКИЙ

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:

М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПКОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колышева

Художественно-технический редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:

119823, ГСП,

Москва, Г-117,

Погодинская улица, 8

Телефоны редакции:

245-23-69, 245-03-73, 245-12-14

Рукописи и фотоснимки

не возвращаются.

Литературных консультаций

редакция не дает.

Подписано к печати
10 декабря 1971 года. А08733
Тираж 1 400 000 (1—600 000) экз.
Заказ 17. Бумага 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,81.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» им. А. М. Горького
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны
в Ленинградской типографии № 3
имени Ивана Федорова,
Звенигородская, 11.

картины нравов

свет улыбки

Если спуститься с Большого Каменного моста и пройти по набережной, то тут и попадешь на Ленивку. Эта горбатая улица до сих пор так и называется. А замечательна она тем, что в 1823 году, получив вольную от помещика своего Ираклия Ивановича Морикова, поселился здесь в доме господина Писаревой живописец Василий Андреевич Тропинин. Было ему в то время уже за сорок. Академик живописи, известный в Москве портретист.

Есть люди, которые и в несчастье не нажуются несчастными, потому что умеют терпеть, и в самых стеснительных обстоятельствах спокойны, потому что глубоко веруют, потому что принцип — все образуется — для них не принцип, а сущность их характера. Самому неудобству окружающего они умеют придать впечатление удобства, уют, каную-то необязательную притягательность. Вот почему дом на Ленивке стал своего рода прибежищем, приютом для многих переступавших его порог. Стоит Василию Андреевичу и жене его Анне Ивановне отлучиться, на парадной двери появляются надписи мелом: «Был Брюллов», «Был Витали»... Опять «Был Брюллов», «Был Булахов»...

Дверь гостям открывал обыкновенно или сам художник, или его сын. Вот Тропинин показался в дверях — среднего роста, с умной открытой физиономией, в очках, в халате; добродушно улыбаясь, говорит: «Вы меня извините, что я в халате, я усвоил это платье, в нем свободнее работать, да так и принимаю свою братию — художников...»

А в гостиной заботами Анны Ивановны уже на столе самовар, румянятся свежеспеченные крендельки, и все, даже глиняный нувшинчик со сливками, сияет добродушием и расположением к гостю. И начинаются разговоры истинно московские, открытые, долгие, некончающиеся. Петербуржцы приезжали в Москву поговорить. Только здесь еще хранились обычаи милой старины, когда просто-та и добросердечие, царящие в доме, как бы открывали сердца, и беседы больше походили на задушевные излияния, исповеди, чем на обычный житейский обмен новостями. А если заходил «на огонек» Павел Михайлович Васильев (служил он в Малом театре бухгалтером, а известен же был в Москве как замечательный гитарист, — когда писал его портрет Тропинин, то именно тонкий артистизм, благородство подчеркнул во всем облике) или беспечный и милый своей наивностью певец Петр Булахов (его песня «Три наслаждения в жизни нашей» пользовалась большой популярностью), можно было представить, как затягивались тропининские посиделки! Изъездивший полсвета, избалованный славой — и какой славой! — Брюллов, когда рассказывал о Москве, прежде всего вспоминал тропининский дом, доброго Василия Андреевича и чуть не со слезами

на глазах уверял: «Я бы у него жить стал, и нему бы на хлебы пошел...»

В доме на Ленивке прожил Тропинин больше тридцати лет, хотя средства давно позволяли ему снять квартиру попросторнее или занять собственный домом. Наверное, не съехал бы он отсюда никогда, если бы хозяйка не сдала нижний этаж под лавочку гробовщику. В своих привязанностях Василий Андреевич был постоянен. Ему совсем не свойственно было то душевное беспокойство, которое толкает людей к переменам. Впрочем, с некоторых пор, как получил он вольную, в своем постоянстве он стал как бы более настойчив. И это можно было понять из всей прошлой его жизни.

Помещика его, Ираклия Ивановича Морикова, нельзя было назвать человеком крутым или жестоко нравственным. В конце концов, если не всегда благодаря его личным заботам, то благодаря его непротивлению или расположению, Тропинин окончил Петербургскую Академию художеств, имел назначения из числа высокопоставленных людей, мог работать в прекрасной мастерской. Уж Ираклий Иванович постарался — отвел под мастерскую одну из самых больших, светлых комнат московского особняка. Но положение слуги в доме Морикова было мучительным для Тропинина. С добродушной улыбкой своей он рассказывал о случае, изменившем его положение и отношение к нему помещика. Приезжий француз-художник, побывав в мастерской Тропинина, необычайно расхвалил Морикову его работы. Приглашенный к обеду, он, увидев входящего в гостиную нарядно одетого художника, радостно вскричал ему навстречу, упрямившаяся сестра рядом. И Морков и Тропинин были чрезвычайно смущены, потому что одетый в парадную ливрею Тропинин вошел в гостиную, чтобы прислуживать за столом... С тех пор Морков ланейские обязанности с Тропининой снял. Но для художника тягостнее было другое: он был человеком без будущего, потому что его будущим распоряжался случай, а следовательно, он был и бездомным, потому что никакие стены не могли оградить, защитить от случая его настоящее. По его же внутреннему ощущению, мир души каждого человека должен быть хранимым миром его дома, всей той атмосферой, которая создается постоянством, обычаем — в отношении к вещам, к домашним, к порядкам и обычаям. Эта гармония внутреннего и внешнего мира, эта мечта Тропинина рождала тот свет, тот особенный настрой, который замечает мы в его лучших живописных вещах.

«Иные обвиняют меня в том, что мои портреты почти все улыбаются», — говорил однажды художник, как бы оправдываясь. — Да ведь я не придумываю, не сочиняю этих улыбок — я их пишу с натуры. Зачем передавать полотно неприятное выражение, которое останется без изменений, зачем производить тяжелое впечатление, возбуждать тяжелые воспоминания в любящих этого человека».

Не о вечности думал художник, когда в морщинах губ, выражении глаз, складках одежды своей модели искал свет улыбки, не для таинственного грядущего она предназначалась, а для того лишь, чтобы хранить мир и покой дома.

Стоит прибавить, что выбирал Тропинин для тех, кого писал, позы естественные, непринужденные — домашние, и одежды они были с домашней небрежностью, которая извинительна была только потому, что увеличивала очарование портрета. Его так и назы-

вали — «халатный живописец», и иногда приезжали заказывать портрет, почти всегда прибавляли: «Пожалуйста, в халате».

1855 годом датировано полотно, которое сам художник скромно назвал «За починкой белья». Старушка сидит у стола за работой. Мягкий свет заливает ее спокойное лицо, неярное будничное платье. Отчетливо выделяются на скатерти стола ножницы, рабочая норзинка. Никаких деталей в интерьере — только самовар на подоконнике и в зеркале, висящем на стене, отражение фигуры работающего художника. Но это одно из тех полотен, в которые можно войти.

...Мирно бьют часы в соседней комнате. Постепенно меркнет день, Василий Андреевич, ощущая боль в глазах, откладывает палитру, отодвигает мольберт от окна, моет кисти. А Анна Ивановна, которая позирует ему для картины, продолжает некоторое время спокойно работать. Все тот же притягательный уют в квартире на Ленивке. Освещенные заходящими лучами солнца, все так же заглядывают в окна купола кремлевских соборов, неторопливо светится Анна Ивановна, готова вечерний стол. Только не садятся за этот стол прежние гости: умер под Римом терзаемый болезнью Брюллов, нет в живых Витали, Петра Булахова.

Впрочем, может быть, мы должны совсем другое домыслить и ощутить в полотне Тропинина? Ведь не случайно он дал ему такое общее название и не помнил: портрет жены художника...

Может быть, хотелось ему в этой жанровой сценке передать свое впечатление от образов, которые толпились в его воображении после почти ежедневных прогулок по Замоскворечью?.. Рядом оно начиналось, за Каменным мостом. С его кривыми улицами и переулками, которые не строились по задуманному плану, а образовывались как-то сами собой, с садами, заборами, старыми приземистыми узорчатыми церквями и тем бытом, который живописал Александр Николаевич Островский. Дома с деревянными колоннами и не очень правильно выведенным мезонином или построенные без всяких архитектурных затей предназначались для замкнутой семейной жизни. И вечерами можно было наблюдать через незанавешенные окна картины жизни, верной стародоевским привычкам и обычаям. Критик Аполлон Григорьев, друг Островского, сам выросший в Замоскворечье, испытывал иногда чувство зависти, заглядывая в эти окна: «Вас манил и дразнил Аркадия, создаваемая вашим воображением, хоть, может быть, и не существующая на самом деле».

Образ старой женщины, склонившейся за работой, — разве не близок он всем временам, всем эпохам? Нет, в этой картине есть свое, только ей присущее обаяние, своя атмосфера. И войти в нее можно только через ту парадную дверь, которая вела в квартиру на Ленивку.

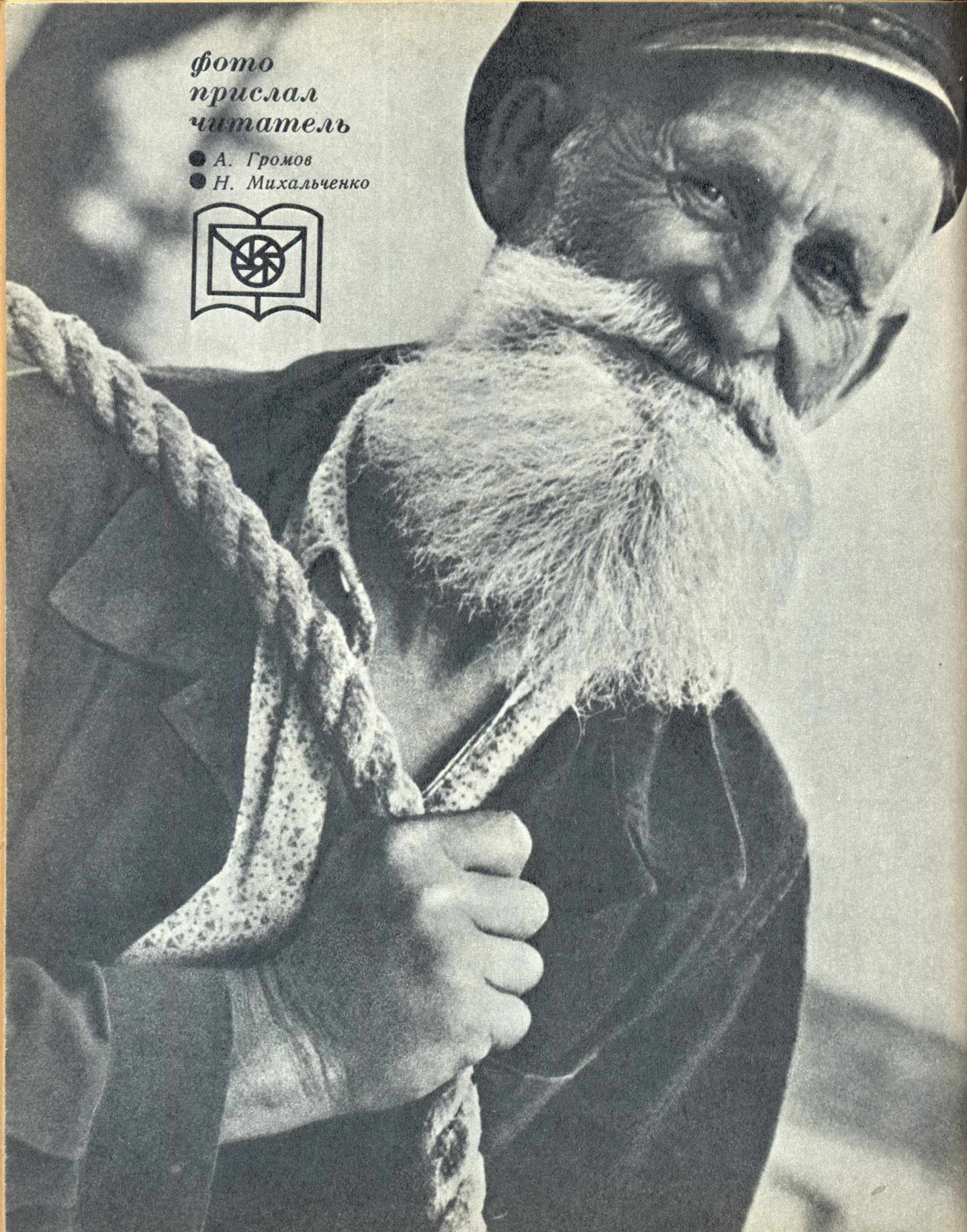
Впрочем, в том же году, когда написана была эта картина, Тропинины покинули Ленивку. В одном из замоскворецких переулков старый художник купил дом. Сын постарался обставить его так, как будто давно уже здесь шла их налаженная семейная жизнь: на окнах висели клетки с канарейками, повсюду стояли горшки с цветами. «Нам же хорошо у вас, весело!» — говорили Василию Андреевичу. «Нет, не говорите этого. Вот старуха моя умерла... Да и дверей тех нет, помните, что были в доме Писаревой...»

Л. ОСИПОВА

фото
прислал
читатель

- А. Громов
- Н. Михальченко

С НОВЫМ ГОДОМ!